

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЯ**

Москва
ИМЭМО РАН
2009

УДК 327
339.9
ББК 65.5
66.4 (2Рос)
Сост 668

Серия “Библиотека Института мировой экономики и международных отношений”
основана в 2009 г.

Научный руководитель исследования и ответственный редактор сборника –
член-корреспондент РАН **Г.И. Чуфрин**
Научно-техническое оформление рукописи выполнено н.с. **Е.П. Густилиной**

Настоящий сборник подготовлен при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Роль России в интеграционных процессах в Центральноазиатском – Прикаспийском регионе» (проект № 09-03-00029 а/Р).

Сост 668

Состояние и перспективы взаимодействия России со странами Центральной Азии и Закавказья/ Отв. ред. – чл.-корр. РАН Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 139 с.

ISBN 978-5-9535-0192-7

Авторами настоящего сборника анализируется современное состояние и перспективы развития политических и экономических отношений России с государствами Центральной Азии и Закавказья в условиях глобального кризиса и активизации внерегиональных стран на постсоветском пространстве. Особое внимание при этом ими уделено рассмотрению как двусторонних, так и многосторонних форм межгосударственного сотрудничества.

Authors of this collection of articles analyze the current state and prospects of development of Russia's political and economic relations with the countries of Central Asia and the Transcaucasus under conditions of the global economic crisis and growing activities of non-regional states in the post-Soviet space. Special attention in this analysis is given to bilateral as well as multilateral forms of interstate cooperation.

ISBN 978-5-9535-0192-7

© ИМЭМО РАН, 2009

Введение

Предлагаемый вниманию читателя сборник статей подготовлен в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 09-03-00029 а/Р, целью которого является изучение современного состояния и перспектив участия России в процессах межгосударственного сотрудничества и интеграции с постсоветскими странами, расположенными к югу от ее границ в Центральной Азии и Закавказье.

Изучению проблем межгосударственного политического и экономического сотрудничества в этом регионе, страны которого сравнительно недавно вышли на международную арену в качестве суверенных государств, уделяется в последние годы все большее внимание в различных научно-исследовательских центрах мира, в том числе в США, Китае, странах Евросоюза. Эта проблематика получила широкое освещение, в частности, в работах таких зарубежных исследователей, как Борис Румер, Фредерик Старр, Марта Брилл Олкотт, Стефен Бланк (все – США), Н. Макфарлейн, Рой Эллисон (Великобритания), Лена Йонсон (Швеция), Чжао Хуашен, Чэнь Юйжун и Чжу Сяньпин (Китай). Обращает на себя внимание при этом то, что западными учеными наряду с изучением уже сложившихся межгосударственных связей стран Центральной Азии и Закавказья активно разрабатываются концепции переустройства, «переформатирования» этих связей и одновременно формирования качественно новых международных отношений политического и экономического характера с основными центрами силы, с ведущими державами мира. В этой связи уместно упомянуть предложенные ими концепцию «Большой Центральной Азии» или военно-политическую программу «Каспийская стража», ставших уже частью официальной политики США в регионе. Что же касается китайских ученых, то в их исследованиях доминирует разработка не столько политических, сколько экономических интеграционных схем со странами региона.

Авторы данного сборника, среди которых ведущие специалисты Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, Российского института стратегических исследований (РИСИ) и Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ, в центр своего анализа поместили изучение как возможностей, так и реальных проблем двустороннего и многостороннего сотрудничества стран региона с Россией. По их мнению, становление и развитие процессов этого сотрудничества, будучи обусловлено широким комплексом причин политического, экономического, военного характера, в принципе отвечает коренным национальным интересам как России, так и новых суверенных государств Центральной Азии и Закавказья. Необходимость минимизации и последующего преодоления последствий глобального финансово-экономического кризиса, крайне болезненно сказавшегося на социально-экономическом состоянии как России, так и стран региона, не только подтверждает их взаимную заинтересованность в продолжении такого сотрудничества, но и вызывает настоятельную необходимость поиска и внедрения наиболее эффективных его форм.

Авторы сборника исходили при этом из того, что изначально объективно существовали достаточно благоприятные условия для межгосударственного сотрудничества между Россией и государствами Центральной Азии и Закавказья, которое могло бы в дальнейшем перейти в их политическую и экономическую интеграцию. В известной степени этому способствует сохраняющееся до сих пор влияние совместного их нахождения в течение многих лет в рамках единого народно-хозяйственного комплекса Советского Союза. Экономика России продолжает и после распада Советского Союза оставаться сильным полем

притяжения для развития единого рынка товаров, труда, инвестиций, кредитно-финансовых ресурсов и т. п. Потребность в сотрудничестве с Россией со стороны стран Центральной Азии и Закавказья усиливается их желанием использовать межгосударственную кооперацию для решения неотложных проблем своего социально-экономического развития, в том числе обеспечения надежного энергоснабжения, доступа к водным ресурсам, существенного повышения качества образования и здравоохранения.

Что же касается России, то страны Центральной Азии и Закавказья несомненно формируют зону ее важных национальных интересов, причем в современных условиях их значение в этом плане продолжает только усиливаться. Как весьма убедительно показали события августа 2008 г. на Южном Кавказе, положение в этом регионе крайне важно для обеспечения ее военно-политической безопасности. Не менее значимым является развитие многостороннего сотрудничества со странами региона в целях эффективного противостояния угрозам международного терроризма и наркоторговли, особенно на афганском направлении. В экономическом же отношении исключительно важное значение региона для интересов России определяется тем, что здесь находятся богатейшие природные ресурсы, включая биоресурсы Каспийского моря, а также месторождения нефти и природного газа, урановых руд, цветных и редких металлов, доступ к которым важен для обеспечения долгосрочного и устойчивого развития российской экономики.

Вместе с тем на пути к реализации целей межгосударственного сотрудничества и интеграции существует и немало препятствий, причем нередко труднопреодолимых. Среди важнейших из них, подрывающих принятие рациональных решений во взаимных интересах – большой разрыв в уровнях экономического развития стран Центральной Азии и Закавказья; резкий контраст между ресурсным потенциалом отдельных стран региона и нехваткой квалифицированных кадров, финансовых и технологических возможностей для социально-экономического подъема; существование межнационального недоверия, а порой и острого соперничества за лидерство в регионе. Страны региона – молодые суверенные государства, у которых еще не сформировались устойчивые национальные интересы и которые продолжают находиться в процессе своего государственного становления. Отсюда – довольно резкие колебания в их внешнеполитическом курсе, отражающие интересы различных групп и кланов, ведущих ожесточенную борьбу за власть, и, как следствие, недостаточная надежность региональных стран в качестве союзников и партнеров России.

В рамках изучения перспектив межгосударственного экономического и политического сотрудничества России со странами Центральной Азии и Закавказья и повышения его эффективности особое внимание авторами сборника было уделено как эволюции двусторонних отношений России со странами региона, так и развитию новых форм взаимодействия с ними на многосторонней основе в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Серьезное внимание авторами сборника было уделено выявлению реального баланса национальных интересов России и постсоветских государств региона в углублении взаимного сотрудничества в условиях резко обострившейся конкуренции со стороны внерегиональных стран, ведущих борьбу за укрепление собственных позиций в Центральной Азии и Закавказье.

Глубокое воздействие на положение дел в этом регионе – и в экономике, и в политике – оказывают соседние государства, в первую очередь Китай, Иран, Турция – каждая из которых активно преследует здесь свои интересы. Как следствие, их

политика стала важным фактором формирования региональной политической и деловой среды, влияющей, так или иначе, на политические и экономические отношения между странами региона и Россией. Соответственно в сборнике особое внимание уделено анализу роли Китая, который заметно активизировал свою региональную политику в условиях обострения глобального кризиса, особенно в Центральной Азии, причем как в рамках Шанхайской организации сотрудничества, так и на двусторонней основе.

Дальние внерегиональные страны подразделяются на два типа: а) страны, имеющие в основном экономические интересы в регионе (к их числу относятся Япония, Южная Корея, Индия, Пакистан); и б) США и члены Евросоюза – у которых экономические интересы сочетаются с политическими, причем в случае с США - политические и военно-стратегические интересы и цели нередко превалируют над экономическими.

Особенно важно отметить при этом заметно возросшую роль Соединенных Штатов в региональных отношениях в постсоветский период. Проводя наступательную политику в регионе, США, к сожалению, нередко не только не считаются с интересами, имеющимися здесь у России, но и входят в прямое столкновение с ними. А это, в свою очередь, требует от России, с одной стороны, проведения достаточно твердой и последовательной линии на отстаивание своих позиций, а с другой - поиска взаимоприемлемых компромиссов и развязок, причем не только во имя конструктивного развития собственно российско-американских отношений, но и преследуя более широкие цели формирования атмосферы взаимовыгодного международного сотрудничества в Центральной Азии и Закавказье в целом.

Публикуемые ниже статьи сборника анализируют как отдельные аспекты вышеперечисленных проблем регионального развития стран Центральной Азии и Закавказья, так и их влияние на национальные интересы России в своей совокупности.

I. Региональная безопасность: вызовы и ответы

Россия и постсоветские страны Центральной Азии и Закавказья: сотрудничество и конфликты

После вступления Д. Медведева в должность президента Российской Федерации внимание международной общественности было привлечено к тому, как новое руководство страны намерено формировать свой внешнеполитический курс в весьма непростых условиях современной международной политической обстановки и нарастания серьезных кризисных явлений в мировой экономике. Особый интерес при этом вызывала политика России в отношениях с государствами-членами СНГ, тем более что это направление внешнеполитической деятельности было заявлено новым руководством РФ как приоритетное в новой Концепции внешней политики России, которая была утверждена Д. Медведевым 12 июля 2008 г.

Проблема формирования Россией своего внешнеполитического курса (или его модификации) на постсоветском пространстве в современных условиях вполне очевидно осложняется тем, что, спустя без малого два десятилетия после распада Советского Союза, бывшие советские республики, прошедшие через горнило бурных и неоднозначных процессов формирования национальной государственности, стали заметно и даже принципиально отличаться друг от друга и по характеру своих политических систем, и по уровню экономического развития, а главное – по своим стратегическим целям, стремлениям и ориентациям. Складывающиеся под действием указанных процессов новые международные реальности и вызовы ставят перед российской внешней политикой неотложные задачи внесения изменений в ее приоритеты, конкретные цели и методы их достижения. А это, в свою очередь, вызывает у России необходимость более дифференцированного подхода к выстраиванию своих отношений с новыми суверенными государствами на постсоветском пространстве как в двустороннем, так и в многостороннем форматах.

Сделанные замечания в полной степени относятся к отношениям России с постсоветскими государствами Центральной Азии и Закавказья. В свою очередь необходимость анализа многогранных современных межгосударственных отношений России с этими странами, равно как и перспектив дальнейшего их развития обусловлена тем, что Россия имеет жизненно важные национальные интересы к югу от своих границ и должна активно их отстаивать во имя обеспечения как собственной, так и региональной политической, военной и экономической безопасности.

Углубление дифференциации в двусторонних отношениях

Строя свои отношения с постсоветскими странами Центральной Азии и Закавказья с учетом их индивидуальных особенностей и потребностей на взаимовыгодной основе, Россия сумела за последние годы добиться существенного прогресса в двусторонних связях с большинством из них.

Особо следует отметить в этой связи то значение, которое руководство России стремится придавать отношениям с Казахстаном, одним из крупнейших и наиболее авторитетных постсоветских государств, выстраивая тесные союзные связи с ним как в политике, так и в экономике. Свидетельством тому стало, в частности, то, что свой первый государственный визит за рубеж (в мае 2008 г.) новый президент России, Д. Медведев, совершил именно в Казахстан. Со своей стороны президент Казахстана Н. Назарбаев по достоинству оценил эти действия российского президента, охарактеризовав его визит как важную веху в развитии

российско-казахстанских отношений, которые, по его словам, «представляют сегодня наиболее успешную, эффективную модель двустороннего сотрудничества на всем постсоветском пространстве».¹

В ходе этой и последующих встреч президенты России и Казахстана рассмотрели широкий круг вопросов двустороннего экономического и политического сотрудничества, уделяя особое внимание при этом обсуждению стратегически значимых перспектив экономической интеграции, в т. ч. реализации Единого экономического пространства на двусторонней основе с последующим подключением к нему других желающих стран. Эти акценты в двусторонних российско-казахстанских переговорах органично вытекали из общего характера политики обеих стран, ибо именно Россия и Казахстан, являясь наиболее последовательными сторонниками стимулирования интеграции на постсоветском пространстве, демонстрировали глубокую убежденность в том, что достижение этой цели отвечает их общим интересам.

Взаимная заинтересованность в сотрудничестве при решении разнообразных и зачастую весьма сложных проблем сохранилась и в период обострения глобального финансово-экономического кризиса, поразившего экономику и России, и Казахстана. Особенно болезненно на ее состоянии сказалось стремительное и глубокое падение мировых цен на углеводородное сырье, вывоз которого занимает ведущее место в экспортных доходах обеих стран. В результате под вопросом оказались ранее разработанные масштабные инвестиционные планы, в том числе затрагивающие перспективы двустороннего российско-казахстанского сотрудничества, включая сферу высоких технологий.

В этих условиях перед Россией и Казахстаном встали серьезные задачи по преодолению негативного воздействия мирового кризиса на их экономики, в том числе за счет взаимодействия по финансово-банковским вопросам, укрепления партнерства в сфере таможенного контроля и на транспорте, внедрения инновационных технологий, по вопросам транзита энергоресурсов, по созданию совместных предприятий и т. д. Конкретные возможности и перспективы такого взаимодействия неоднократно рассматривались руководителями России и Казахстана. В частности, президенты России и Казахстана обсудили и одобрили предложение казахстанской стороны разработать стратегический план дальнейшего углубления двустороннего сотрудничества на последующее десятилетие, которое охватывало бы все аспекты российского казахстанского взаимодействия – от политического до экономического и от военного до научного и гуманитарного. При этом по существу речь шла о роли России как лидера на постсоветском пространстве и ее способности предложить своим партнерам достаточно привлекательную, а главное – действенную, модель преодоления глобального финансово-экономического кризиса через сотрудничество как на двустороннем, так и многостороннем уровнях.

Эти же принципы лежат в основе отношений России с другим крупным центрально-азиатским государством, Узбекистаном, для внешнеполитического курса которого, как известно, характерны неоднократные резкие изменения и смена ориентации. Весьма важной поэтому для поддержания и укрепления двусторонних связей Узбекистана с Россией стала договоренность, достигнутая в ходе визита Д.Медведева в Ташкент в январе 2009 г., о закупке узбекского газа по мировым ценам в обмен на гарантии со стороны Узбекистана продавать весь свой экспортный газ только России. Одновременно стороны договорились о расширении газотранспортной сети по маршруту Средняя Азия-Центр, что позволяет России в последующие годы существенно увеличить закупки газа в Узбекистане. Это соглашение, будучи, несомненно, коммерчески выгодно Узбекистану, нанесло

серьезный удар по планам возможных поставок узбекского газа на мировой рынок в обход России по газопроводу в рамках проекта «Набукко», осуществляемому при поддержке Евросоюза.²

Не менее, а возможно и более сложные задачи России приходится решать в Закавказье во взаимоотношениях с Азербайджаном с учетом того, что, во-первых, Азербайджан находится в состоянии длительного конфликта по поводу Нагорного Карабаха с Арменией, являющейся союзником России по ОДКБ. И, во-вторых, потому что во внешней политике и практике Азербайджана достаточно заметна прозападная ориентация, которую США и страны Евросоюза целенаправленно стремятся усилить. Стремясь к укреплению взаимопонимания с Азербайджаном по широкому кругу вопросов, представляющих взаимный интерес, и решению тех из них, которые еще остаются открытыми, Москва выражала готовность строить отношения с Баку на основе взаимности, баланса интересов и взаимной выгоды. Следование этим принципам было продемонстрировано российской стороной в ходе интенсивных политических контактов, шедших между двумя странами в последнее время, в том числе во время визитов Президентов России Д. Медведева и Азербайджана И. Алиева в Баку и Москву соответственно в июле 2008 г. и апреле 2009 г.

В частности, свидетельством взаимной заинтересованности в развитии экономических связей является то, что России и Азербайджану удалось в 2005-2008 гг. увеличить взаимный товарооборот почти в 2,5 раза.³ И хотя в 2009 г. произошло сокращение объема торговли, однако оно было все же меньшим, чем по СНГ в целом. Так, если Азербайджан осуществит свои намерения увеличить размеры поставок природного газа России, перспективы строительства вышеупомянутого газопровода «Набукко» станут еще менее реальными. Впрочем, позиция Азербайджана по вопросу участия в этом газопроводе остается весьма противоречивой, о чем свидетельствует подписание им совместно с Грузией и Турцией политической декларации в поддержку строительства газопровода в мае 2009 г.⁴ Заметим попутно также, что судьба «Набукко» будет решаться в зависимости от позиции еще одного прикаспийского государства, Туркменистана, активно ведущего в последнее время поиски новых и дополнительных маршрутов экспорта своего газа.

Что же касается нагорно-карабахского конфликта, то в ходе переговоров с Азербайджаном Россия неоднократно заявляла, что она заинтересована в скорейшем мирном и справедливом его урегулировании на основе норм международного права и в целях укрепления стабильности на Кавказе. При этом Россией подчеркивалось, что она согласится с любым вариантом урегулирования, которое будет приемлемо для непосредственных сторон конфликта – Азербайджана и Армении, и более того – была бы готова взять на себя роль гаранта урегулирования при согласии на это сторон.

Перспективы урегулирования нагорно-карабахского конфликта, наряду с вопросами сугубо двустороннего характера, стали тем самым важной частью переговоров России и Армении на различных уровнях, в том числе и в первую очередь на уровне президентов этих стран. Как следствие, в последние годы наблюдалась явная активизация роли России в вопросе урегулирования этого конфликта мирным путем, что нашло отражение в принятии в ноябре 2008 г. при ее непосредственном участии Майендорфской декларации о неприменении силы, ставшей первым с 1994 г. совместным документом, подписанным Арменией и Азербайджаном по нагорно-карабахскому конфликту.

Впрочем, перспективы укрепления влияния России на Южном Кавказе далеко не безоблачны, в том числе в связи с появлением важных новых факторов,

связанных с наметившимся сдвигом в армяно-турецких отношениях в сторону их нормализации и способных тем самым оказать существенное воздействие на развитие региональной ситуации. Знаменательным событием в этой связи стало подписание Арменией и Турцией совместного заявления об улучшении отношений («дорожной карты») в апреле 2009 г. Если в результате выполнения этой «дорожной карты» будет открыта армяно-турецкая граница (закрытая Турцией еще в 1993 г. из-за нагорно-карабахского конфликта), то принципиально изменится геополитическое положение Армении и, как следствие, в ее внешней политике, без сомнения, усилятся принципы пресловутой «многовекторности». Хотя сколько-нибудь существенное потепление в армяно-турецких отношениях вряд ли возможно уже в ближайшее время, оно, тем не менее, вполне вероятно в достаточно обозримой перспективе. Как следствие, возможны различные сценарии развития региональной ситуации, в том числе связанные с вполне вероятным усилением прозападного вектора во внешней политике Армении. В этом случае нынешнее влияние России в этой стране, как политическое, так и экономическое, может быть существенно ослаблено.

Весьма важную роль в определении позиций России в Центральной Азии и Закавказье являются ее действия, направляемые на оказание помощи тем региональным государствам, которые в условиях обострения глобального кризиса испытывают наибольшие финансовые и экономические трудности и, по существу, самостоятельно решить их не в состоянии.

К их числу относится, в частности, Киргизия, состояние национальных финансов которой, показатели инфляции и размеры безработицы по мере развертывания глобального кризиса значительно ухудшились, а положение в реальном секторе экономики оказалось едва ли не катастрофическим.

В целях оказания содействия Киргизии в преодолении сложившихся трудностей в феврале 2009 г. в Москве была достигнута договоренность о предоставлении ей безвозмездной помощи в размере 150 млн. долл., а также льготного кредита в размере 300 млн. долл. на поддержку государственного бюджета под 0,75% годовых сроком на 40 лет с семилетней отсрочкой платежа и о привлечении российских инвестиций в размере 1,7 млрд. долл. в энергетическую отрасль, а именно на строительство двух Камбаратинских ГЭС на реке Нарын.⁵

Глобальный кризис не менее болезненно сказывается на экономике еще одного центрально-азиатского государства, Таджикистана, причем не только ввиду падения мировых цен на основные товары его экспорта – хлопок и алюминий, но и в связи с угрозой потери занятости за рубежом (в основном в России) трудовыми мигрантами и, как следствие, резкого сокращения ими денежных переводов на родину. О том же, насколько важны эти переводы для экономики Таджикистана, говорит тот факт, что в 2008 г., по имеющимся оценкам, они составили более 40% ВВП страны. Не вызывает сомнений поэтому, что массовое возвращение на родину трудовых мигрантов ввиду потери ими рабочих мест в России, может привести не только к массовой безработице, но и к серьезному ухудшению общей социально-экономической ситуации в Таджикистане.

Вместе с тем и экономическим интересам России, особенно в среднесрочной и долгосрочной перспективе, вряд ли отвечает массовое сокращение числа трудовых мигрантов из Таджикистана (а также из Азербайджана, Киргизии и Узбекистана), которые уже заняли достаточно прочное место на российском рынке труда, в том числе на строительстве и в сфере обслуживания, восполняя там нехватку собственных трудовых ресурсов. Поэтому среди возможных методов оказания помощи Таджикистану (а также другим постсоветским странам региона) по снижению остроты испытываемых ими проблем, связанных с глобальным кризисом,

при одновременном соблюдении интересов самой России, весьма важным должно стать проведение гибкой иммиграционной политики, которая бы не только регулировала размеры трудовых квот, но и обуславливала их предоставление выдачей разрешений на работу целевого характера, в частности направление трудовых мигрантов на объекты, имеющие приоритетное значение для России. Осуществление такой политики, при всех очевидных собственных трудностях социально-экономического характера, переживаемых Россией в настоящее время, предоставил бы ей шанс максимально использовать свой потенциал сотрудничества и одновременно укрепить свои конкурентные позиции в борьбе с внерегиональными державами за влияние в странах Центральной Азии и Закавказья.

В богатом спектре отношений России с постсоветскими государствами Закавказья наблюдается, к сожалению, и явная тенденция к ухудшению связей с Грузией. Следует подчеркнуть, что ее первопричины были связаны со стремлением правящей элиты Грузии (или, по крайней мере, значительной ее части), радикально изменить основной вектор развития страны, отказавшись от традиционного многовекового сотрудничества с Россией и переориентировав его на сближение с Западом, на вхождение в западные экономические (Евросоюз) и военно-политические (НАТО) структуры. Кульминацией развития этого негативного политического процесса стал открытый российско-грузинский конфликт в августе 2008 года, явившийся в свою очередь прямым следствием военной агрессии, развязанной Грузией против Южной Осетии.

Анализируя агрессию Грузии против Южной Осетии, следует подчеркнуть, что подготовка к ней велась грузинским руководством на протяжении длительного периода, в течение которого планомерно и целенаправленно наращивался военный потенциал страны. После того, как в январе 2004 г. М. Саакашвили захватил власть в результате государственного переворота, ежегодный рост военных расходов в государственном бюджете стал развиваться исключительно высокими темпами, составив 40% в 2004 г., 166 % - в 2005 г., а в 2006 и 2007 гг. - соответственно 69% и 64%. Как следствие, отмечает Стокгольмский международный институт по проблемам мира (СИПРИ), военные расходы Грузии за эти годы были увеличены в неизменных ценах более чем в 10 раз.⁶ А по темпам роста военных расходов Грузия вышла на первое место в мире. Кроме того, Грузия стала получать на регулярной основе массивную военную помощь от ряда стран НАТО, в первую очередь – США, размеры которой доходили до 70% от величины собственных расходов.⁷

Нарастив к августу 2008 г. свой военный потенциал и рассчитывая на фактор внезапности в проведении военной операции, грузинское руководство полагало, что ему удастся в считанные дни добиться желаемого успеха в Южной Осетии (а затем, видимо, – и в Абхазии) и получить политическое одобрение своих действий со стороны консервативных кругов Запада, в частности, со стороны республиканской администрации в Вашингтоне.

Развитие событий по такому сценарию не только отвечало агрессивным устремлениям грузинского руководства, но и грубо нарушало условия Дагомысского соглашения по поддержанию мира между Грузией и Южной Осетией, заключенного в 1992 г. с участием России, а следовательно демонстративно нарушало законные интересы России в этом регионе. К тому же российский миротворческий контингент, находившийся на территории Южной Осетии, подвергся неспровоцированному нападению с грузинской стороны и понес людские потери.

В этих условиях Россия не могла занять пассивную позицию и игнорировать агрессивные действия Грузии. Отстаивая свои национальные интересы, защищая жизнь и достоинство своих граждан, Россия продемонстрировала готовность и способность использовать в этих целях свои вооруженные силы, что, кстати, стало

принципиально важным этапом в ее новейшей внешней политике в постсоветский период. Вместе с тем Россия ограничила свою военную акцию лишь принуждением агрессора к миру и не предприняла каких-либо действий по расширению ее масштабов.

Что же касается признания ею независимости Абхазии и Южной Осетии, то этот внешнеполитический акт явился лишь констатацией возникновения новой геополитической реальности на Южном Кавказе, связанной с завершением процесса завоевания народами этих стран своего национального суверенитета и отделения от Грузии, процесса, который, кстати, начался еще в 1990-х гг. и нашел свое юридическое подтверждение в результатах общенациональных референдумов.

Хотя активная фаза российско-грузинского конфликта ограничилась пятидневной войной, не приходится сомневаться в том, что антироссийски настроенная часть грузинской политической элиты будет и впредь стремиться использовать любые предлоги, не гнушаясь и откровенными провокациями, для того, чтобы максимально испортить отношения между нашими народами.⁸ В этих условиях перед российской стороной стоит исключительно трудная задача не допустить дальнейшего развития наших двусторонних отношений по наихудшему сценарию и попытаться вернуть их в русло нормализации и сотрудничества. Поскольку же делать это предстоит в условиях углубляющегося кризиса политической власти в Грузии, то тем сложнее будет добиваться желаемых результатов.

Многосторонняя дипломатия на постсоветском пространстве

Развитие сотрудничества с постсоветскими странами предполагает активное использование Россией в этих целях методов и средств не только двусторонней, но и многосторонней дипломатии.

Значение существующих на постсоветском пространстве многосторонних организаций (СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ и др.) заключается не только в том, что они так или иначе должны способствовать согласованию позиций их участников и решению отдельных конкретных вопросов (политических, экономических, военных, гуманитарных), лежащих в юрисдикции каждой из них, но и в том, что каждая из этих организаций и все они вместе призваны способствовать своей деятельностью укреплению между их участниками отношений взаимного доверия и сотрудничества, способствуя тем самым созданию эффективного содружества равноправных суверенных стран.

Вместе с тем нельзя не видеть того, что эффективность, например, Содружества Независимых Государств (СНГ) – не только минимальна, но и продолжает угасать. Эта организация ныне – по существу всего лишь переговорная площадка, да к тому же с фактически сужающимся составом участников. Так, Украина в последнее время заметно снизила свою заинтересованность в деятельности СНГ и в тех его проектах, к которым ранее проявляла интерес (как, например, создание Единого экономического пространства). Туркмения подчеркнуто ограничивает свое участие в СНГ только в качестве ассоциированного члена, а Грузия после событий на Кавказе в августе 2008 года и вовсе из него вышла. Что же касается остальных участников СНГ, то принимаемые ими решения носят фактически характер рекомендаций, не обязательных к исполнению, да и никаких механизмов по контролю за их исполнением не предусмотрено.

Положение в Евразийском экономическом сообществе (ЕврАзЭС), членами которого наряду с Россией сейчас являются Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан, относительно лучше, но не намного, свидетельством чему стала

приостановка членства в ней Узбекистана в октябре 2008 года. Авторитет ЕврАзЭС может, однако, возрасти, если удастся завершить, как это уже официально объявлено, создание к 2010 году Таможенного союза в составе России, Казахстана и Белоруссии. Как известно, первая попытка организовать такой союз на территории бывшего СССР была предпринята еще в середине 1990-х гг. Однако России, Казахстану, Белоруссии, Киргизии и Таджикистану, принимавшим участие в переговорах по этому вопросу, так и не удалось согласовать свои позиции по формированию единого таможенного тарифа, и их усилия по созданию Таможенного союза тогда завершились неудачей.

Новая попытка сформировать Таможенный союз первоначально в составе трех государств (а именно России, Белоруссии и Казахстана) была предпринята в начале 2008 г. Согласно достигнутой договоренности между этими странами, предполагается унификация основных положений регулирования торговли между ними, создание единой таможенной территории и наднациональных органов управления. В этих целях подготовлен План действий на 2008-2010 годы по формированию Таможенного союза и подписан пакет из 9 соглашений, формирующих его договорно-правовую базу.⁹ Речь идет, в частности, о соглашениях о едином таможенно-тарифном регулировании; о вывозных таможенных пошлинах в отношении третьих стран; о единых правилах определения страны происхождения товаров; о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран; о применении специальных защитных антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам; об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через границу Таможенного союза, и некоторых других. Комиссии Таможенного союза, являющейся его высшим органом, и правительствам трех государств-участников предстоит в течение 2009 года завершить формирование единого таможенного тарифа по всей номенклатуре товаров, ввозимых на их территории. Потребуется также разработать таможенный кодекс Союза и статут суда Таможенного союза, а также целый ряд других документов, формирующих договорно-правовую базу союза.

Задача стоит в том, чтобы эти соглашения были не только достигнуты в оговоренные сроки, но и начали осуществляться и тем самым начали давать реальные результаты. Определенный оптимизм в этом плане вселяет то, что к середине 2009 г. было согласовано свыше 95% товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕврАзЭС, по которым зафиксированы ставки в базовом перечне единого таможенного тарифа.¹⁰ Сторонам удалось также подписать ряд дополнительных соглашений, касающихся взаимодействия между участниками Союза, в частности о взаимных тарифных преференциях и об условиях применения тарифных квот в отношении сельхозтоваров и продукции, приравненной к ним.

Достигнутый прогресс в согласовании взаимных позиций позволяет с известным оптимизмом предполагать, что нынешним участникам переговоров по формированию Таможенного союза удастся достичь поставленных целей в намеченные сроки. В этом случае будет на практике обеспечено свободное перемещение товаров, услуг и рабочей силы между его участниками. Снятие же ограничений во взаимной торговле должно принести им существенные выгоды, способствуя не только увеличению размеров взаимного товарооборота, но и стимулируя в целом развитие их национальных экономик, что является особенно важным в условиях обострения глобального финансово-экономического кризиса.*

* Другие члены ЕврАзЭС внимательно наблюдают за процессом создания Таможенного союза, причем Киргизия в июне 2009 г. обратилась к странам-учредителям с просьбой о начале в рабочем порядке процедуры ее присоединения к Союзу (http://news.km.ru/rossiya_belorussiya_i_kazahstan)

Стремясь минимизировать последствия этого кризиса на экономику своих стран, члены Сообщества провели в начале февраля 2009 г. заседание Межгосударственного совета ЕврАзЭС, на котором приняли решение об учреждении Антикризисного фонда ЕврАзЭС в размере 10 млрд. долл. и о создании Центра высоких технологий ЕврАзЭС, который должен будет обеспечивать реализацию научно-технических программ и инновационных проектов в рамках Сообщества.¹¹ Основную финансовую нагрузку при этом взяла на себя Россия, доля которой в создаваемом Фонде была определена в размере 7,5 млрд. долл., обеспечив ей таким образом контрольный пакет Фонда, тогда как Казахстана – 1 млрд. долл. и остальных трех стран – 1,5 млрд. долл. Средства Фонда, по мнению его учредителей, должны стать эффективным инструментом по стабилизации экономической ситуации в государствах Сообщества. Предполагается, что они будут выделяться государствам ЕврАзЭС с низким уровнем доходов для кредитования внешнеторговых операций во взаимной торговле и финансирования межгосударственных инвестиционных программ. При этом Фонд будет выдавать стабилизационные кредиты под гарантии государства, запрашивающего такой кредит. С ним будут сотрудничать уже работающий Евразийский банк и создаваемый Центр высоких технологий ЕврАзЭС.

Другой важной многосторонней организацией, действующей на постсоветском пространстве, но уже не экономического, а военно-политического характера, является Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), созданная в 2003 г. в составе России, Белоруссии, Армении, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, к которым в августе 2006 года присоединился и Узбекистан.

Добиваясь повышения эффективности системы коллективной безопасности в зоне ответственности этой организации, ее члены на протяжении нескольких лет последовательно совершенствовали нормативно-правовой механизм деятельности ОДКБ.

Одновременно происходила трансформация самого понятия безопасности. Наряду с укреплением многостороннего сотрудничества по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, наркотрафиком, незаконными поставками оружия и взрывчатых веществ и отмытием денег в повестку дня организации были включены также миротворческие функции, борьба с широким спектром угроз гуманитарного характера, а также противостояние экологическим, техногенным и эпидемиологическим катастрофам.

В результате наметилась трансформация ОДКБ из чисто военно-политической структуры в универсальную многопрофильную международную организацию, занимающуюся всеми вопросами обеспечения безопасности, причем ряд ее вновь приобретенных функций явно дублировался или пересекался с функциями других коллективных организаций, действовавших на постсоветском пространстве, в частности с ЕврАзЭС.

Тенденция к фактическому понижению роли собственно военной составляющей в деятельности ОДКБ наблюдалась вплоть до вооруженной агрессии Грузии против Южной Осетии. В начале сентября 2008 г. члены ОДКБ сделали совместное заявление, в котором они осудили действия Грузии и поддержали активную роль России в обеспечении мира на Кавказе.¹² Активизировалось и их внимание к конкретным планам укрепления военного сотрудничества. Об этом свидетельствовало решение, принятое главами государств-членов ОДКБ в Москве в феврале 2009 г., создать Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), способные быстро и эффективно реагировать на различные категории существующих и потенциальных вызовов и угроз национальной безопасности

членов ОДКБ – от военных и пограничных конфликтов до террористических актов, наркоторговли и других видов организованной преступности.¹³

В этой связи в состав КСОР должны входить высококомобильные воинские соединения, части и подразделения, оснащенные современной военной техникой. Предполагается, что их костяк составят два российских соединения постоянной боевой готовности – воздушно-десантная дивизия и десантно-штурмовая бригада ВДВ. В интересах КСОР будет активно использоваться военно-транспортная авиация, а также российская авиабаза в Киргизии. Общая численность КСОР может составить от 15 до 20 тысяч военнослужащих. Все воинские формирования будут иметь общее командование. В дальнейшем участники ОДКБ заявили о своем намерении создать совместные системы ПВО, а также региональные системы связи и управления вооруженными группировками.

Реализация этих планов означает не только создание в рамках ОДКБ многофункциональных вооруженных сил, способных оперативно реагировать на различные вызовы и угрозы, но и призвана превратить эту организацию в полноценный военно-политический союз.

Однако отнюдь не все члены ОДКБ в одинаковой степени и одинаковым образом интерпретировали принятые решения.

Так, президент Узбекистана Ислам Каримов высказался против предложения президента Казахстана Нурсултана Назарбаева подключить к военной компоненте КСОР также силы МЧС, МВД и спецслужб.¹⁴ К тому же президент Узбекистана хотя и дал согласие на участие своей страны в КСОР, но оговорил его тем, что это участие будет осуществляться не на постоянной основе, а на принципах делегирования подразделений для участия в отдельных операциях.¹⁵

Не приходится сомневаться в том, что подобные оговорки весьма негативно могут сказаться на эффективности деятельности КСОР и оперативности принятия решений их командования в условиях возникновения кризисных ситуаций. Поэтому крайне актуальным является та часть решений московского саммита, где говорится о необходимости внесения в национальные законодательства стран-членов ОДКБ соответствующих изменений, обеспечивающих оперативность применения сил и средств, выделяемых в состав КСОР.

Несомненно, уточнение общих и конкретных задач ОДКБ будет продолжено и в будущем, будучи обусловлено необходимостью эффективного поддержания безопасности в зоне ее ответственности. Вместе с тем, представляется, что ход и масштабы эволюции ОДКБ, как в организационном отношении, так и – что особенно важно – в определении основного вектора развития и степени эффективности деятельности, будут испытывать на себе влияние не только внешних факторов, связанных с различными угрозами безопасности военного и невоенного характера, но и внутренних, которые обусловлены сохраняющимися противоречиями между самими членами ОДКБ.

Подтверждением этому могут послужить результаты саммита государств-членов ОДКБ, состоявшегося в середине июня 2009 г. в Москве по вопросам, связанным с созданием КСОР. Если президент Узбекистана Ислам Каримов высказал особое мнение по ряду позиций при подписании итогового документа совещания, то Президент Белоруссии Александр Лукашенко вообще бойкотировал заседание, объясняя это обострением двусторонних российско-белорусских связей по поводу поставок в Россию молочной продукции.¹⁶

Перспективы российско-американских отношений в Центральной Азии и Закавказье

Среди различных проблем и трудностей, которые России приходится преодолевать на пути к обеспечению своих национальных интересов в Центральной Азии и Закавказье, к числу наиболее значительных относятся те, которые обусловлены растущей конкуренцией за политическое и экономическое влияние в этом регионе со стороны США, объявивших постсоветское пространство еще в 1990-х гг. зоной своих важных национальных интересов. При этом США, приняв соответствующее законодательство, открыто заявили о своем намерении:

(а) под предлогом борьбы против неоимпериалистических устремлений России активно противодействовать любым попыткам политической реинтеграции постсоветского пространства и возрождения единого государства на этом пространстве (или даже на какой-то его части) в любой форме;

(б) добиваться формирования на постсоветском пространстве такой системы региональной безопасности, в которой бы США и их союзникам по НАТО принадлежало центральное место, либо вовлекать постсоветские страны напрямую в членство НАТО;

(в) в экономике получить широкий доступ к сырьевым ресурсам этих стран, в том числе и в первую очередь - к энергетическим, и добиваться максимально благоприятных условий своей деятельности на потенциально весьма значительном местном рынке товаров и услуг.

Следуя этим установкам на протяжении последующих лет, Соединенные Штаты сумели достичь весьма значительного прогресса в политических отношениях с постсоветскими странами Центральной Азии и Закавказья, и получить прочные позиции в экономике большинства из них, в первую очередь в горнодобывающих отраслях.¹⁷

Примечательно, что, закрепляясь в этих государствах, США руководствовались не только собственными стратегическими интересами, но и опирались на согласие местных правящих элит. Для них привлечение американского капитала в национальную экономику, причем зачастую на сверхльготных для него условиях, виделось как скорейший и эффективный ответ на многие сложные проблемы хозяйственного развития, решить которые собственными силами они были не в состоянии, а укрепление военно-политических связей с США вплоть до желания вступить в НАТО (Грузия) или согласия на прямое военное присутствие американских военных формирований и баз на своей территории (Узбекистан, Киргизия) представлялось наиболее эффективной гарантией собственного сохранения во власти в условиях остававшейся нерешенности важнейших социально-экономических проблем, роста социального недовольства и оппозиционных настроений, в том числе радикальных, среди широких слоев населения. В некоторых из этих стран (в тех же Киргизии или Узбекистане) в последующем наступило тяжелое разочарование в этих надеждах и, как следствие, отказ от преимущественно прозападной ориентации в своей внешней политике. Тем не менее, прозападный вектор в политике постсоветских государств Центральной Азии и Закавказья и связанные с этим стратегические расчеты сохраняются, хотя и в разной степени от одной страны к другой.

Эти обстоятельства, несомненно, создают определенную благоприятную среду для действий США в Центральной Азии и Закавказье. Нет поэтому оснований сомневаться в том, что и после прихода к власти президента Б. Обамы политика США на постсоветском пространстве (в том числе в Центральной Азии и Закавказье) в основе своей останется неизменной, тем более что на ключевых должностях в его

администрации находятся люди, непосредственно связанные с формулированием ее фундаментальных целей и началом действий по их достижению еще во времена президента Клинтона. Впрочем, риторика по обоснованию внешнеполитических целей США в этой части земного шара меняется и, возможно, будет меняться в дальнейшем, но это скорее следует рассматривать как тактический ход, как стремление исправить ошибки и просчеты, допущенные предыдущей администрацией Дж. Буша-мл., но не более того.

Со своей стороны Россия в последние годы осуществила переход к заметно более активным политическим и экономическим действиям в отношениях с бывшими советскими республиками (в том числе в Центральной Азии и Закавказье), как на двусторонней основе, так и через многосторонние механизмы (ЕврАзЭС, ОДКБ, Евразийский банк развития и пр.), и впервые, как это показали события августа 2008 г. на Кавказе, продемонстрировала готовность к использованию силовых методов по отстаиванию своих интересов на постсоветском пространстве.

Как следствие таких взаимоисключающих подходов возможности какого-то конструктивного взаимодействия между Россией и США на постсоветском пространстве выглядят весьма ограниченными или вообще невозможными.

Вместе с тем при планировании и проведении своей политики в Центральной Азии и Закавказье как Россия, так и США не могут не считаться с тем, что в настоящее время ситуация здесь заметно осложнилась под влиянием ряда эндогенных и экзогенных факторов, получивших развитие в весьма непростых условиях современной международной политической обстановки и нарастания серьезных кризисных явлений в мировой экономике, что затрагивает, хотя и в асимметричной степени, интересы России и США и их стратегические цели. А это в свою очередь способно создать условия для активизации российско-американского взаимодействия, пускай и ограниченного по своим масштабам.

К числу наиболее существенных из упомянутых факторов относятся:

(а) серьезные неудачи и провалы в социально-экономической политике многих стран рассматриваемого региона (в т.ч. в Грузии, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии), не только не решивших важнейших задач своего национального развития, но и оказавшихся неспособными предотвратить ухудшение положения широких масс населения, падение и без того невысокого уровня их жизни, рост безработицы, деградацию и разрушение унаследованных еще от советских времен систем образования и медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения и т. д.; более того, в условиях развивающегося глобального экономического и финансового кризиса серьезные экономические трудности встают и перед такими еще совсем недавно относительно благополучными постсоветскими государствами, как Казахстан;

(б) в связи с заметно ухудшающимся социально-экономическим положением в постсоветских государствах Центральной Азии и Закавказья усиливается и угроза их политической дестабилизации; с одной стороны, наблюдается явная утрата популярности политических партий и движений демократической ориентации, а то и откровенный их провал; с другой стороны, происходит рост популярности радикальных и даже откровенно экстремистских групп, партий и движений, в том числе опирающихся на идеологическую и материальную поддержку из-за рубежа (что особенно относится к центрально-азиатским странам).

При всех имеющихся между ними расхождениях в оценке желательных перспектив развития ситуации в постсоветских государствах Центральной Азии и Закавказья ни Россия, ни США не могут оставаться безразличными к возможности ее дестабилизации и радикализации. Поскольку такая угроза выглядит наиболее вероятной в отношении центрально-азиатских стран, а ее осуществление в

значительной степени будет зависеть от развития политической ситуации в соседнем Афганистане, то в качестве первоочередной задачи требуется укрепление взаимодействия России и США по предотвращению такой угрозы и недопущению возвращения к власти движения Талибан.

Для этого, в частности, Соединенным Штатам требуется получение права на транзит не только гражданских, но и военных грузов через территорию России, что гарантировало бы надежность их доставки Международным силам содействия безопасности (МССБ) во главе с США в Афганистане. В последнее же время доставка таких грузов, основная часть которой осуществляется через территорию Пакистана, становится все более рискованной в связи с активизацией сторонников талибов в провинциях, приграничных с Афганистаном.

В свою очередь в случае достижения прогресса в российско-американских отношениях по вопросам транзита грузов в Афганистан, Россия могла бы в дальнейшем претендовать на активизацию своей роли в политическом урегулировании афганской проблемы, включая нахождение действенной формулы формирования национального правительства этой страны, а также в постконфликтных программах восстановления афганской экономики.

Развитие российско-американского сотрудничества по указанным вопросам должно происходить, разумеется, в тесном взаимодействии с постсоветскими центрально-азиатскими странами, поскольку победа и возврат к власти талибов и их сторонников в Афганистане может иметь катастрофические последствия для всего региона. Результатом может стать отнюдь не «оранжевая», а «зеленая» революция под знаменем ислама, которая приведет к насильственной смене ныне существующих светских режимов на радикальные исламистские.

Однако все принципиальные вопросы такого сотрудничества целесообразно решать между Москвой и Вашингтоном напрямую, избегая тем самым опасности того, что их решение окажется в зависимости от «многовекторной» внешней политики правящих элит постсоветских стран, позволявшей им длительное время извлекать эгоистические выгоды из лавирования между Россией и США на постсоветском пространстве.

Что же касается собственно российско-американских отношений, то налаживание действенного сотрудничества по афганской проблеме между Москвой и новой администрацией в Вашингтоне может стать важным прологом к достижению взаимопонимания между ними и по другим вопросам, связанным с обеспечением политической и экономической безопасности не только в Центральной Азии, но и в Закавказье. Важно, однако, подчеркнуть при этом, что если Россия готова признавать существование у США определенных и вполне легитимных интересов в этой части земного шара, то у Соединенных Штатов тем более не должно быть сомнений в том, что Россия имеет здесь жизненно важные национальные интересы и будет активно их отстаивать.

Примечания

¹ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/05/201169.shtml>

² <http://www.news.uzreport.com/uzb.cgi?lan=r&id=57183>

³ <http://www.gzt.ru/politics/2009/04/15/163419.html>

⁴ <http://www.ads.adfox.ru/1399/golink?p2=u@p1=qvx8p5=dbnl@pr=logmnvj>

⁵ <http://www.ferghana.ru/news.php?id=11596&mode=snews>

⁶ SIPRI Yearbook 2008. Armaments, Disarmament and International Security. N.Y.2008. pp. 189-190

⁷ SIPRI Yearbook 2008. op.cit., p.189

⁸ Очередным свидетельством тому стало проведение, несмотря на категорические

возражения России, совместных с НАТО военных маневров на территории Грузии в мае 2009 г.

⁹ <http://www.vremya.ru/print/1018414.html>

¹⁰ Коммерсантъ. М. 10.06.09

¹¹ <http://www.gzt.ru/economics/2009/02/04/144516.html>

¹² Коммерсантъ. М. 5.09.08

¹³ <http://www.kremlin.ru/text/themes2009/02/212454.shtml>

¹⁴ <http://www.vremya.ru/print/222417.html>

¹⁵ <http://www.dkb.gov.ru/start/index/htm>

¹⁶ Коммерсантъ. М. 15.06.2009

¹⁷ The Security of the Caspian Sea Region (ed. by Gennady Chuftrin). N.Y. 2001. pp. 5, 336-338.

Безопасность Центральной Азии в условиях глобального кризиса

Международный контекст

Современное развитие государств Центральной Азии (ЦА) трудно рассматривать вне международного контекста, основные политические и экономические показатели которого выглядят в наши дни весьма неоднозначно.

Во-первых, так и не была преодолена серьезная деградация международного порядка, для которого характерным стало все более частое применение вооруженной силы. Правом прибегать к ней произвольно, в одностороннем порядке и в обход международного права наделили себя США, их союзники по НАТО и некоторые региональные державы (Израиль). Как следствие, активизировалась гонка вооружений; терроризм же превратился в едва ли не «обыденное» средство решения спорных проблем.

Во-вторых, еще более зримым стал всеобщий кризис существующих международных многосторонних институтов, большая часть которых патронируются Соединенными Штатами. Сильно подточенные односторонними действиями США и некоторых их союзников, эти институты (ООН, НАТО, ОБСЕ, европейские коллективные структуры), изначально претендовавшие на роль гарантов международной безопасности, не только не выполнили свою миссию, но напротив – их присутствие в ряде регионов и стран привело к эскалации конфликтов, переводу их в вооруженную фазу. Но и объединения, действующие на постсоветском пространстве – СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС, также не в полной мере проявили себя в сфере поддержания экономической или политической безопасности.

В-третьих, фокус международной конкуренции стал все больше смещаться с пространства Европы на регион Центральной и Восточной Азии. Здесь наблюдается соперничество экономических, военных и политических интересов нерегionalных держав и структур (США, Евросоюза, НАТО), а также России, Китая, Ирана, Индии и Пакистана. При этом бывшие советские среднеазиатские республики вынуждены вовлекаться вместе с Россией в перемены, которые происходят в регионе в связи с намерением новоизбранного президента США Барака Обамы прекратить иракскую операцию и активизировать афганскую.

В-четвертых, всерьез рассматривавшаяся до недавнего времени американской стороной возможность развития между США и Китаем позитивной экономической взаимосвязи, формирования (наряду с G-8, Давосским форумом, «двадцаткой» наиболее развитых стран, прочими устоявшимися международными структурами и механизмами) нового неформального полюса влияния – «Большой двойки» (G-2) в составе США и Китая¹, не была поддержана руководством КНР² в силу того, что данная идея противоречит ключевым принципам внешней политики Китая – многостороннему подходу и стремлению к многополюсному миропорядку.

В-пятых, развитие мировой экономики серьезно затормозилось из-за наступившей на излете 2008 г. экономической рецессии, которая уже в своей начальной фазе характеризовалась стремительным падением цен на нефть и металлы, повсеместным обвалом фондовых рынков и ведущих финансовых институтов. Е. М. Примаков отмечает в этой связи, что мировой экономический кризис, «перечеркнувший роль США в качестве 'однополярного' финансового центра», нанес «смертельный удар по идее однополярного мира» – идее, к которой привязан ряд западных политиков и отечественных исследователей³.

Кризис сказался на торговом и платежном балансе большинства стран мира, а, следовательно, и на состоянии их бюджетов, валютных курсов; вызвал он сокращение занятости, рост цен на импортные товары. Резко ухудшилась ликвидность банков, что произошло вследствие заморозки рынков заемного капитала; у многих развивающихся стран возникли проблемы с финансированием реального сектора экономики. Ввиду падения цен на основные экспортные товары в первой половине 2009 г. существенно понизились темпы роста экспорта, а в некоторых странах его объемы сократились абсолютно. Неизбежно произошло сокращение импорта, как потребительского, так и инвестиционного. Особенно уязвимыми к резкому ухудшению ценовой конъюнктуры и падению мирового кредитного рынка оказались финансы и экономика стран-экспортеров углеводородов и металлов.

Симптомы кризиса в центрально-азиатских государствах

Глобальный экономический кризис по-разному сказался на экономике государств ЦА, не одинаковых по уровню своего экономического развития. Это различие связано, главным образом, с имеющимся значительным объемом нефтяных и газовых запасов в ряде государств и с отсутствием ресурсной базы в других, с разной степенью интегрированности стран региона в глобальное производство, торговые циклы и динамику финансовых рынков. В то же время падение цен на энергетическое сырье, уменьшение финансовых поступлений из России и трудности с получением иностранных капиталов оказали негативное воздействие на экономическую ситуацию всех без исключения стран Центральной Азии. Здесь стало наблюдаться снижение уровня потребительского спроса; возникли проблемы с внутренним рынком.

По прогнозам Международного валютного фонда⁴ в ЦА в 2009 г. ожидается замедление экономического роста до 2% по сравнению с двенадцатью процентами в 2007 году и шестью в 2008 г. Прогнозируется значительное сокращение иностранных инвестиций, а в Казахстане и Узбекистане их отток. Из Казахстана, например, по оценкам МВФ, в 2009 г. может быть выведено до 9 миллиардов долларов частного капитала. Казахстан ждет в 2009 г. снижение темпов роста реального ВВП на 2% (в 2008 г. он составил 3,2%, а в 2010 г. в связи с постепенным ослаблением мирового экономического спада предполагается рост реального ВВП в 1,5%). В остальных центрально-азиатских республиках, хотя и ожидается резкий спад производства, но сохранится положительный рост ВВП. Увеличение экономического роста произойдет, скорее всего, не раньше 2010 года, и это будет соответствовать тем тенденциям, которые существуют во всем мире.

Таблица 1

Динамика роста реального ВВП в ЦА (в процентном измерении)

	2008 г.	Прогноз на 2009 г.	Прогноз на 2010 г.
Киргизия	7,6	0,9	2,9
Таджикистан	7,9	2,0	3,0
Туркменистан	9,8	6,9	7,0
Узбекистан	9,0	7,0	7,0

Источник:

Обзор МВФ. Перспективы развития региональной экономики. 11.05. 2009.

Хотя в центрально-азиатских странах ожидается к концу 2009 г. снижение уровня инфляции, здесь продолжится нарастание бюджетного дефицита.

Лидировали по показателям инфляции в первом квартале 2009 г. Киргизия и Узбекистан (выше 12%), у Таджикистана этот показатель составил 11,9%, у Туркмении – 10%, а у Казахстана - 9,5%. Уровень безработицы, по прогнозам Международной организации труда, возрастет в 2009 г. на 35% (показатель по всем странам СНГ и Юго-Восточной Европы)⁵.

Больнее всего мировой финансово-экономический кризис ударил по странам, широко открывшимся процессам глобализации – Казахстану и Киргизии, экономика которых наиболее уязвима условиям финансовой напряженности во всем мире.

Казахстан рассматривался в прошлом международными финансовыми институтами как пример наиболее успешного экономического развития в регионе. И действительно, докризисная экономическая модель Казахстана, где рыночные отношения достаточно успешно сочетались с относительно либеральной политической системой, позволили привлечь иностранные инвестиции, модернизировать финансовую систему, выстроить довольно неплохой менеджмент в перерабатывающих отраслях. Западные эксперты высоко оценивали руководство страны за его стремление работать по западным стандартам и провести либерализацию банковского сектора. Но именно на нем глобальный экономический кризис сказался в первую очередь, что повлекло за собой и другие негативные тенденции – падение курса тенге, инфляцию, рост цен на основные продукты питания и в целом снижение экономического роста. Уязвимость Казахстана перед наступившим кризисом объясняется также и тем, что его экономика, как и российская, находится в сильнейшей зависимости от экспортных доходов, получаемых за нефть и природный газ.

Со многими энергетическими активами Астане пришлось расстаться, чтобы поддержать пошатнувшийся финансовый сектор. Так, в ходе государственного визита президента Нурсултана Назарбаева в Китай 15-19 апреля 2009 г. казахстанская государственная энергетическая компания «КазМунайГаз» подписала с Китайской национальной нефтяной корпорацией CNPC соглашение о передачи 100% акций АО «МангистауМунайгаз». Претендентами на покупку акций казахстанской компании были индийская нефтегазовая корпорация ONGC и российская «Газпромнефть», однако победил Китай, который, несмотря на мировой экономический кризис, располагает огромными валютными запасами. Это позволило Китаю предоставить Казахстану пакет финансовой помощи в размере 10 млрд. долларов. Половина китайского кредита предназначается на развитие энергетического сектора Казахстана, а вторую половину Банк развития Казахстана направит на цели диверсификации экономики страны.

Столкнувшись с порожденными глобальным кризисом вызовами раньше других в СНГ, Казахстан одним из первых попытался и ответить на них. Для предотвращения роста цен на продукты питания по всей стране были созданы стратегические продовольственные фонды. Кроме того, значительную подпитку от государства получил отечественный агропром. В него было направлено порядка 135 млрд. тенге. Важным направлением правительственной политики стала поддержка малого и среднего бизнеса; были сделаны значительные денежные вливания в частный сектор, а местные предприниматели получили существенные налоговые и административные послабления. Все эти меры позволили Казахстану поддерживать в неблагоприятных условиях свой экономический потенциал.

В целом, шансы Казахстана выйти из кризиса и заложить основы для посткризисного развития оцениваются как положительные. Местные эксперты⁶ связывают оздоровление экономики страны с 2012-2013 годами, когда заработает Кашаганское нефтяное месторождение, а Тенгиз и Карачаганак выйдут на полную

мощность, что позволит существенно увеличить в Казахстане уровень добычи энергоресурсов и в результате стимулировать экономическое развитие.

Киргизия, хотя и является единственным в ЦА членом ВТО, уже давно не может выйти из состояния хронической нестабильности и серьезнейшего экономического кризиса. Такая ситуация связана не только с отсутствием в республике ресурсного (углеводородного) потенциала, но и с непродуманной политикой предыдущего президента А. Акаева, ввергнувшего страну, неготовую к проведению кардинальных экономических реформ, в политические и экономические эксперименты и по существу допустившего превращение Киргизии в сырьевой придаток мощного Китая. Как результат, в Киргизии, по мнению эксперта, «степень кардинальности реформ прямо пропорциональна степени дестабилизирующих моментов, проявившихся в обществе»⁷.

Как страна-экспортер рабочей силы, Киргизия может пострадать из-за понижения инвестиционной активности в России и Казахстане, являющихся главными потребителями услуг трудовых мигрантов. В условиях катастрофического спада в первом квартале 2009 г., бюджетный разрыв удалось заполнить только благодаря финансовой помощи России, которая предложила Киргизии 2 млрд. долларов для выхода из экономического тупика, в котором оказалась эта центрально-азиатская страна. Российский заем включает в себя антикризисную помощь в размере 150 млн. долларов, кредит на 300 млн. долларов по сниженной процентной ставке, более полутора миллиардов, предназначенных для Камбаратинской ГЭС, а также реструктуризацию долга Кыргызстана России в акции ОАО «Дастан» - одного из немногих киргизских предприятий военно-промышленного комплекса.

Киргизия, кроме того, рассчитывает на безвозмездную помощь со стороны МВФ на сумму до 200 млн. долларов. Эти деньги будут выделены республике в рамках программы по смягчению внешних шоков. Похожие программы, как ожидается, МВФ будет реализовывать и в других странах Центральной Азии. На проведенной 4 марта 2009 г. Международным валютным фондом и Национальным банком Киргизии специальной конференции в Бишкеке представители МВФ официально признали свои ошибки, связанные как с анализом причин кризиса, так и с запуском превентивно-предупредительной программы функционирования фонда. Непосредственно перед кризисом МВФ не смог аккумулировать более точные прогнозы предстоящих экономических потрясений. Прогнозы самого фонда тоже не отличались особой четкостью, и МВФ не смог сыграть главную предупредительную роль для государств, подготовить их к надвигающемуся кризису.

Таджикистан и до кризиса являлся одной из беднейших стран региона, что связано, в числе прочего, с переживаемым республикой масштабным энергетическим кризисом, усугубляемым невысокой инвестиционной привлекательностью экономики. Над Таджикистаном к тому же довлеют внешние обстоятельства – зависимость в силу географического расположения от Узбекистана, отношения с которым остаются весьма напряженными. Таджикистан, кроме того, является на протяжении нескольких последних лет одним из основных поставщиков дешевой рабочей силы в Россию и Казахстан, и экономика республики находится в огромной зависимости от денежных переводов трудовых мигрантов. Их поступления в основном и стимулируют потребительский рынок в Таджикистане, занимая все большее место в структуре валового внутреннего продукта. В нынешних условиях, когда кризис сказывается на странах-потребителях рабочей силы – России и Казахстане, этот инструмент стал неэффективным, что позволяет предположить: в 2009 году денежные переводы в республику трудовых мигрантов

из Таджикистана сократятся на 40-50%. Соответственно прогнозируется резкое снижение темпов роста ВВП Таджикистана (см. таблицу 1).

На *Узбекистан* и *Туркменистан* кризис не оказал пока большого влияния в силу их незначительной интегрированности в структуры СНГ, ЕврАзЭС, а через них и в мировую экономику. Следует учесть также, что анализ экономической ситуации в этих республиках сложно проводить из-за отсутствия необходимого объема доступной информации.

Макроэкономические показатели по Узбекистану внешне выглядят по состоянию на первый квартал 2009 г. вполне приемлемыми, что дало основание МВФ признать Узбекистан лидером в подгруппе стран СНГ «с низким уровнем дохода».

В Туркменистане экономическая ситуация тоже не внушает пока серьезных тревог. В значительной мере это обусловлено тем, что здесь нет, в отличие от Узбекистана и Казахстана, большого внутреннего рынка, а баланс спроса и предложения не имеет такого же весомого значения, как в других крупных республиках региона. Промышленная инфраструктура в Туркменистане практически отсутствует, так что здесь нет источника, формирующего безработицу. Играет определяющую роль и еще один фактор: экономика республики во многом зависит от поступлений в страну денег за природный газ, а учитывая долгосрочный характер договоренностей с российским «Газпромом», сложно ожидать, что этот сегмент туркменской экономики существенно ослабнет. О том, что сбывается именно такой прогноз, свидетельствуют макроэкономические показатели 1-го квартала 2009 г. (см. таблицу 1).

Все центрально-азиатские лидеры едины в том, что облегчить выход из кризиса, сделать его последствия менее болезненными могла бы региональная интеграция с участием России, а также Китая. Немалые надежды в этой связи возлагались на Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), куда, помимо России и Белоруссии, входят Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Эта международная экономическая организация, наделенная функциями, связанными с формированием общих внешних таможенных границ входящих в нее стран, выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и другими составляющими функционирования общего рынка, намерена контролировать, в числе прочего, миграционные потоки и пресекать нелегальную миграцию. Таким образом, она будет обеспечивать безопасность планируемого единого экономического пространства. Важно и то, что в рамках ЕврАзЭС был создан специальный фонд для содействия в преодолении мирового экономического кризиса.

И все же Россия, опирающаяся на патронируемые ею – и, что немаловажно, финансируемые в основном ею же! – многосторонние институты СНГ, испытывает немалые трудности в процессе диалога со своими соседями. А Содружество, хотя все еще и играет роль цивилизационной платформы, удерживающей вместе постсоветские государства, так и не превратилось в структуру, способную дать консолидированный ответ на усложняющиеся вызовы современности.

Так ни прошедшее 13 мая 2009 г. в Таврическом дворце Санкт-Петербурга десятое пленарное заседание Бюро Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС, ни состоявшееся в Астане 22 мая очередное заседание Совета глав правительств СНГ не приняли никаких конкретных решений относительно минимизации последствий мирового финансового кризиса.

Непросто идут и переговоры о создании единого таможенного пространства, единой «евразийской валюты» с единым эмиссионным центром. Российская сторона, правда, надеется, что Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана

начнет функционировать в намеченные сроки – с 1 июля 2011 года. К тому времени будут создана единая таможенная территория, а контроль (пограничный, таможенный, фитосанитарный) удастся вынести с внутренних границ союза на его внешние контуры. Что касается российского предложения ввести рубль в качестве единой валюты и сделать Москву единым эмиссионным центром, то в Астане и Минске его отвергли, поскольку это, якобы, поставило бы партнеров РФ в неравноправное положение. Но Москва жестко настаивает на своем, справедливо полагая, что создание нескольких эмиссионных центров в других республиках спровоцирует инфляционный взрыв в самой России.

Очевидно, что региональной интеграции в значительной мере препятствует избранная центрально-азиатскими правящими элитами «многовекторная» стратегия, претворяющаяся на практике в политическое маневрирование и попытки извлекать выгоду из конкурирующих интересов России с интересами ЕС, США и Китая. Тем более что последние, оценивая экономическую значимость ЦА в первую очередь с точки зрения обладания ее странами огромными запасами нефти, природного газа, урана и гидроэнергетических ресурсов, продолжают посылать своим контрагентам в ЦА позитивные сигналы о готовности оказывать им экономическое содействие.

Американские и европейские политики без устали убеждают центрально-азиатских лидеров в том, что использование западными компаниями ресурсов их стран, экспорт сырья на мировые рынки по альтернативным российским газо- и нефтепроводам усилят независимость, суверенитет и экономическое развитие стран Центральной Азии. Такой посыл призван подкрепить уверенность правящих центрально-азиатских элит в непреходящей привлекательности их региона. В действительности перспектива диверсификации поставок энергоресурсов из ЦА выгодна больше Европе, нежели центрально-азиатским нефте- и газоэкспортерам, которые, тем не менее, заинтересованы в массивных вливаниях в их неразвитую экономическую структуру. Но реальность такова, что ныне Запад резко сократил объем прямых вложений в регион, поскольку мировой экономический кризис привел к существенному падению цен на товары потребления. Так что центрально-азиатским руководителям логичнее было бы при таких обстоятельствах воздержаться от нереалистичных ожиданий.

Есть вероятность и более серьезных последствий глобального кризиса: на его фоне и в условиях экономической, финансовой, энергетической нестабильности в Центральной Азии может произойти обострение застарелых конфликтов и противоречий.

Внутренние и внешние угрозы безопасности ЦА

Все страны мира, вне зависимости от того, в какой части земного шара они располагаются, все больше сталкиваются примерно с одними и теми же угрозами. Это не только терроризм, экстремизм, распространение оружия массового уничтожения, наркобизнес. Значительное место стали занимать угрозы деградации природной среды – в том числе загрязнение воздуха, глобальное потепление, уменьшение лесных массивов и т.п. Серьезное значение приобретает угроза войн из-за воды. Все эти глобальные вызовы и угрозы весьма актуальны для Центральной Азии. Но ее странам, к сожалению, не удастся пока найти адекватные ответы на многие застарелые, а также и новые вызовы и угрозы.

К числу *внутренних*, рожденных в самом регионе вызовов и угроз, относятся: внутривнутриполитическая нестабильность с такими ее составляющими, как межэтническая, межклановая напряженность, существующая в каждом центрально-азиатском государстве; радикальный исламизм, готовый поднять голову в случае

любой дестабилизации; «энергоразмежевание», вызванное соперничеством из-за водных и энергетических ресурсов; пограничные споры.

Издавна существовавшие в Центральной Азии разногласия из-за воды, приглушенные во времена Советского Союза, до крайности обострились в последнее время. В частности, напряженность создалась в связи с планами возведения при содействии российских компаний Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Киргизии на трансграничных водных артериях Амударьи и Сырдарьи. Эти проекты были раскритикованы президентами Узбекистана и Туркмении.

И. Каримов призвал учитывать интересы его страны, а также Туркмении и Казахстана, которые расположены в низовьях трансграничных рек и всегда испытывают огромный дефицит воды. На совместной с К. Бердымухамедовым пресс-конференции в Ташкенте, где туркменский лидер побывал с официальным визитом 24-25 февраля 2009 г., президент Узбекистана назвал «недопустимым» вмешательство третьих стран в водно-энергетические проблемы Центральной Азии». Он предложил также провести под эгидой ООН экспертизу на международном уровне, чтобы можно было выявить ущерб аграрному сектору и экологии от возведения новых гидроэнергетических объектов на Амударье и Сырдарье. На другой встрече в Ташкенте 3 апреля 2009 года с участием премьер-министра Казахстана К. Масимова и президента Узбекистана И. Каримова было заявлено, что развитие гидроэнергетики Киргизии и Таджикистана обязательно должно быть согласовано «со всеми заинтересованными сторонами»⁸. Позже об этом же шла речь в телефонном разговоре глав Казахстана и Узбекистана.

У этих двух стран общая проблема - нехватка воды, источником которой являются реки Сырдарьи и Амударьи. Киргизия и Таджикистан, по территории которых эти реки проходят до Узбекистана и Казахстана, испытывают дефицит электроэнергии: с начала 2009 г. Таджикистан уже потряс острый энергетический кризис. Чтобы как-то решить эту проблему Киргизии и Таджикистану необходимо построить дополнительные ГЭС. И именно это вызывает недовольство в Узбекистане, где опасаются уменьшения потока воды в реках в результате строительства ГЭС.

Налицо, таким образом, расхождения между центрально-азиатскими государствами не только по вопросу использования водных ресурсов, но и по путям достижения энергетической независимости. Оценивая эту ситуацию, киргизский аналитик Валентин Богатырев обращает внимание и на такое тревожащее его явление в центрально-азиатской политике, как формирование «своего рода нового неформального блока из двух стран, которые, очевидно, начнут быстрое сближение и займутся выстраиванием совместной политики в вопросах водопользования»⁹.

Неурегулированные пограничные споры также становятся в Центральной Азии серьезным внутренним вызовом безопасности. Споры эти затрагивают большинство республик региона, но особенно Узбекистан, Киргизию и Таджикистан, где этническая чересполосица и отсутствие общепризнанных границ усугубляется дефицитом земельных и – что еще более важно в условиях засушливого климата – водных ресурсов, придавая периодически возникающим конфликтам отчетливо выраженную социально-экономическую окраску. Обострившиеся в последние годы отношения между этими тремя центрально-азиатскими республиками не исключают возникновения новых этнотерриториальных конфликтов, социальную почву для которых создает продолжающийся прирост населения и сложное социально-экономическое положение. Кроме того, конфликты провоцируют здесь сложные процессы национального строительства и формирования государственных идеологий, компонентом которых часто становятся территориальные претензии к

соседям или же притязания того или иного государства (что более всего свойственно Узбекистану) на региональное лидерство.

Не произошло смягчения идущих в Центральную Азию из соседних государств *внешних* вызовов и угроз – трансграничной преступности, терроризма, религиозного экстремизма, наркотрафика.

Стоит отметить при этом, что угроза терроризма, например, не воспринимается в ЦА как общерегиональная в силу неодинаковой ее значимости для разных стран. Эта проблема актуальна для Узбекистана, где она переплетена с внутривнутриполитическими противоречиями, или же для граничащего с беспокойным Афганистаном Таджикистана, где еще ощутимы отзвуки вооруженного гражданского противостояния 1990-х годов. А вот Казахстан проблема терроризма практически никак не затрагивает. Обращает на себя внимание и такое обстоятельство: при рассмотрении проблем, связанных с противодействием террористической угрозе и экстремизму, ряд центрально-азиатских стран так и не сумел преодолеть недоверия к России, друг к другу, начав оговаривать политическими условиями свое участие в функционирующей в рамках СНГ с 20 июня 2000 года структуре - Антитеррористическом центре (АТЦ). В результате туркменские силовики, к примеру, игнорировали деятельность АТЦ почти до конца 2006 г., а их коллеги из Узбекистана отказывались от участия в работе этой организации СНГ до андижанских событий 2005 г. и примкнули к АТЦ только после того, как ее руководство предложило узбекской стороне помощь в расследовании восстания.

С того момента, как в Афганистане оказался международный контингент войск под управлением НАТО, наркотрафик из Афганистана в Центральную Азию не только не был прекращен, но и возрос. По данным общественного объединения «Антинаркотический фронт», за последние шесть лет Афганистан стал крупнейшим производителем опиума в мире. Бывший помощник руководителя Бюро по международной борьбе с наркотиками и правоохранительной деятельности Госдепартамента США Томас Швайх утверждал, что движение «Талибан» финансирует себя за счет наркотиков, а лояльное к США кабульское правительство удерживает власть благодаря не только натовским штыкам, но и торговле опиумом¹⁰.

Между тем центрально-азиатские правители, хотя и демонстрируют озабоченность в связи с прохождением через территорию их государств наркотрафика из Афганистана, на деле не столь уж сильно волнуются из-за этого. Более того, наркотрафик реально является и негласно воспринимается в качестве одной из теневых отраслей экономики не только в Афганистане, но и в ЦА. По этой причине местные правительства (за исключением, возможно, лишь Казахстана) никакого серьезного противодействия транспортировке наркотиков не оказывают. Обращенные же к американо-натовским силам и центрально-азиатским партнерам призывы России, которая-то как раз больше всего страдает от масштабной наркоторговли – объединить усилия в создании коллективного антиннаркотического «фронта», остаются без ответа.

Следовательно, можно сколько угодно обвинять структуры СНГ, ОДКБ, ШОС в том, что они не помогают странам ЦА противостоять разнообразным вызовам и угрозам, можно критиковать Россию (не всегда, впрочем, обоснованно) за инертность и недостаточные усилия по предупреждению и разрешению потенциальных конфликтов в ЦА. Но справедливо и то, что большей согласованности действий в Центральной Азии мешает сложившаяся здесь многоуровневая архитектура обеспечения безопасности, где с ОДКБ и ШОС часто конкурирует и соперничает НАТО. Серьезной помехой служат также эгоистические интересы отдельных стран или элитных групп, амбиции некоторых политиков и их

нежелание признать, что только коллективными действиями можно минимизировать действующие и потенциальные угрозы, предотвратить не нужное народам региона противостояние. Пока на этом направлении будет ощущаться сильный дефицит политической воли, которую могли бы проявить лидеры государств ЦА, внерегиональные игроки будут все активнее претендовать на то, что именно они способны «разрулить» в регионе критические ситуации. Показательны в этом плане усилия американо-натовских сил по вовлечению ЦА в афганский конфликт, к которому — уже теперь усилиями обамовской администрации — усиленно «подверстывается» Пакистан.

ЦА и операция американо-натовских сил в Афганистане

Начавшаяся вскоре после террористического акта 11 сентября 2001 г. международная операция в Афганистане выглядела в отличие от иракской внешне вполне легитимной, хотя бы потому, что она была одобрена ООН. Позже концептуальным обоснованием необходимости американского присутствия в регионе стал проект «Большой Центральной Азии (БЦА)»¹¹, суть которого состояла в создании централизованной и замкнутой на США структуры безопасности в регионе ЦА, географически переформатированном и «расширенном» за счет Афганистана, Индии, Пакистана и Турции — государств, открывшихся, по американской версии, процессам демократизации. Что касается самих центрально-азиатских государств, то их интерес к проекту БЦА был обусловлен, в первую очередь, надеждой получения финансовой, военно-технической и иной помощи. Основных соперников — Россию и Китай — планировалось отсечь от региональных процессов в силу того, что они не отвечали критериям демократических государств и не способны были к тому же, якобы, создать условия для безопасного развития региона. Но переводом стрелок в основном на демократизацию Центральной Азии по западным лекалам, а также на «сдерживание» здесь России и Китая, администрация Буша/Чейни/Райс предопределила результаты своей политики, которая характеризовалась в ЦА значительным снижением эффективности, поскольку потребности транзитных экономик государств региона требовали иных мер и подходов.

С приходом к власти в США Б. Обамы стратегическое значение ЦА не уменьшилось, и это новым президентом и его администрацией связывается с усилиями по наращиванию операций американо-натовских сил в Афганистане. Афганистан в силу своего географического положения представляется США и НАТО уникальным позиционным районом для размещения стратегических военных объектов и ударных группировок. Благодаря своему присутствию в Афганистане на постоянной основе, американо-натовские силы получают уникальную возможность контролировать громадную территорию азиатского «хартленда», в котором расположены Китай, Индия, Иран, государства Центральной Азии. Если добавить к размещенным в Афганистане воинским контингентам и базам давно существующие военные объекты и группировки вооруженных сил США в Японии, Южной Корее и в некоторых других странах АТР, то обнаружится, что контроль евроатлантистов над основными стратегическими объектами почти всех азиатских стран ведется как с континентальной части Азиатского материка, так и со стороны Тихого и Индийского океанов. Это позволяет использовать военное присутствие не только для декларированной «борьбы с международным терроризмом» и поимки мифического Бен Ладена, но и управления региональными процессами.

США готовы взаимодействовать с центрально-азиатскими государствами по различным военным аспектам, но наибольшую заинтересованность они проявляют в использовании территории этих государств для провоза невоенных грузов в

Афганистан. Как подчеркнул представитель американского Департамента обороны, «было бы логичнее и намного эффективнее для военной операции в Афганистане иметь базы в Центральной Азии, а не на Южном Кавказе»¹².

В целом Вашингтон и его союзники по многонациональной коалиции преуспели в осуществлении этой задачи. В регионе представлены международные структуры – от НАТО до Всемирного банка, многие страны-участницы антиталибской коалиции (США, Великобритания, Германия, Франция, Италия, Турция, Южная Корея и некоторые восточноевропейские страны), ключевая роль среди которых, вне всякого сомнения, принадлежит Соединенным Штатам. В 2008 г. и первом квартале 2009 г. с участием всех пяти центрально-азиатских стран Вашингтоном в основном сформирована северная сеть поставок, служащая целям совершенствования материально-технического снабжения сил коалиции в разворачиваемом ею наступлении на отряды талибов и исламистских боевиков.

Однако с военным базированием в ЦА дело обстоит труднее. В Центральной Азии вскоре после 2001 года появились американско-натовские военные базы – в Узбекистане и Киргизии. Однако с базы в узбекском Карши-Ханабаде американцы были изгнаны президентом Каримовым во исполнение решения ШОС, принятому в конце июня 2005 г. Этому предшествовал мятеж 13 мая в узбекском городе Андижане, жестоко подавленный властями, из-за чего на несколько лет отношения Узбекистана с США и Евросоюзом оказались замороженными. А 3 марта 2009 г. президент Киргизии Бакиев подписал указ о закрытии авиабазы США в Манасе. Правда, ровно через месяц – 3 апреля США объявили о подписании с руководством Узбекистана нового договора о поставках невоенных грузов американским вооруженным силам в Афганистане¹³, что можно при желании рассматривать как часть запасного плана США по компенсации киргизского Манаса.

В самих центрально-азиатских государствах смотрят положительно на возможность сотрудничества с США/НАТО. Ведь страны региона могут получить за свое содействие афганской операции определенные материальные дивиденды, которые отнюдь нелишние в условиях разворачивающегося глобального экономического кризиса. Так Таджикистану и Киргизии, которые представляются самым слабым звеном в цепи партнеров США, американская администрация, ввиду ухудшающейся экономической ситуации в этих странах, предполагает увеличить финансовую помощь. Для Киргизии она возрастет с 24,4 млн. долларов в 2009 г. до 41,5 млн. долларов в предстоящем финансовом году, (начинающемся в США с 1 октября); помощь Таджикистану также увеличится с 25,2 млн. долларов до 46,5 млн. долларов. Кроме того, Киргизия получит 2,9 млн. долларов в рамках программы финансирования зарубежных вооруженных сил, позволяющей странам-получателям этой помощи закупать оружие и другую технику. Пакет американской помощи Таджикистану по той же программе удвоится – с 750 тысяч до полутора миллионов долларов¹⁴.

Тем не менее, в июне 2009 года Казахстан, например, планирует провести «Форум совета евро-атлантического партнерства» – первое мероприятие такого рода в Центральной Азии. И НАТО при поддержке США нацеливают Казахстан на более активное участие в военной операции сил коалиции в Афганистане. Нельзя не учитывать и того факта, что в нынешней ситуации глобального финансового кризиса Казахстан довольно сильно зависит от внешних займов. А для США всегда и в отношениях с любыми странами наличие удобного «финансового рычага» помогало добиваться важных уступок от правительств государств-заемщиков, включая сюда и область военных связей. К тому же и председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 году США намереваются связать с более тесными отношениями в военной сфере

между Астаной и натовскими структурами. Будут ли эти планы реализованы, покажет время.

Транзит через центрально-азиатские государства невоенных грузов в Афганистан превращает эти страны в более значимых участников афганского урегулирования, которое подается во многом как вариант обеспечения безопасности всего Центрально-азиатского региона. Считается также, что странам Центральной Азии есть прямая выгода от развертывания операции сил НАТО в Афганистане и Пакистане, поскольку она в случае разгрома там баз экстремистов снизит для стран ЦА террористическую и исламистскую угрозу, предохранит регион от нестабильности и хаоса.

Но выбор в пользу безоговорочного сотрудничества с США/НАТО некоторыми странами региона будет сделать непросто, учитывая неоднозначные отношения России с Североатлантическим альянсом, не до конца нормализовавшиеся после их обострения в августе 2008 г. Возможны и другие потери, просчитать которые на данном этапе пока нелегко. Как показывает опыт, США напрямую связывают решения об оказании странам ЦА помощи с целями и задачами своей стратегии. В прошлом это был короткий период, последовавший за терактом 11 сентября, когда Вашингтон только начинал разворачивать военное наступление в Афганистане. Нынешняя помощь предоставляется в контексте увеличения масштабов военных операций в Афганистане/Пакистане, и эта помощь, по всей видимости, будет также носить краткосрочный, ситуативный характер, ибо США не планируют осуществлять в ЦА долгосрочные программы по стимулированию развития региона.

Кроме того, есть угроза передислокации в ЦА теснимых из Афганистана и Пакистана участников вооруженных бандформирований, в состав которых входит значительное число этнических узбеков и таджиков. Они способны дестабилизировать обстановку в регионе. Возможно, что предвестником такого развития событий стал подрыв смертника в Андижане 26 мая 2009 г. и обострение ситуации в Ханабаде – одном из крупных переходов на узбеко-киргизской границе. Следствием этого явилось закрытие Узбекистаном границы с Киргизией на всем ее протяжении, приведение в боевую готовность сил безопасности и правоохранительных органов в Ханабаде, Андижане и во всех крупных городах узбекской части Ферганской долины.

В соседнем Таджикистане начатую 15 мая 2009 г. силовыми структурами широкомасштабную операцию на востоке Раштской долины связывают, по сообщениям СМИ¹⁵, с поимкой известного полевого командира Мулло Абдулло, вернувшегося на родину из Пакистана во главе отряда боевиков. Именно в этом районе во время гражданской войны в Таджикистане в 1992-1997 гг. располагалась база Объединенной таджикской оппозиции.

К «гуманитарной» операции НАТО подключена и Россия, которая предоставила свою территорию для пролета авиации стран Альянса, несмотря на сохраняющееся восприятие его частью российской военной и политической элиты как «потенциального геополитического противника». В свою очередь президент Д.А. Медведев, обратив внимание на невозможность управления Афганистаном при помощи Альянса и «из-за границы», усматривает выход из афганской проблемы в том, чтобы народу этой страны была предоставлена возможность самому «найти свой путь в демократию»¹⁶.

Свидетельством того, что Россия вместе со своими центрально-азиатскими партнерами намерена вести более активную политику на афганском направлении, явилось обсуждение проблемы Афганистана на специальном заседании министров иностранных дел ШОС, созванном 27 марта 2009 г. в Москве. По инициативе России на него были приглашены не только главы дипломатических ведомств стран-членов

и наблюдателей ШОС, но и представители крупнейших международных организаций, включая ОИК и НАТО. Вывод, к которому пришли участники дискуссии по Афганистану, состоял в том, что НАТО и США должны нести ответственность за обеспечение основ военной безопасности в Афганистане. Решение же сложного комплекса социально-экономических проблем должно быть найдено в более широком международном контексте с активным участием соседей Афганистана, при том, что все они, кроме Туркменистана, имеют статус членов или наблюдателей в ШОС. Речь, следовательно, шла о том, что в Афганистане необходима не только военная победа, но и решение сложных социальных и экономических проблем. Сохранение же нынешних тенденций в Афганистане может привести к тому, что в Центральной Азии сложится такая же ситуация, как на Ближнем Востоке: наличие очага напряженности будет порождать спрос на американские услуги безопасности.

Проблемы региональной интеграции в сфере безопасности

Центрально-азиатский регион имеет для России стратегическое, приоритетное значение. Для нее принципиально важно, чтобы пять его государств развивались в условиях стабильности и безопасности, успешно решали стоящие перед ними политические, экономические и социальные задачи. Важно для России и то, чтобы Центральная Азия утверждалась в качестве региона эффективного международного сотрудничества, а не соперничества.

Целесообразно в этой связи прояснить, каково же на сегодняшний день положение России в СНГ и ЦА в свете меняющейся под воздействием глобального кризиса и других факторов геополитической ситуации.

Из трех основных вызовов, которые возникли перед Россией в 2008-2009 гг. (война на Кавказе в августе 2008 г., газовый конфликт с Украиной и экономический кризис), два – «родом» из СНГ. Это говорит о том, что данное внешнеполитическое направление является для России одним из наиболее проблемных. В Москве это признают и стараются продемонстрировать внимание к СНГ не только декларациями и разговорами, но и конкретными действиями, встречами и решениями. Тем более что перспектива перед СНГ достаточна сложная. Здесь по-прежнему просматривается тенденция к формированию консолидированного американо-европейского противостояния России – как в вопросах мировой политики, так и в вопросах, касающихся ее влияния на процессы, происходящие на постсоветском пространстве и, особенно, в Каспийском регионе и Центральной Азии.

С приходом новой администрации США во главе с Барак Обамой собственно так и не было преодолено похолодание в отношениях России с США, а также соответственно и с Евросоюзом, солидаризирующимся с США по большинству вопросов глобальной повестки дня. Не желая видеть Россию в качестве сильного и самостоятельного политического игрока, Запад стремится не допустить восстановления роли России в мировых делах и внутри СНГ. Не просматривается пока объективная и опирающаяся на реальные интересы России основа для улучшения российско-американских отношений на постсоветском пространстве – в значительной мере вследствие того, что вооруженные силы США и НАТО развернуты в непосредственной близости от границ бывшего СССР, в сфере жизненно важных российских интересов. Нет в России уверенности в том, что США/ЕС/НАТО оставили намерение размыть ШОС, ОДКБ и ЕврАзЭС созданием новой, замкнутой на себя инфраструктуры многосторонних связей.

Особую значимость для отношений России и центрально-азиатских государств имела грузино-российская Пятидневная война (8-12 августа 2008 г.), разразившаяся вследствие нападения Грузии на Южную Осетию и завершившаяся

выходом двух самопровозглашенных республик – Южной Осетии и Абхазии – из-под юрисдикции Грузии с последующим признанием (26 сентября 2008 г.) Россией их независимости. Как справедливо отмечает российский ученый Алексей Богатуров, события августа 2008 г. в Южной Осетии стали кульминацией массивной политической экспансии США, достигшей зоны жизненно важных интересов России в СНГ. Этот конфликт, кроме того, «знаменовал рубеж перерастания американской экспансии в квази-силовую форму. Впервые после распада СССР Вашингтон применил тактику использования ресурса третьих стран для дестабилизации российских границ»¹⁷.

Сотрудник Казахстанского института стратегических исследований К.Л. Сыроежкин обращает, в свою очередь, внимание на следующее важное обстоятельство: «Незначительный по своим военным масштабам грузино-осетинский конфликт в политическом и особенно геополитическом плане оказался достаточно значимым. В политическом плане он легализовал весь комплекс проблем, имеющих место как в СНГ в целом, так и в России в частности. В геополитическом — в очередной раз доказал, что интеграционный проект России и Запада — иллюзия. Видеть Россию сильной и адекватно реагирующей на угрозы ее (или ее союзников) национальной безопасности Запад не желает, а вся его демократическая риторика — от лукавого. Еще большая иллюзия — интеграционный проект Запад и постсоветские государства. В лучшем случае они всего лишь пешки в большой геополитической игре, в худшем — плацдарм для наступления на Россию»¹⁸.

Российско-грузинский конфликт наглядно продемонстрировал партнерам России по Содружеству, а также действующим на постсоветском пространстве региональным и внерегиональным игрокам: Россия в целом определилась с собственными международными приоритетами, и она перешла от риторики и осторожных политических шагов к решительным действиям. Направлены они в числе прочего на создание на постсоветском пространстве новой реальности, которая, как полагают в России, позволит минимизировать многие риски и угрозы. Это новая стратегия России распространяется и на Центральную Азию.

С точки зрения экономики предлагаемая Россией соседям идея интеграции строится на очевидном понимании того, что на путях сохранения постсоветскими странами исторических связей, можно выиграть больше, чем от призрачных надежд попасть «на содержание» к кому бы то ни было. В военно-политическом плане Москва не предлагает своим центрально-азиатским партнерам выстраивать «союз против» – США, НАТО, Китая и пр., а призывает по-соседски работать вместе против реальных угроз.

Организация Договора о коллективной безопасности – ОДКБ (в ее состав, напомним, входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан) рассматривается многими странами региона как военно-политическая структура, способная в среднесрочной перспективе стать эффективным механизмом обеспечения региональной безопасности, локализовать многие угрозы и развиваться в этом направлении.

6 октября 2007 года на саммите ОДКБ в Душанбе было подписано «Соглашение о создании коллективных миротворческих сил ОДКБ». Согласно ему государства-участники ОДКБ намерены создать на постоянной основе миротворческий контингент, состоящий из сил каждого государства-члена, для его дальнейшей подготовки по единым стандартам ОДКБ. Соглашение было ратифицировано Россией, Казахстаном, Белоруссией и Арменией.

В дополнение к этому 4 февраля 2009 г. на заседании в Москве Совета коллективной безопасности ОДКБ было принято решение о создании Коллективных

сил оперативного реагирования (КСОР). Их предполагается задействовать в случае агрессии против одного из членов ОДКБ или в других чрезвычайных ситуациях. Задачей этой новой структуры безопасности станут действия по противостоянию терроризму, организованной преступности, борьбе с наркотрафиком. Основу КСОР составит российская воздушно-десантная дивизия и десантно-штурмовая бригада общей численностью до 8 тысяч человек; Казахстан готов выделить десантно-штурмовую бригаду (около 4 тысяч человек); остальные участники ОДКБ предоставят по батальону элитных видов войск¹⁹. Создание КСОР в рамках ОДКБ можно рассматривать как начало формирования эшелонированной системы региональной безопасности, в рамках которой ОДКБ трансформируется в многофункциональную универсальную организацию по противостоянию целому ряду угроз и вызовов.

Россия ежегодно проводит совместно со странами Центральной Азии антитеррористические учения, отрабатывает меры по противодействию контрабанде наркотиков. В 2008 г. участниками ОДКБ было проведено несколько совместных военных учений (одно в России и два в Казахстане).

В апреле 2009 г. в Таджикистане на полигоне «Фахрабад», что в тридцати километрах южнее Душанбе, прошли совместные командно-штабные антитеррористические учения «Нурек-Антитеррор-2009». Их цель состояла в координации и отработке взаимодействия в ходе антитеррористических операций, повышении профессиональной подготовки и боевой выучки, обмене опытом и практическими навыками, в том числе в противостоянии международному терроризму, политическому экстремизму и сепаратизму. Мероприятия проходили в соответствии с решением Совета Региональной антитеррористической структуры ШОС и с участием оперативных групп и подразделений специального назначения вооруженных сил Казахстана, Китая, Киргизии, России и Таджикистана.

21 марта 2009 г. вступил в силу Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Участниками соглашения являются Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Стороны Договора берут на себя обязательства запретить производство, приобретение и развертывание на их территории ядерного оружия и его компонентов или других ядерных взрывных устройств, не запрещая при этом развитие мирной ядерной энергетики. Этот Договор стал первым многосторонним соглашением в области безопасности, которое охватывает все пять стран Центральной Азии. Обращает на себя внимание и предложение президента Н. Назарбаева разместить на территории Казахстана – государства, обладавшего ядерным оружием, но добровольно отказавшегося от него в 1990-е годы – международного «банка ядерного горючего». В нем страны, отвергающие ядерное оружие, смогут приобрести расщепляющееся топливо для ядерных реакторов. Интерес к этому предложению уже проявили США, а также иранский лидер М. Ахмадинежад, находившийся 6 апреля 2009 г. с визитом в казахстанской столице.

В целом, эффективность существующих структур безопасности, действующих в Центральной Азии в рамках СНГ и ШОС, оставляет желать лучшего. Но нельзя не признать того факта, что их система так или иначе работает. Во всяком случае, при всех издержках, связанных главным образом с конкуренцией или же параллелизмом в деятельности ОДКБ, ШОС и ЕврАзЭС, она позволяет не только находить консенсус по довольно сложным международным проблемам, но и практически решать актуальные вопросы обеспечения региональной безопасности. Императивом является и то, что эти проблемы должны решаться самими государствами Центральной Азии и только в кооперации. Если страны региона хотят сохранить в

условиях глобализации реальный суверенитет, им, а также России, необходимо ускорить интеграционные процессы.

Примечания

- ¹ Идея G-2, впервые озвученная в 2006 г., вновь была поднята Збигневом Бжезинским (советником по национальной безопасности при президенте Дж. Картере в 1977-1981 гг. и помощником Б. Обамы во время последних президентских выборов в США) в его речи 13 января 2009 г. на конференции в Пекине, посвященной 30-й годовщине установления дипломатических отношений между США и КНР (См.: Liu H. C. K. Brzezinski's G-2 grand strategy// Asia Times.Hong Kong, 22.04. 2009 http://www.atimes.com/atimes/China_Business/KD22Cb01.html Генри Киссинджер (госсекретарь в администрациях Р. Никсона и Дж. Форда с 1973 по 1977 гг. и архитектор поворота американской политики к Пекину в начале 70-х годов прошлого века) также поддержал эту идею в статье «Мир должен сформировать новый порядок, или он погрузится в хаос» (The Independent. 20.01.2009).
- ² На состоявшемся 20 мая 2009 г. в Праге саммите Европейского Союза и Китая премьер-министр КНР Вэнь Цзябао заявил, что «говорить о доминировании двух стран в международных делах абсолютно необоснованно и ошибочно». См.: Jian Junbo. China says 'no thanks' to G-2// Asia Times. 29.05.2009. <http://www.atimes.com/atimes/China/KE29Ad01.html>
- ³ Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. С. 18.
- ⁴ Здесь и далее данные взяты из обзора МВФ «Перспективы развития региональной экономики. Кавказ и Центральная Азия. Департамент стран Ближнего Востока и Центральной Азии». Международный валютный фонд. Май 2009 года. <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/reo/mcd/2009/mreoccar.ppt#256,1>
- ⁵ Global employment trends: January 2009. International Labour Office. Geneva, ILO, 2009. http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/dgreports/dcomm/documents/publication/wcms_101461.pdf
- ⁶ Айнуров Д. СНГ - симптомы общие, доктора разные// Экспресс-К, Астана. 14.02.2009, № 270 (16656).
- ⁷ Перцев Д. Страны ЦА: что будет// Газета (Казахстан). 24.03.2009 <http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=129088>
- ⁸ Узбекистан и Казахстан обсудили двустороннее сотрудничество. 04.04.2009 <http://www.regnum.ru/news/1146360.html>
- ⁹ Богатырев В. «Центральная Азия - это не место интеграции и регионализации, а место геополитического разлома»// Опубликовано 10 марта 2009 г. на сайте Bishkek Press news (Kyrgyzstan) <http://bpc.kg/news/5635-10-03-09>
- ¹⁰ Цит. по: Ивашев Н. Наркотики как оружие// РБК Daily.10.09.2008.
- ¹¹ Starr F. Partnership for Central Asia// Foreign Affairs, 2005, N. 3-4, July-August.
- ¹² Abbasov Shahin, Uzbekistan: US officials negotiating a return to Uzbek airbase// Eurasia Insight, 23.03.2009 http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav032309a_pr.shtml
- ¹³ США и Узбекистан подписали соглашение по поставкам грузов в Афганистан. Опубликовано на сайте Информационного агентства Zamandash press (Киргизия) 07.04.2009. http://zpress.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=5626:2009-04-07-05-29-12&catid=23:2008-10-19-12-16-10&Itemid=56
- ¹⁴ Кусера Дж. Центральная Азия: Вашингтон расширяет помощь региону в рамках наращивания своих операций в Афганистане. 12.05.2009 <http://www.eurasianet.org/russian/departments/insight/articles/eav051209ru.shtml>
- ¹⁵ Таджикистан: исламские боевики пытаются вернуться в Центральную Азию? 27.05.2009. <http://www.eurasianet.org/russian/departments/insight/articles/eav052709aru.shtml>
- ¹⁶ Интервью телекомпании Би-Би-Си, 29 марта 2009 г. <http://www.kremlin.ru/text/appears/2009/03/214444.shtml>
- ¹⁷ Богатуров А. Контрреволюция ценностей и международная безопасность// Международные процессы. М., 2008. Т. 6, № 2, май-август. С. 8.
- ¹⁸ Сыроежкин К. Л.. В плену обстоятельств (эпоха многовекторной внешней политики подошла к своему логическому завершению)//Международная конференция «Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений», состоявшаяся 4-5 ноября 2008 г. в Киргизии и организованная Общественным фондом Александра Князева. Опубликовано на официальном сайте Александра Князева <http://www.knyazev.org>
- ¹⁹ Коц А. Москва собирает боевой кулак// Комсомольская правда. 30.05.2009.

Южный Кавказ: до и после Пятидневной войны

Происходящие изменения в ситуации на Южном Кавказе отражают общие сдвиги в глобальной ситуации, наблюдаемые в последнее время, и тем, что ввиду прогрессирующего упадка однополярного мироустройства Россия получила возможность значительно укрепить свои международные позиции, прежде всего на постсоветском пространстве.

После распада СССР и вооруженных конфликтов начала 1990-х гг. на Южном Кавказе ситуация здесь долгое время определялась тем, что США и их союзники активно внедрялись в этот регион и вели политику постепенного выдавливания России с Южного, а в перспективе – и с Северного Кавказа. Политика же Москвы отличалась пассивностью, несла на себе печать пораженчества и неоправданных иллюзий по поводу перспектив возможного сотрудничества с Западом. В результате масштабы политического, военного и экономического присутствия РФ на Южном Кавказе неуклонно сокращались.

Ситуация начала меняться в первом десятилетии XXI века. В последние годы произошла радикальная переоценка российской политики на Кавказе, изменились ее приоритеты, во многом она приобрела качественно новый характер. Это наглядно проявилось во время Пятидневной войны в августе 2008 г., а затем - в отказе от признания легитимными границ постсоветской Грузии, официальном признании независимости Абхазии и Южной Осетии 26 августа 2008 г. заключении с ними договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, создании на территории этих республик постоянных российских военных баз, о совместной охране их границ и т.п.

США и ЕС отказываются распространять «косовский прецедент» на Абхазию и Южную Осетию и требуют от России отказаться от признания независимости этих республик. В свою очередь, Россия отказывается признавать независимость Косова. Нет никаких признаков, что в ближайшем будущем произойдет какое-либо изменение позиции сторон по этой проблеме. Тем не менее, международное сообщество уже не может игнорировать признания Россией Абхазии и Южной Осетии. В мае 2009 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун представил Совету безопасности ООН «Доклад Генерального секретаря, представляемый в соответствии с резолюциями Совета безопасности 1808, 1839 и 1866», в котором предлагается создать новый режим обеспечения безопасности между Грузией и Абхазией, на основе которого могут быть выработаны задачи и мандат миссии ООН.

Впервые в названии ооновского документа не содержится никакой ссылки на принадлежность Абхазии к Грузии, как это было во всех предыдущих докладах Генсека ООН. В нем говорится о «миссии ООН по стабилизации», т.е. Пан Ги Мун предлагает учитывать произошедшие в регионе изменения в названии миссии. Наряду с этим, предлагается ввести новый режим безопасности путем создания зон безопасности на суше, на море и в воздушном пространстве, зон ограничения вооружений, механизмы взаимного уведомления, мониторинг со стороны ООН, заключение соглашений о взаимном информировании сторон и т.д. На основе этого нового режима, в соответствии с докладом, должен быть выработан новый мандат миссии ООН в Абхазии и Грузии.

Произошедшая в США смена администрации привела также к определенным изменениям в американской политике на Южном Кавказе. Ее корректировка стала объективно необходимой в условиях мирового экономического кризиса, в силу изменившейся международной ситуации, а также из-за авантюрного характера

политики администрации Дж. Буша. Наиболее провальным итогом этой политики на Южном Кавказе стала Пятидневная война и ее последствия.

Заявления представителей новой администрации США по поводу кавказской политики отличаются противоречивостью. Большинство чиновников государственного департамента, оставшиеся на своих постах со времен Дж. Буша, заявляют о сохранении прежнего курса и подчеркивают, что изменения будут иметь лишь косметический характер. Однако некоторые высказывания нового госсекретаря Х. Клинтон дают надежду на то, что администрация Б. Обамы может занять более конструктивную позицию и отказаться от наиболее жестких форм конфронтации с Россией на Кавказе.

Очевидно, что внешнеполитическая концепция новой администрации США все еще находится в стадии разработки. Но уже есть определенные основания полагать, что она будет исходить из целесообразности сокращения масштабов прямого участия в США в делах региона и стремления переложить большую долю ответственности на своих союзников по НАТО, а также на другие государства и международные организации (по аналогии с Ираком и Сомали).

В июле 2008 г. представитель Госдепа США Мэтью Брайза утверждал, что Грузия удовлетворяет всем критериям для присоединения к Плану действий по членству (ПДЧ) в НАТО. При новой администрации США фактически отказались от прежнего курса на принятие Грузии и Украины в НАТО в максимально короткие сроки. Комиссия американского сената по изучению политики США в отношении России не рекомендовала новой администрации поощрять Грузию и Украину к вступлению в НАТО. В разработанном этой комиссией документе предлагается «смириться с тем, что ни Украина, ни Грузия не готовы к членству в НАТО» и использовать другие возможности развития партнерских отношений с этими странами. В качестве альтернативы членству в НАТО сенаторы видят для Грузии и Украины «особую форму сотрудничества» с военным альянсом¹.

Объявленная Б. Обамой «перезагрузка» в отношениях с Россией проявляется в изменении средств достижения целей американской политики, но было бы преждевременным говорить о принципиальном изменении курса на сохранение американского доминирования в мире. Еще недавно в условиях однополярного мира упивавшаяся своим, как казалось, безграничным могуществом, американская администрация относилась к своим союзникам довольно пренебрежительно и не слишком считалась с их интересами на Южном Кавказе и в других регионах (что вызывало у многих европейских политиков нескрываемое раздражение).

Но теперь, в условиях начавшегося упадка “Pax Americana” Вашингтон явно стремится переложить груз своих проблем на другие государства, прежде всего – на союзников по НАТО. В результате на постсоветском пространстве на смену обанкротившемуся блоку ГУАМ пришел проект «Восточное партнерство», в котором США будут играть менее активную, чем прежде, роль, а Евросоюз - куда более активную.

Инициаторами нового проекта стали Польша и Швеция, которые на заседании Совета ЕС по общим вопросам и внешним сношениям в Брюсселе (май 2008 г.) предложили учредить организацию, получившую затем название «Восточное партнерство». Ее задача состоит в «реализации интеграционных инициатив» по отношению к не входящим в состав ЕС и НАТО шести постсоветским республикам - Армении, Азербайджану, Белоруссии, Грузии, Молдове и Украине.

Официально объявленные цели «Восточного партнерства» состоят в повышении уровня политического взаимодействия, в обеспечении возможности заключения ассоциативных соглашений нового поколения, глубокой интеграции экономик восточных партнеров в экономику Евросоюза, упрощении визовых

процедур, реализации совместных усилий в области энергобезопасности в интересах всех участников партнерства, а также в увеличении объема финансовой помощи. При этом возможность участия России в «Восточном партнерстве» не рассматривалась, что ясно свидетельствует о стремлении к ее политической и экономической изоляции.

Реальная цель этого проекта состоит в блокировании интеграционных тенденций на постсоветском пространстве путем дезорганизации деятельности таких объединений, как СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС. Большинство инвестиционных проектов «Восточного партнёрства» посвящены таким стратегически важным сферам, как энергетика, транспорт, охрана внешних границ, правоохранительная система, предупреждение чрезвычайных ситуаций. Наряду с этим предусматривается создание «Форума неправительственных организаций», который позволил бы Евросоюзу активно воздействовать на внутривнутриполитическую ситуацию в постсоветских государствах, в том числе путем финансирования оппозиционных организаций.

Несмотря на постоянные заявления лидеров ЕС о том, что «Восточное партнерство» не направлено против России, очевидно, что оно представляет собой попытку реанимации и расширения уже существующего блока ГУАМ, в свое время сформированного США в качестве антироссийской альтернативы СНГ. Пятидневная война на Южном Кавказе продемонстрировала полную недееспособность этого блока.

Реакция Баку на события в Южной Осетии свидетельствовала о самостоятельном характере азербайджанской дипломатии, ее стремлении руководствоваться, прежде всего, национальными интересами собственного государства. Баку не пошел по пути Киева: он не стал осложнять свои отношения с Россией ради поддержки военной авантюры режима Саакашвили. Аналогичную позицию занял и другой союзник Грузии по блоку ГУАМ – Молдова. То, что половина членов ГУАМ отказалась поддерживать Грузию, а значит и политику США в Кавказском регионе, стало унижительным поражением американской дипломатии на постсоветском пространстве.

Известно, что США рассматривают Азербайджан как удобный плацдарм для расширения политического и военного присутствия в Каспийско-Черноморском регионе, транзитную страну для экспорта энергоносителей из Центральной Азии и важный поставщик энергоносителей. Для США и ЕС важна роль Азербайджана в качестве транзитной страны и поставщика энергоносителей в Европу. Москва не может согласиться с тем, что расширение военно-политического присутствия США ничем не угрожает ее интересам и послужит укреплению стабильности в Каспийско-Черноморском регионе. Для России же Азербайджан продолжает оставаться не потенциальным военно-политическим плацдармом, а в первую очередь ценным торговым партнером и важнейшей составляющей новых транспортных коридоров Север-Юг, которые связывают ее с Ираном и странами Южной Азии.

Как известно, наши союзники по ОДКБ в подчеркнуто сдержанной форме высказались в поддержку действий России и так и не клеймили Грузию за агрессию и истребление мирного населения Южной Осетии. В связи с этим прозвучало много упреков в адрес нашего стратегического союзника в регионе - Армении. Действительно, реакция армянских властей на события в Южной Осетии была крайне осторожной, что было обусловлено сохраняющейся до сих пор зависимостью Армении от транзита через грузинскую территорию, а также нежеланием ставить под удар армянское население Грузии. На опасность репрессий против армян указывает то, что грузинские власти нейтрализовали лидеров армян

Джавахетии (Джаваха) непосредственно перед началом осетинской операции, и в августе 2008 г. этот регион был фактически изолирован от внешнего мира.

После начала конфликта Армения недополучила третью часть объемов российского газа, который идет транзитом через Грузию. Это было недвусмысленным сигналом того, что Саакашвили готов ввести транспортную блокаду и полностью прекратить транзит энергоресурсов в Армению, если действия Еревана покажутся ему «недостаточно дружественными». Очевидно, что правительство Армении не могло ставить под удар армянское население Грузии и не учитывать возможности транспортной блокады Армении.

Сохранение стратегического партнерства с Арменией в сочетании с теперь уже постоянным российским военным присутствием в Абхазии и Южной Осетии гарантирует защиту интересов России на Южном Кавказе и создает условия для дальнейшего укрепления ее позиций в регионе. В изменившейся после Пятидневной войны ситуации США и ЕС вынуждены искать новые средства нейтрализации российского влияния на Южном Кавказе.

Похоже, что главным объектом евроатлантического контрнаступления на Кавказе избрана Армения. Очевидно, что в случае радикальной смены ее внешнеполитической ориентации, ситуация в регионе изменится коренным образом. Средством достижения этой цели могут стать «Восточное партнерство» и другие проекты, целью которых объявлена интеграция всех постсоветских государств за исключением России в евроатлантическое пространство.

Практическое осуществление проекта «Восточное партнерство» началось после Пятидневной войны, в условиях очевидной неспособности США и НАТО решить задачу вытеснения России и установления полного евроатлантического контроля над Южным Кавказом. Вскоре после окончания военных действий состоялся чрезвычайный саммит ЕС, на котором была принята резолюция о необходимости «оказать поддержку региональному сотрудничеству и укрепить отношения с восточными соседями путем осуществления проектов «Восточное партнерство» и «Черноморская синергетика»².

Азербайджан и Грузия (вместе с Молдавией и Украиной) были включены в список участников «Восточного партнерства» без каких-либо условий. Для Армении же (как и для Белоруссии) условием допуска к обещанным «Восточным партнерством» экономическим и прочим выгодам стала «демократизация» государственного механизма и общественной жизни. Подобное требование носило совершенно абсурдный характер, так как было очевидно нелепым рассматривать соседние с Арменией авторитарный (как считают на Западе) Азербайджан или совершенно дезорганизованную Грузию как образцы развития демократии на постсоветском пространстве. Очевидно, что обещанные выгоды «Восточного партнерства» используются для давления на Армению (и Белоруссию) с целью добиться постепенной переориентации ее внешней политики, а в перспективе – отказа от союза с Россией.

Проект «Черноморская синергетика» фактически является энергетическим дополнением «Восточного партнерства». По словам комиссара Еврокомиссии по вопросам внешних отношений и европейской политики соседства Б. Ферреро-Вальднер, на его осуществление будет направляться не менее одного миллиарда евро в год³. В частности, предусматривается развитие маршрутов транзита энергетических ресурсов, связывающих бассейн Каспийского моря и потребителей в Евросоюзе через Южный Кавказ.

Пражский (май 2009 г.) саммит ЕС «Южный коридор - новый шелковый путь» фактически был призван заложить основу нового энергетического порядка в Евразии. В проекте политической декларации говорилось, что участвующие в

проекте газопровода «Набукко» заинтересованные стороны, в том числе страны ЕС, Турция и бывшие среднеазиатские республики СССР, должны сделать все для подготовки межправительственного соглашения по «Набукко» и подписания этого документа не позднее июня 2009 г.

В случае успеха Пражского саммита у США и ЕС появилась бы реальная возможность создания нового энергетического коридора из Центральной Азии в Европу в обход России. Однако главная задача саммита осталась нерешенной: Евросоюзу не удалось добиться от Узбекистана, Казахстана и Туркмении – то есть ключевых стран для реализуемых в обход России энергетических проектов, подписания декларации, в которой были бы зафиксированы их обязательства в отношении проектов «Набукко» и Транскаспийского газопровода. Не подписала декларацию и Украина, настаивающая на осуществлении собственного проекта газопровода «Белый поток», который должен связать Украину и Грузию по дну Черного моря. В итоге значение принятой на Пражском саммите декларации приобрело чисто символический характер.

Подписание декларации Азербайджаном не меняет положения, так как эта страна обладает крайне ограниченными газовыми запасами. Загруженность построенного недавно газопровода Баку – Тбилиси - Эрзерум продолжает оставаться крайне низкой. Грузинская сторона ежегодно получает в качестве платы за транзит по этому маршруту 250 млн. кубометров газа. Остальной объем, по идее, должен был поступать в Турцию. Однако турецкая сторона после отказа Тбилиси закупать газ у российского «Газпрома», уступила свои квоты газа в 2,8 млрд. кубометров Грузии и Азербайджану, позволяя им покрывать их собственный дефицит в этом сырье⁴. В результате колоссальный по затратам маршрут используется в основном лишь для поставок газа в Грузию.

Газопровод Баку – Тбилиси - Эрзерум строился без каких-либо гарантий его заполнения путем поставок из Центральной Азии и Ирана. При подобном авантюристическом подходе проект оказался убыточным: объемы газовых богатств Азербайджана были чрезмерно преувеличены в спекулятивных целях и в угоду политической конъюнктуры. Поэтому поставки азербайджанского газа в Турцию продолжают сохранять символический характер и никак не влияют на ситуацию на энергетическом рынке.

Политическая обусловленность проектов энергетических коридоров в обход России предопределила их неэффективность и убыточность. Однако США и ЕС начали проявлять стремление к «обуздению российского энергетического диктата» практически сразу после распада СССР не только по политическим, но и по экономическим причинам, имевшим вполне объективный характер. Еще недавно, в условиях нарастающего дефицита нефти и газа в мире господствовало мнение, что спрос на энергоносители будет постоянно возрастать. В 2005 г. Международное энергетическое агентство⁵ прогнозировало, что потребности планеты в энергоносителях к 2030 г. увеличатся на 50 процентов за счет роста потребностей быстрорастущих экономик Китая и Индии, на которые придется 45 процентов потребления.

Международное энергетическое агентство, Управление энергетической информации США (EIA) и другие организации указывали на опасность беспрецедентного роста цен на нефть и газ (по их прогнозу до 200 долларов за баррель нефти к 2030 г.). Высокие цены связывались с недостаточным уровнем производительности в странах-экспортерах, которая рассматривалась как реальная угроза для энергетической безопасности будущего. До нынешнего глобального экономического кризиса наблюдался постоянный рост инвестиций в нефтегазовую инфраструктуру, в том числе в развитие южно-кавказского энергетического транзита,

который был призван стать не только важным геополитическим фактором, но и экономически обоснованным средством предотвращения дефицита поставок энергоносителей в Европу.

После распада СССР важнейшей задачей американской политики в Евразии считалось ослабление зависимости Европы от России в энергетической области: как от российских энергоносителей, так и российского энерготранзита из Каспийского региона. Для достижения этих целей разрабатывались различные проекты, призванные связать постсоветские государства Центральной Азии, Азербайджан, Турцию и Европу сетью новых трубопроводов в обход России.

Выстраивание нового энергетического коридора Восток – Запад поддерживалось Евросоюзом, который выступал за диверсификацию маршрутов поставок энергоносителей, а также за ограничение роли России на постсоветском пространстве. В этих условиях южно-кавказский энергетический транзит приобретал для США и ЕС принципиально важное политическое и экономическое значение.

В 1996 г. США выступили инициаторами проекта строительства транскаспийского газопровода для осуществления поставок туркменского газа в Европу через Южный Кавказ и Турцию. На первой стадии транскаспийского проекта через этот трубопровод планировалось прокачивать до 16 млрд. куб. м. газа ежегодно, на второй стадии до 32 млрд⁶. Одновременно США и ЕС активно лоббировали прокладку нефтепровода из Казахстана в Азербайджан по дну Каспия, который позволил бы перекачивать казахстанскую нефть по трубопроводу Баку - Тбилиси - Джейхан в обход России и Ирана.

Российское же руководство не считало целесообразным прокладку транскаспийских трубопроводов по политическим, экономическим, юридическим, экологическим и другим причинам. Оно считало более целесообразным развивать существующую систему трубопроводов и выступало за решение проблем, связанных с экспортом центрально-азиатских энергоресурсов в первую очередь путем координации политики стран-экспортеров энергоносителей.

В 2003 г. был утвержден объемный документ под названием «Основы энергетической политики государств-членов Евразийского экономического сообщества». Он предусматривает формирование общего рынка нефти и газа государств ЕврАзЭС. Для решения этой задачи планировалось проводить совместное освоение новых месторождений нефти и газа, принимать согласованные меры по модернизации и реконструкции системы газоснабжения, проводить согласованную политику обеспечения нефтяными ресурсами нефтеперерабатывающих предприятий стран ЕврАзЭС, создание совместных нефтегазоперерабатывающих предприятий.

«Основы энергетической политики государств-членов ЕврАзЭС» предполагают также проведение скоординированной политики в области транзита энергоносителей. В документе было зафиксировано намерение развивать взаимовыгодное сотрудничество государств ЕврАзЭС по созданию новых транспортных систем и реконструкции действующих, предназначенных для оптимизации и наращивания экспортных потоков нефти и газа, формировать единые правила доступа в магистральные нефтепроводную и газопроводную системы государств, разрабатывать оптимальные нефтегазотранспортные маршруты, создавать условия по рациональному использованию нефти и газа, проводить согласованную политику по расширению рынков сбыта нефтегазовых ресурсов. Важным этапом на пути практического воплощения общей энергетической политики государств-членов ЕврАзЭС стало заключение в мае 2007 г. Россией, Казахстаном и Туркменией (не являющейся членом Сообщества, но тесно сотрудничающей с его членами в энергетической области) принципиально важного соглашения по проекту

транспортировки газа из Центральной Азии по новому Прикаспийскому газопроводу (ПКГ).

Комментируя это трехстороннее соглашение британская «The Guardian» написала: «между Москвой и ЕС разворачивается война за контроль над энергетикой». Само соглашение газета оценила как «сокрушительное поражение Европейского Союза в боях за ослабление влияния России на ситуацию в энергетике, в частности за формирование альтернативных маршрутов поставок энергоресурсов из стран Центральной Азии через Кавказ»⁷.

Министр энергетики США Сэм Бодмэн назвал «Прикаспийский проект» невыгодным Европе, так как он является альтернативой лоббируемым США транскаспийским трубопроводам и «цементирует контроль Москвы над поставками газа из Средней Азии»⁸. Москва же подчеркивала экономическую ценность проекта и его большое значение для обеспечения безопасности энергопоставок в Европу, и эта позиция нашла там определенное понимание. В частности, глава Международного энергетического агентства К. Мандиль призвал западных политиков не драматизировать ситуацию, так как, по его мнению, продвигаемый Россией проект Прикаспийского газопровода для доставки центрально-азиатского газа в Европу вовсе не является для нее катастрофой⁹.

В течение многих лет США и ЕС настаивали на максимальной диверсификации путей поставок энергоносителей как на важнейшем факторе энергетической безопасности Европы. В последние годы Москва также заявила о необходимости диверсифицировать поставки российских энергоносителей и перенаправить их значительную часть с западного направления на восток и юг. Тем самым Россия как бы идет навстречу давним пожеланиям европейцев снизить долю потребления российских энергоносителей и избавиться от своей «избыточной» зависимости от «непредсказуемого и авторитарного» Кремля. Однако в этом случае стремление к диверсификации не вызвало одобрения ни в США, ни в Европе, более того, в адрес России прозвучали многочисленные обвинения в «энергетическом шантаже» и «имперских амбициях».

В условиях нынешнего экономического кризиса особую актуальность для государств-экспортеров приобретает задача диверсификации поставок российских и центрально-азиатских энергоносителей. Вместе с тем, ввиду ограниченных запасов энергоносителей начавшееся создание новых энергетических коридоров из России и Центральной Азии в восточном и южном направлении становится фактором, который затрудняет осуществление проектов строительства транскаспийских трубопроводов и обесценивает значение южно-кавказского энергетического транзита.

События в Южной Осетии наглядно продемонстрировали высокую степень уязвимости южно-кавказского энергетического транзита. Выступив инициатором начала военных действий, Грузия проявила себя как крайне ненадежная страна-транзитер, и это не могло не повлиять на перспективы осуществления проектов транскаспийских нефте- и газопроводов самым негативным образом. Уже на следующий день после начала военных действий (9 августа 2008 г.) Азербайджан был вынужден прекратить транзит нефти через грузинские порты. Азербайджанская национальная нефтяная компания (ГНКАР) обратилась к руководству российской «Транснефти» с просьбой увеличить объем прокачки нефти по трубопроводу Баку - Новороссийск в два раза (до уровня в 166 тыс. т. в месяц)¹¹. Одновременно Азербайджан вернулся к использованию транзита в южном направлении. 26 августа 2008 г. транзитом через Иран была отправлена первая партия азербайджанской нефти¹².

В связи с тем, что проект нефтепровода Баку - Тбилиси - Джейхан (БТД) лоббировался в первую очередь по политическим причинам, все потенциальные риски данного проекта были сознательно проигнорированы. В августе 2008 г. уязвимость БТД проявилась в полной мере. 6 августа 2008 г. (т.е. за два дня до начала военных действий в Южной Осетии) на турецком участке нефтепровода БТД была совершена очередная диверсия курдских боевиков. Компания BP была вынуждена объявить форс-мажор в связи с повреждением нефтепровода БТД и предупредить получателей о возможном невыполнении обязательств по экспортным контрактам. После начала Пятидневной войны BP была вынуждена полностью закрыть грузинский участок БТД и прекратить прокачку нефти по другому нефтепроводу Баку - Супса, связывающему Азербайджан с грузинским побережьем Черного моря.

Реакция нефтеэкспортеров на события в Южной Осетии была оперативной: сразу после начала военных действий азербайджанская национальная нефтяная компания (ГНКАР) приняла решение о прекращении экспорта нефти через грузинские порты и об эвакуации персонала с терминала Кулеви. Казахстан также прекратил экспорт своей нефти через грузинский порт Батуми и выразил намерение увеличить экспорт топлива в Китай и Россию.

В газовой сфере конфликт также привел к крайне негативным последствиям для южно-кавказского энергетического транзита. В результате событий в Южной Осетии азербайджанские власти заявили о том, что они «внимательно рассматривают» предложение Газпрома продавать российскому концерну весь экспортный газ по мировым ценам.

Одним из основных аргументов в пользу южно-кавказского транзита энергоносителей стали российско-украинские «газовые войны», которые превратились в реальную угрозу энергобезопасности Европы. Политика американской администрации при Дж. Буше всемерно способствовала росту напряженности в отношениях между Россией и Украиной, в том числе в сфере энергетики. 19 декабря 2008 г. тогдашний госсекретарь США К. Райс и премьер-министр Ю. Тимошенко подписали Хартию о стратегическом партнерстве между Украиной и США.

Хартией предусмотрены конкретные механизмы энергетического сотрудничества, в первую очередь учреждение работы двусторонней рабочей группы по вопросам энергетической безопасности, а также углублению трехстороннего диалога в формате Украина - США - ЕС относительно «усиленной энергетической безопасности». В пункте 2 раздела III Хартии говорится: «Признавая важность эффективно функционирующего энергетического сектора, стороны планируют тесно сотрудничать над восстановлением и модернизацией мощностей украинской газотранспортной инфраструктуры, диверсификацией и ограждением украинских источников ядерного топлива, которое уменьшит зависимость Украины от иностранных источников ядерного топлива и мощностей для их сохранения»¹³.

Сразу после подписания Хартии о стратегическом партнерстве между Украиной и США разразился беспрецедентный по своей остроте и масштабу российско-украинский газовый конфликт, вылившийся в январе 2009 г. в срыв поставок газа в Европу почти на две недели. Это резко актуализировало вопрос об альтернативных путях поставок энергоносителей в Европу. Многие политики и эксперты убеждены в том, что главным инициатором этого конфликта была уходящая администрация США, по настоянию которой В. Ющенко занял бескомпромиссную и заведомо проигрышную для Украины позицию.

В результате российское правительство и «Газпром» перестали рассматривать Украину как надежную страну-транзитера и стремятся в максимально

короткие сроки диверсифицировать пути транспортировки энергоносителей в Европу. К 2012-2015 гг. планируется ввести в эксплуатацию три новых газопровода по дну Балтийского и Черного морей в обход Украины – «Северный поток», «Южный поток» и вторую очередь «Голубого потока». Общая запланированная мощность этих газопроводов составляет более 100 млрд. кубометров газа в год, что вполне сопоставимо с нынешними объемами транзита через территорию Украины. Наряду с этим Газпром разрабатывает проект строительства нового газопровода, который пройдет по территории Белоруссии, Польши и Словакии.

Столь масштабное перераспределение экспортных энергетических потоков в обход Украины позволит снизить зависимость России от украинского газового транзита и гарантирует безопасность газовых поставок в Европу без осуществления дорогостоящих проектов строительства новых транскаспийских трубопроводов. Нынешнее руководство Украины стремится сохранить за своей страной роль важнейшего энергетического транзитера и надеется получить в этом поддержку со стороны США и ЕС.

23 марта 2009 г. в Брюсселе состоялась европейская инвестиционная конференция «ЕС – Украина, партнеры в газоснабжении», посвященная проблемам модернизации газотранспортной системы Украины с участием президента В. Ющенко, премьера Ю. Тимошенко и руководителей Европейской комиссии. Главной целью мероприятия было заявлено улучшение технического состояния украинской ГТС и повышение надежности транзита российского газа в Европу.

Совместная декларация по итогам международной конференции была подписана правительством Украины, представителями Европейской комиссии, Европейского банка реконструкции и развития, Европейского инвестиционного банка и Всемирного банка. В декларации говорится:

- Украина является стратегическим партнёром ЕС в газовом секторе. Украинская ГТС является неотъемлемой составляющей общеевропейской энергетической инфраструктуры.

- Государственная собственность, в которой находится ГТС, является суверенным правом Украины, зафиксированным в законодательстве Украины.

- Украина намерена постепенно интегрироваться в общий энергетический рынок ЕС, в частности путём обретения членства в Энергетическом сообществе.

- Стороны учитывают предложение Украины повысить в дальнейшем пропускную способность ГТС на дополнительный объем в 60 млрд. кубометров газа ежегодно, что может быть достигнуто при условии привлечения дополнительных инвестиций.

- Украина выражает готовность обеспечить вложение инвестиций в ГТС для обеспечения надёжного, прозрачного и прогнозируемого транзита природного газа государствам – членам ЕС, а также с целью обеспечения растущих потребностей в его потреблении в будущем.

- Стороны приложат усилия для обеспечения оптимального использования ГТС в средне- и долгосрочной перспективе, учитывая коммерческую практику.

- Транзит соответствующих объемов газа через территорию Украины в долгосрочной перспективе является необходимым условием обеспечения рентабельности инвестиций в газотранспортную систему Украины.

- Институциональная и законодательная адаптация Украины к законодательству общего энергетического рынка ЕС обуславливает необходимость соответствующего политического и финансово-технического содействия.

Согласно этой Совместной декларации Украина берет на себя обязательство обеспечить независимость оператора газотранспортной системы (ГТС) Украины, что

касается его юридической и организационной формы, процедур принятия решений и составления бухгалтерской отчетности. Предусмотрено, что оператору газотранспортной системы будут предоставлены возможности «использовать поступления от доходов от транспортировки газа трубопроводами высокого давления, а также его хранения», и действенные возможности «в отношении поддержания финансового стабильного положения».

Правительство Украины взяло на себя обязательство до конца 2009 г. разработать программу реформирования газового сектора в 2010-2011 гг., которая должна соответствовать принципам соглашения об ассоциации между ЕС и Украиной. Предусмотрено присоединение Украины к соглашению об Энергетическом сообществе¹⁴.

Одним из главных условий получения кредита на модернизацию украинской ГТС в 2,5-3 млрд. долларов является выделение «Укртрансгаза» в отдельную структуру, которая будет контролировать ГТС и будет независимой от «Нафтогаза». Соответственно, доходы от транзита газа будут направлены на коммерческое обслуживание кредита и более не смогут направляться для компенсации разницы между закупочными ценами на газ и ценами для внутренних потребителей, что чревато для Украины самыми негативными социально-экономическими последствиями. Работы по модернизации ГТС будут продолжаться минимум до 2016 г. Основная часть средств пойдёт на реконструкцию компрессорных станций. Предполагается, что основными поставщиками оборудования будут европейские фирмы, что приведет к полному вытеснению из отрасли продукции собственных украинских производителей.

По мнению Ю. Тимошенко, Совместная декларация позволит сохранить за Украиной ее роль главного транзитера российского газа в Европу, так как обязательным условием модернизации украинский ГТС является предоставление Россией и ЕС гарантий по объемам транзита газа. Как подчеркивает украинский премьер, «для проведения работ по модернизации и расширению газотранспортной системы необходимо иметь твердые гарантии со стороны России и ЕС по объемам транзита газа по территории Украины в долгосрочной перспективе»¹⁵.

Вместе с тем эта декларация вырабатывалась без участия России, и ущемляет ее интересы. Согласно действующему в настоящее время двустороннему контракту по транзиту газа через Украину российская сторона не берет на себя жестких обязательств относительно его объемов и уж тем более по поставкам дополнительных 60 млрд. кубометров газа. Наоборот, убедившись в крайней ненадежности украинского транзита, она активно продвигает проекты строительства альтернативных газопроводов. Настойчивое стремление Киева превратить Каспийско-Черноморско-Балтийское энерготранзитное пространство в «неотъемлемую часть европейского энергетического пространства» без учета интересов России и даже вопреки этим интересам стало для Москвы еще одним наглядным свидетельством ненадежности украинского транзита.

Предложенная Россией схема диверсификации энергопотоков и поставок газа в Европу в обход наиболее проблемных транзитных государств представляется наиболее выгодной как с экономической точки зрения, так и в плане безопасности. В случае успешной реализации проектов «Северный поток», «Южный поток» и второй очереди «Голубого потока» южно-кавказский энергетический транзит может сохраниться в качестве дополнительного маршрута, но никак не принципиально важного для Европы пути получения энергоносителей.

Накануне Пятидневной войны в Южной Осетии многие отечественные журналисты и эксперты вслед за своими коллегами на Западе твердили о том, что Россия окончательно проиграла Южный Кавказ. После предрекавшегося ими скорого и «неотвратимого» принятия в НАТО Грузии и Азербайджана на милость евроатлантистов непременно должна была сдаться Армения. Россия якобы давно была готова сдать Южную Осетию и Абхазию на милость М. Саакашвили, а в перспективе – бесславно уйти не только с Южного, но и с Северного Кавказа.

Казалось бы, итоги Пятидневной войны должны были изменить подобные пессимистические настроения. К удивлению, России вновь настойчиво предрекают геополитическую катастрофу на Кавказе, причем в качестве главного аргумента приводятся якобы однозначно негативные для нее результаты Пятидневной войны, «сплотившие» США, Европу и «все прогрессивное человечество» на антироссийской платформе.

Ситуация на Кавказе действительно продолжает оставаться сложной, она находится в стадии быстрой трансформации, но будет ли эта трансформация столь однозначно неблагоприятной для России? По-моему, нет никаких оснований для подобных утверждений.

Пятидневная война, а теперь и недавний Пражский саммит ЕС наглядно продемонстрировали глубокие противоречия внутри ЕС. «Старая Европа» отнеслась к «Восточному партнерству» весьма скептически, главы Великобритании, Франции, Италии и Испании даже не почтили это мероприятие своим присутствием. Одновременно французский президент Н. Саркози весьма демонстративно подчеркнул целесообразность осуществления идеи «Европа + Турция + Россия», которая позволит создать «огромное пространство с 800 млн. населения, совместно пользующихся одинаковым процветанием и одинаковой безопасностью»¹⁶. В этих условиях утверждения о существовании некоего единого антироссийского евроатлантического фронта представляются преувеличенными и не отражающими реальной ситуации.

В действительности Пятидневная война стала наглядным свидетельством прогрессирующего упадка однополярной модели мироустройства. США не удалось оказать никакого влияния на ход событий, а затем добиться дипломатической изоляции России и безусловного одобрения своей политики на Кавказе даже со стороны многих государств-членов НАТО. Против России так и не было введено санкций, которыми западные партнеры угрожали ей после Пятидневной войны и признания Абхазии и Южной Осетии (исключение РФ из G8, экономические санкции и т.п.). Более того, граничащая с Кавказом Турция продемонстрировала желание совместно с Россией поддерживать мир и стабильность в Черноморском регионе.

В феврале 2009 г. президенты России и Турции подписали в Москве Совместную декларацию о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства¹⁷. Для России принципиально важно, что в этом документе вновь была подтверждена обоюдная приверженность Конвенции о режиме Проливов (Конвенция Монтрё), т.е. Турция и Россия дали ясно понять, что они намерены препятствовать наращиванию военной активности в Черном море со стороны нечерноморских государств.

Пятидневная война и ее последствия наглядно продемонстрировали, что в августе 2008 г. длительный период ослабления российских позиций на постсоветском пространстве и на мировой арене в целом закончился. Быстрый разгром грузинской армии привел к замораживанию планов включения в состав

блока НАТО Грузии и Украины. Российское военное присутствие в Армении, Абхазии и Южной Осетии позволяет надежно гарантировать безопасность России и ее союзников.

Вместе с тем, появились новые вызовы и угрозы российским интересам. В результате принятия США и ЕС новых внешнеполитических инициатив на постсоветском пространстве («Восточное партнерство» и т.п.) руководство Белоруссии отказалось от данных ранее обещаний и отложило процесс признания независимости Абхазии и Южной Осетии в «долгий ящик». В Армении развернута пропагандистская кампания, направленная на изменение общественных настроений в неблагоприятном для РФ направлении путем дискредитации российско-армянского стратегического партнерства (якобы не гарантирующего безопасность Армении и имеющего для нее неравноправный и невыгодный характер).

Вместе с тем после Пятидневной войны у России появились принципиально новые возможности по защите своих политических и экономических интересов на Южном Кавказе и на всем постсоветском пространстве. Важно, чтобы эти возможности были использованы российским руководством в полной мере, чтобы ответы на вызовы интересам РФ следовали не после превращения потенциальных вызовов в действительность, а приобрели упреждающий характер. Для этого необходимо окончательно покончить с прежней политикой «ответов на вызовы» и перейти к политике моделирования ситуации на Южном Кавказе в нужном с точки зрения национальных интересов России направлении.

Примечания

¹ http://www.odnarodyna.ru/news.php?n_id=1557&print

² <http://russianews.ru/press/22199>

³ <http://odnarodyna.ru/articles/12/547.html>

⁴ В. Якубян: Дипломатический шок - время для солидарной внешней политики Армении - <http://www.regnum.ru/news/1157939.html>

⁵ МЭА было основано во время нефтяного кризиса 1973-1974 гг., его членами являются 26 экономически развитых стран мира, которые одновременно являются ведущими потребителями нефти.

⁶ <http://www.postsoviet.ru/page.php?pid=831>

⁷ <http://www.polit.nnov.ru/2008/09/03/coldoilwar/>

⁸ <http://www.tehnoprogress.ru/lenta/news23330.html>

⁹ <http://content.mail.ru/arch/18329/1516829.html>

¹⁰ <http://www.gazo.ru/news/index.khtml>

¹¹ <http://www.gazo.ru/news/index.khtml>

¹² <http://www.rusenergy.com/?page=news&id=95918>

¹³ <http://president.com.ua/modules.php?name=News&file=print&sid=28422>

¹⁴ <http://www.analitik.org.ua/current-comment/ext/4958cd40ee8b4>

¹⁵ Там же.

¹⁶ <http://www.mk.ru/politics/270682.html>

¹⁷ <http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/02/212886.shtml>

II. Экономическое сотрудничество: производство, транспорт, экология

Политика постсоветских стран Прикаспия по вопросам экспорта энергоресурсов

1. Развал СССР в наибольшей степени обескуражил республики Средней Азии. Российское же руководство того времени, увлеченное односторонней ориентацией на Запад, прикрываясь сомнительным предлогом, будто Россия превратилась в «дойную корову» остальных союзных республик, стало на путь резкого сокращения экономических взаимосвязей со среднеазиатским регионом.

Соединенные Штаты не преминули воспользоваться столь благоприятной ситуацией. Но особенно они активизировались в Закавказье и Прикаспийском регионе в связи с освоением там природных энергетических ресурсов. Стратегическая цель США заключалась в том, чтобы обеспечить свободный доступ крупнейших западных нефтегазовых корпораций к углеводородным ресурсам «Большого Каспия». Для этого им предстояло решить в свою пользу *ключевую проблему транзита*, которая возникла в результате развала СССР и которая превратилась теперь в важнейший геополитический и геоэкономический фактор в данном регионе, в один из главнейших рычагов, используя который США и ЕС получили возможность более эффективно осуществлять стратегию дальнейшей дезинтеграции СНГ, изоляции других республик от России. Западу предстояло решить проблему формирования новых маршрутов в обход России. Собственно решение этой задачи и составляет ныне главное содержание противоборства Запада и России в рассматриваемом регионе. Вот почему США и ЕС первыми приступили к политизации энергетических проблем в Прикаспийском регионе и обострению на этой почве отношений с Россией.

На первом этапе США добились значительных успехов. Впрочем, это тем более легко было сделать, что руководство ряда республик Прикаспийского региона, освоившись с новой ситуацией, стали искать себе новых энергетических партнеров и инвесторов. Главным звеном в осуществлении стратегии «Большого Каспия» стал Азербайджан, который в сентябре 1994 г. подписал шумно разрекламированный «контракт века» - Соглашение о долевом разделе продукции, предусматривавшее разработку месторождений Азери, Чираг и Гюнешли (АЧГ) в течение 30 лет.

В создавшихся условиях страны прикаспийского региона стали постоянно формировать свою *многовекторную внешнюю политику*, в том числе и в энергетической сфере.

2. После того как США достигли первых успехов в плане освоения углеводородных ресурсов Азербайджана и строительства сначала нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД), а потом и Южно-Кавказского газопровода до турецкого Эрзурума, они приступили ко второму этапу – выстраиванию важного звена в сооружаемой системе обхода России. Запад во главе с США настойчиво стремились побудить Казахстан и Туркмению согласиться на сооружение *транскаспийских трубопроводов* нефти и газа. Особенно энергично разворачивались события вокруг вопроса о присоединении Казахстана к нефтепроводу БТД. Азербайджан и особенно администрация США стали оказывать на Астану беспрецедентное давление, уговаривая присоединиться к БТД и построить транскаспийский нефтепровод. В марте 2006 г. Казахстан посетил госсекретарь по энергетике Самуэль Бодмэн и уговаривал Астану ускорить решение о присоединении к БТД. В мае того же года последовал визит самого вице-президента Д. Чейни, который грубо льстил руководству страны, называя ее «стратегическим партнером», стоящим на пути демократии и т.п. Тогда же комиссар ЕС по энергетике Пиебалгс обещал президенту

Назарбаеву профинансировать разработку проекта транскаспийского газопровода. В апреле 2007 г. на заседании в Баку рабочей группы ЕС-Азербайджан-Грузия-Казахстан представитель Брюсселя выразил готовность оказать этому проекту политическую и финансовую поддержку. В середине того же месяца посол США в Казахстане Джон Ордвей заявил о том, что прикаспийские государства могут начать реализацию проектов по строительству транскаспийских нефте- и газопроводов на двух- и трехсторонней основе, не дожидаясь окончательного урегулирования правового статуса Каспия.¹

Нужно сказать, что администрация США надеялась использовать некоторые разногласия, существующие между Россией и Казахстаном (по вопросу об увеличении мощности КТК – Каспийского трубопроводного консорциума, по закупочным ценам и транзитным тарифам и т.п.), а также лидирующее положение американских компаний в общем объеме иностранных инвестиций в нефтегазовом секторе Казахстана, чтобы склонить на свою сторону руководство этой страны. Но президент Назарбаев весьма профессионально вышел из затруднительного положения, связанного с его приверженностью «многовекторной» внешней политике, с одной стороны, и нежеланием портить отношения с Россией, через которую шли основные экспортные потоки казахстанской нефти, с другой. И хотя в июне 2006 г. он подписал с Азербайджаном соглашение о присоединении Казахстана к БТД, но сделал это в своем варианте, а не в духе навязываемой ему американцами идеи о транскаспийском нефтепроводе. Казахстан «присоединился» к БТД в том смысле, что он готов был морем (танкерами) поставлять некоторое количество прироста своей нефтедобычи с будущего шельфового месторождения Кашаган, а не жестко привязываться подводным нефтепроводом к фланцу трубы БТД. Он готов был поставить на первом этапе (т.е. по Экспериментальной Программе добычи нефти на Кашагане) до 7,5-10 млн. т, а в дальнейшем, возможно, и до 25 млн.т/г. (после того, как добыча на Кашагане достигнет своего максимума).²

3. Что касается среднеазиатского газа, то идея транскаспийского газопровода была выдвинута США еще в 1996 г. и позднее к ней активно присоединились ЕС, Турция и Азербайджан. Предполагалось строительство по дну Каспия газопровода пропускной способностью 30 млрд. м³ газа из Туркмении, Казахстана и Узбекистана. С европейской стороны еще в 2000 г. возник проект, впоследствии получивший название «Набукко», который призван был замкнуть цепь между Турцией и Европой и составить альтернативу проекту российского «Газпрома».

4. В 2007-2008 гг. Россия окончательно осознала необходимость более системного стратегического похода к вопросу об энергетическом сотрудничестве со странами Центральной Азии. Были предприняты важные шаги по следующим направлениям:

а) *Проблема расширения мощности КТК.* Каспийский трубопроводный консорциум был создан еще в советские времена для транспортировки экспортной нефти с месторождения Тенгиз (Казахстан-Новороссийск) и до сих пор носит на себе многочисленные «родимые пятна» некомпетентности и коррумпированности чиновничества поздней советской эпохи. В настоящее время акционерами являются как правительства - основатели КТК: Россия – 24%, Казахстан – 19% и Оман – 7%, так и частные нефтяные компании: Chevron Caspian Pipeline Consortium Company – 15%, СП Лукойла и BP LUKARCO-BP – 12%, СП «Роснефти» и Shell Caspian Ventures Limited – 7,5%, Mobil Caspian Pipeline Company – 7,5%, дочка Enel – Agip International (N.A.) N.V. – 2%, BG Overseas Holding Limited – 2%, Kazakstan Pipeline Ventures LLC – 1,75% и Oryx Caspian Pipeline LLC – 1,75%. Впрочем, в марте 2008 года Оман решил выйти из КТК, направив оферту на выкуп принадлежащих ему акций двум другим государственным акционерам.

Казахстан и иностранные акционеры уже давно добиваются увеличения мощности нефтепровода до 67 млн. т в год, так как он представляет собой наиболее быстрый и дешевый способ наращивания экспорта казахстанской нефти. Но до недавнего времени на пути решения этого вопроса стояли два препятствия.

Во-первых, проблема перегруженности турецких проливов. Турция установила в связи с этим квоту на нефть из Новороссийска. В результате увеличение прокачки казахстанской нефти по КТК автоматически оборачивалось бы сокращением экспорта из самой России. Таким образом, предстояло решить проблему проливов. Долгие годы Россия обсуждала с властями Болгарии и Греции вопрос о сооружении нефтепровода Бургас-Александруполис, по которому нефть из Новороссийска, минуя проливы, могла бы поставляться в Европу. Проблема разрешилась лишь в 2007 г. после визита президента В. Путина в Болгарию и Грецию и подписания соглашения о строительстве трубопровода (март 2007 г.), его ратификации Госдумой (май) и парламентами двух других участников соглашения. Проектом предусмотрена мощность трубопровода 35 млн. т в год с последующим увеличением до 50 млн. т.

Вторая проблема связана с ситуацией в самой КТК. На первый взгляд поведение России как страны - транзитера может показаться странным. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что деятельность КТК – это очевидно единственный случай в мировой практике, когда стране – транзитеру она не выгодна. С точки зрения России эксплуатация КТК осуществляется крайне неэффективно, в результате чего консорциум залез в долги (около 5,3 млрд.долл.), в то время как акционеры, кредитовавшие строительство трубопровода, на протяжении всех этих лет получали неоправданно высокие процентные выплаты (по уставу консорциума запрещалось брать займы у других банков), между тем как российское государство до сих пор не получало никакой прибыли. Неудивительно, что в 2006 г. Федеральное агентство по энергетике России (Росэнерго) решило вмешаться в ситуацию вокруг КТК, добиваясь существенного изменения положения. Россия добилась смещения главы КТК – представителя Chevron и назначения на этот пост своего представителя. Правительство также передало «Транснефти» свою долю (24%) в консорциуме, и провела трудные переговоры с другими частными акционерами о повышении тарифов, о снижении процентных ставок и о реструктуризации искусственно сотворенной задолженности.

б) Во время визита в 2007 г. В.Путина в Казахстан окончательно сдвинулся с «мертвой точки» еще один важный «долгострой» - вопрос об использовании и экспорте природного газа с крупнейшего казахстанского месторождения Карачаганак. Вопрос этот обсуждался с середины 1990-х гг. и стоял он так: либо Казахстан строит собственный газоперерабатывающий завод (ГПЗ) в районе Карачаганака (что, несомненно, и дорого и долго), либо газ поступает на соседнюю российскую территорию на Оренбургский ГПЗ, начавший уже испытывать нехватку местного газа. И вот теперь на действительно равноправной и взаимовыгодной основе вопрос, наконец, решился. Договорились, что будет создано СП «Газпрома» и «Казмунайгаза» на базе Оренбургского ГПЗ, которое на паритетных началах будет закупать сырой газ у консорциума Karachaganak Petroleum Operating* по 33 долл. за тысячу кубометров в объеме 16 млрд. м³ в течение 15 лет, а другое СП – ЗАО «Казросгаз» будет экспортировать часть переработанного сухого газа на экспорт, по 160 долл. за тысячу кубометров после выполнения квоты поставок переработанного газа для внутреннего потребления в Казахстане. Таким образом, в

* Британская BG и итальянская Eni являются операторами «Карачаганака», в котором им принадлежит по 32%. Еще 20% принадлежит Chevron и 15% - Лукойлу.

ближайшей перспективе практически весь казахстанский газ будет перерабатываться и экспортироваться российско-казахстанскими СП, работающими на паритетных началах. Это, безусловно, новое качество в практике российско-среднеазиатских энергетических взаимоотношений.

в) *Большой прорыв совершен 12 мая 2007 г.* во время саммита в г. Туркменбаши В. Путина, Н. Назарбаева, Г. Бердымухаммедова и заочно участвовавшего И. Каримова, где была подписана Декларация о строительстве прикаспийского газопровода мощностью 10 млрд. м³ (с перспективой ее увеличения до 30 млрд.), а также расширения и модернизации существующей трубопроводной системы Средняя Азия-Центр. Стороны договорились, что ТЭО будет подготовлено к сентябрю 2007 г., в течение первой половины 2008 г. будет подписано межправительственное и коммерческое соглашение о создании консорциума по проекту трубопровода, а со второй половины 2008 г. начнутся строительные работы. В результате мощности для транспортировки газа из Средней Азии в Россию возрастут с нынешних 60 млрд. м³ до 90 млрд. в 2014 г. В соответствии с достигнутыми договоренностями российская сторона покупает газ на границе среднеазиатских республик.³

5. После России наиболее осязаемое, не виртуальное, а фактическое наполнение многовекторная концепция энергетического сотрудничества получила во взаимоотношениях Центральной Азии с Китаем. Особенно бурную активность развили китайские государственные нефтяные компании после того, как в 2004 г. правительство КНР специальным распоряжением дало им почти неограниченную свободу действия за рубежом. Одним из главных объектов внимания китайских корпораций стал соседний Казахстан. Китай первым нарушил монополию России на экспорт казахстанской нефти. Начал Китай с инвестирования в добычу. С 1997 г. Китайская компания CNPC инвестировала в месторождение Aktobemunigas на северо-западе страны 1,5 млрд. долл. Китай собирался тогда строить нефтепровод Казахстан-Китай и даже подписал соглашение по этому поводу. Но когда возник проект с ЮКОС'ом Ангарск-Дацин, китайцы попросту забыли о казахском проекте. Как известно, с российским проектом китайцы (вместе с ЮКОС'ом) потерпели поражение, и тогда Китай снова активизировал свои усилия в Казахстане.

В 2003 г. CNPC выкупила у KazMunaiGas (KMG) 25% акций дочерней Aktobemunaigaz, и обе компании стали операторами нефтепровода Кенкияк-Атырау, по которому нефть (около 6 млн. т) поступает в экспортную трубу на российской территории.⁴ Но для Китая это был лишь промежуточный шаг. Он начал методично выстраивать систему нефтепроводов, идущих из Казахстана в Китай, не забывая о приобретении новых месторождений для наполнения будущей трубы. Осенью 2004 г. Китай приступил к сооружению нового нефтепровода в 962 км стоимостью 806 млн. долл. из Казахстана в Китай. Нефтепровод Атасу-Алашанькоу вступил в строй в декабре 2005 г. По нему, судя по всему, придется транспортировать временно и часть нефти из России (так как своей нефти в объеме, необходимом для трубы - 10 млн. т, у казахско-китайского консорциума пока еще не было)⁵. Некоторые российские компании («Роснефть», «Сибнефть» и др.) заинтересовались этой возможностью. Тем временем Китай уже планирует построить новый отрезок нефтепровода Актюбинск-Атасу (т. е. к месту активной разработки месторождений Каспия), и тогда мощность уже построенной части нефтепровода в Китай можно будет увеличить до 20 млн. т/г. Не теряя времени, в июне 2005 г. CNPC International Inc. предложила Казахстану за 4,18 млрд. долл. купить компанию PetroKazakhstan Inc., Calgary, контролирующую 9,5% всей нефтедобычи страны. Для Китая это была крупнейшая зарубежная сделка. Впрочем, власти Казахстана, очевидно, не желая передавать полный контроль над компанией, оговорили возможность выкупа 33%

казахстанской госкомпанией KazMunaiGas, что затем и было сделано за 1,4 млрд. долл. В эту долю вошел и Чимкентский нефтеперерабатывающий завод, который, тем не менее, будет под совместным управлением двух сторон.⁶ В связи с этой сделкой Казахстан предпринял еще один шаг, направленный на укрепление своих позиций в Petrokazakhstan.

Успешно Китай продвигает и крупный газовый проект. До сих пор казахстанский газ экспортировался только в северном направлении, в Россию. Но в 2005 г. «КазМунайГаз» и CNPC завершили предварительное обоснование технических аспектов нового проекта и с 2006 г. занялись инвестиционным обоснованием. В июле состоялась церемония начала строительства газопровода, который будет состоять из двух параллельно проложенных труб диаметром 1067 мм и общей протяженностью 1304,5 км.⁷ Первая труба строится по соглашению 2007 г. между Казахстаном и Китаем. Она является частью Трансазиатского газопровода и будет служить для транзита туркменского газа в Китай. Вторая – предназначена для экспорта природного газа самого Казахстана в Китай. Для строительства транзитной трубы казахстанская «КазТрансГаз» и китайская Trans-Asia Gas Pipeline Ltd., принадлежащая China National Oil and Gas Exploration and Development Corp. (дочка CNPC), создали в феврале 2008 г. СП. Что касается казахстано-китайского газопровода, то в ноябре 2008 г. было подписано предварительное соглашение о снижении мощности трубопровода до 10 млрд. кубометров (в связи с изменившейся ситуацией), причем 5 млрд. кубометров будут экспортироваться в Китай, а остальные 5 млрд. останутся на нужды южных районов самого Казахстана.⁸

6. В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что эра относительной изоляции их от внешнего мира навсегда ушла в прошлое, а вместе с этим у них появилась возможность проведения в собственных национальных интересах *многовекторной энергетической политики*. Уже в конце 2007 г. Казахстан, Туркмения и Узбекистан фактически договорились о единой ценовой стратегии и объявили о переходе с 2009 г. к европейским ценам на экспортируемый ими газ. «Газпром» в марте 2008 г. среагировал позитивно на требование европейских цен на условиях принципа net back (среднеевропейская цена минус издержки транспортировки и обычная «разумная» прибыль). Соглашение об этом было достигнуто 11 марта 2008 г. между «Газпромом» и официальными представителями центрально-азиатских республик.⁹ Все это является свидетельством того, что изменения на мировых энергетических рынках в современном глобализирующемся мире стали столь динамичными, а возникающие проблемы и вызовы столь разнообразными и порой неожиданными, что малейшее успокоение на сегодняшних достижениях чревато будущими просчетами и неудачами.

Примечания

¹ Нефть и газ Казахстана 2006, (Нефтегазовая вертикаль, № 16, 2006), с. 12; Financial Times, June 17-18, 2006; Oil and Gas Journal, June 2, 2006, p. 10; Время новостей, 3 и 17 апреля 2007.

² Время новостей, 3 ноября, 15 и 19 сентября 2006.

³ Эксперт, № 19, 21-27 мая 2007, стр. 22; Коммерсантъ, 14 мая 2007.

⁴ Petroleum Economist, December 2005, p. 38; Эксперт, № 24, 26 июня-2 июля 2006, с. 48.

⁵ Нефть и Капитал, № 1-2, янв.-февр. 2006, с. 75.

⁶ Oil and Gas Journal, Sept. 12, 2005, p. 12; Asia Times. Online. www.atimes.com., Oct.20,2005.

⁷ Эксперт, № 10, 13-20 марта 2006, с. 12; Нефтегазовая вертикаль, № 7, июнь 2006, с. 21-22; Petroleum Economist, April 2006, p. 21.

⁸ OGJ, Jan. 5, 2009, pp. 57-59.

⁹ Petroleum Economist, May 2008, p. 6.

Перспективы отношений в треугольнике Россия – Китай – Казахстан в условиях глобального кризиса

В условиях мирового финансового кризиса экономика становится во все большей степени связанной с безопасностью. Сегодня обеспечение национальной безопасности в Центральной Азии и перспективы взаимодействия наших трех стран во многом зависят от того, как мы сможем сотрудничать в условиях кризиса.

В этом выступлении предпринята попытка, на основе анализа динамики и перспектив развития кризисной ситуации в наших странах, порассуждать о дальнейшем сотрудничестве в треугольнике Россия – Китай – Казахстан.

1. Влияние финансового кризиса на Россию

Влияние мирового финансового кризиса на Россию нарастает. Экономическая и финансовая ситуация продолжают ухудшаться. Российская экономика еще не достигла своего «дна падения». Скорость падения российской экономики пока еще тормозится большими валютными резервами. Если экономическая ситуация в ведущих странах – США, членах Евросоюза и Японии не выправится до момента исчерпания золотовалютных резервов России, то Россию ожидает глубокий экономический кризис и опасные для политической стабильности социальные потрясения.

В России не сразу осознали глубину финансового кризиса и его опасность для страны. Слово «кризис», например, отсутствовало в разработанной правительством антикризисной по своей сути Программе, обнародованной 7 ноября 2008 г. И только 20 ноября 2008 г на съезде «Единой России» российские руководители признали наличие финансового и экономического кризиса в России.

Финансовый кризис выявил уязвимость нынешней модели российской экономики. Появилась угроза социальной нестабильности – как реакция населения на сокращение зарплат и увольнения.

Политическая ситуация в России продолжает оставаться **неопределенной**. Прямой угрозы власти пока не существует. Но длительное по времени углубление экономического кризиса может вызвать и политический кризис.

В Москве начинают обсуждать необходимость политической реформы, которая бы обеспечила представительство во власти интересов широких слоев мелкого и среднего бизнеса и среднего класса, как основы выработки действенных мер по выходу их кризиса.

Состояние и ближайшие перспективы **российской экономики** остаются неопределенными. Прогнозы постоянно меняются.

В 2009 г экспертное сообщество ожидает замедление или вообще прекращение роста ВВП: от уровня минус 3% до минус 9%.

Финансовый кризис разгоняет инфляцию. По официальным данным, в 2008 г. она составит 13%, по оценкам экспертов – около 30%. В 2009 г. прогнозируется дальнейший рост инфляции.

Мировой финансовый кризис высветил слабость и уязвимость российского фондового рынка. К концу сентября 2008 г. выяснилось, что российский рынок не имеет ресурсов защиты от мирового кризиса. Капитализация российского фондового рынка уменьшилась в 3 раза. Иностраный капитал стал стремительно продавать акции российских компаний и выводить деньги из России. Вслед за фондовым

рынком нарастающие потери несет банковский сектор. Отток капитала за время кризиса превысил 100 млрд. долл.

Более 50% израсходованных валютных резервов пошло на поддержание плавного падения курса рубля и, тем не менее, рубль с начала августа 2008 г. до конца марта 2009 г. ноября подешевел почти на 30%. Остальные резервные средства пошли на поддержку банковской ликвидности. В России нарастают ожидания дальнейшей девальвации рубля – до 50 руб. к осени 2009 г. Люди скупают доллары и стремятся вывести их за рубеж. Правительство старается погасить ажиотажный спрос на валюту за счет вбрасывания в экономику золотовалютных резервов. Если темпы расходов резервов на поддержку курса рубля и банковской ликвидности сохранятся, то можно подсчитать, что России хватит валютных запасов и средств резервного фонда на полгода – год. Если за это время мировая ситуация не выправится, Россию ждет действительно глубокий социально-экономический кризис.

Финансовый кризис обострил проблему задолженности российских нефтегазовых и финансовых корпораций: их долг вырос с 464 млрд. долл. в начале года до примерно 530 млрд. долл. (примерно 50% ВВП). Главной проблемой здесь является то, что до 60% задолженности является краткосрочной. Именно этим обстоятельством определяется неэффективность мер правительства по выходу из кризиса. Финансовая помощь предоставляется близким корпорациям-гигантам («Газпром», «Роснефть», Сбербанк и т. п.), которые направляют деньги на погашение своих краткосрочных обязательств, либо вообще переводят их за рубеж, страхуя себя на случай углубления кризиса.

Структура российской экономики, в которой главную роль играет нефтегазовый и сырьевой крупный бизнес, доля мелкого и среднего производства лишь около 13%, не позволяет рассчитывать на внутренний спрос как на главный фактор выхода из кризиса. Отсюда – в отличие от других стран, стремящихся увеличить внутренний спрос за счет снижения базисной банковской ставки и, тем самым, облегчения доступа мелкого и среднего бизнеса к кредитам – в России ЦБ увеличивает ставку рефинансирования (с 1 декабря – до 13%; ставка на кредиты в коммерческих банках выросла до нереальных для промышленности высот (20-27%) с целью усложнить доступ к валютным ресурсам, которые не вкладываются в экономику, а вывозятся на Запад.

Финансовый кризис с нарастающей силой влияет на социальную стабильность. Закрываются предприятия, растет безработица, увеличиваются задержки по выплате зарплаты. Ожидается, что в 2009 г. безработица будет на уровне 6-8%, однако, по мнению некоторых экспертов, число безработных может составить 30% населения. Долги по зарплате растут. Крупнейшие компании («Газпром», «Роснефть», «Лукойл», ТНК и т. д.) объявляют о 10-20%-ых сокращениях персонала. На промышленных предприятиях зарплата сократилась на 20-30%.

Новым источником социального недовольства может стать тарифная политика государства. Для поддержания на плаву российских монополий увеличиваются тарифы на их продукцию – против интересов производителей и населения. С 2009 г. тарифы на газ, электроэнергию и железнодорожные перевозки возрастут на 19-20% для предприятий и примерно на 25% для населения.

Резюмируя, можно сказать следующее: мировой финансовый кризис привнес **неопределенность** в развитие России.

«Схема неопределенности» выглядит следующим образом:

(а) политическая стабильность в России в 2009-2010 гг. будет зависеть от социальной и экономической стабильности;

(б) экономическая стабильность будет определяться ситуацией на внешних рынках энергоносителей;

(в) которая, в свою очередь, будет зависеть от того, как скоро начнется подъем в экономике США и ЕС.

Собственного запаса золотовалютной прочности России хватит максимум на год-полтора. Если за это время ситуация в США не улучшится, то Россию ждут глубокие экономические, социальные и политические потрясения, контуры которых сегодня вырисовываются лишь в самом общем виде:

- безработица,
- долги по зарплате,
- рост преступности,
- протестные выступления населения,
- обострение отношений федерального и центра и регионов, которые будут требовать больше финансовой и политической независимости,
- кризис в отношениях России со странами СНГ и т. д.

Как следствие, возрастет неопределенность в развитии российско-китайских и российско-казахстанских отношений, прежде всего, в таких областях как энергетическое сотрудничество и Центральная Азия.

В то же время, российские экспертные оценки свидетельствуют о том, что американская экономика сможет в 2009 г. выйти на траекторию роста, что будет стимулировать и мировую экономику в целом, и рынок энергоресурсов – с прямой выгодой для России. И – в результате – позволит сохранить России необходимый уровень внутренней стабильности.

2. Экономика Китая в 2009-2010 годах

В 2009-2010 гг. на экономическое развитие Китая будут оказывать влияние следующие **факторы неопределенности**.

Во-первых, это фактор глобальной неопределенности. Мировой финансовый кризис и последовавшее за ним экономическое замедление на главных для Китая торговых полях – США, ЕС, Япония – снизили темпы роста китайского экспорта в 2008 г. до 21%, а ВВП до 9%.

Правда, если соотнести первые данные по ВВП Китая за 2008 г. с первыми (а не окончательными, обнародованными в конце 2008 г.) данными по ВВП Китая за 2007 г., то прирост составит 9,8%.

Замедляющее воздействие на экспортную динамику оказывает и продолжающееся укрепление китайского юаня по отношению к доллару США. Одновременно замедлился рост прямых иностранных инвестиций в экономику Китая (за первый квартал 2009 г. – на треть меньше среднемесячного уровня 2008 г.).

Вариантный прогноз дает три сценария развития мировой экономики в контексте влияния на экономический рост Китая в 2009 г. Первый – ситуация на рынках США, ЕС и Японии ухудшится. Китай постарается компенсировать экспортные потери за счет увеличения экспорта на рынки развивающихся стран ЮВА, Латинской Америки, постсоветского пространства, однако, поскольку эти рынки значительно менее емкие, полностью восполнить ущерб данный маневр не позволит.

Второй, – мировая экономика стабилизируется, но не вступит в этап быстрого роста. В этом случае Китаю удастся сохранить экспортную динамику второй половины 2008 года. Третий сценарий – мировая экономика восстановится, наберет прежний темп развития, что позволит Китаю наращивать экспорт на мировые рынки темпами последних двух-трех лет.

Эффект воздействия мировой ситуации в 2009-2010 гг. на динамику китайского ВВП можно – в зависимости от сценария – оценивать в пределах от минус 2,5 до плюс 1 процентного пункта прироста ВВП. Наиболее вероятный вариант – в пределах от минус 1 процентного пункта.

Реакция Китая на мировой финансовый кризис двойственная. С одной стороны, Пекин считает главным своим вкладом в стабилизацию мировых финансовых рынков поддержание внутренней стабильности и высокой экономической динамики в самом Китае. С другой стороны Китай, понимая объективно усиливающуюся национальную уязвимость от негативной мировой динамики, обнаруживает готовность к тесному взаимодействию с мировым сообществом в решении нынешних финансовых проблем и создании новой глобальной финансовой архитектуры. К этому его подталкивают и международные финансовые институты, прежде всего МВФ, рассчитывающий на то, что Китай увеличит финансовые вливания в развивающиеся и неустойчивые мировые рынки. А также страны-соседи по АТР, видящие в быстро растущем Китае новый фактор региональной финансовой и экономической стабильности региона.

Базовые подходы Пекина к поиску путей выхода из мирового финансового кризиса – *стабилизация рынков и восстановление доверия* – концептуально полностью совпадают с пониманием нынешней ситуации ведущими мировыми экономистами.

Вместе с тем главной движущей силой мировой финансовой стабилизации в Пекине считают США, полагая, что в краткосрочном плане именно от Вашингтона, а не от коллективных действий других игроков в первую очередь зависит нормализация глобальных финансовых рынков. Это связано как с тем, что США являются важнейшим для Китая экономическим и инновационным партнером, так и с тем, что несколько сотен миллиардов долларов китайских золотовалютных резервов вложены в американские казначейские облигации.

Вместе с тем, Китай активизирует работу по налаживанию регионального многостороннего финансового сотрудничества в Восточной Азии. В конце октября 2008 г. Китай, Япония и Южная Корея приняли решение о создании регионального финансового регулятора вне рамок «Большой семерки» – своего рода аналога сформированного «семеркой» в 1999 г Форума финансовой стабильности. Задача нового органа – осуществлять мониторинг региональных финансовых институтов, увеличивать их транспарентность и ужесточать правила их функционирования. Три страны Северо-Восточной Азии предполагают распространить работу нового финансового регулятора и на Юго-Восточную Азию в формате «АСЕАН плюс Три».

Акцентируя национальный и региональный «уровни финансовой ответственности», Пекин выступает и за глобальные финансовые реформы. Выступая за:

- повышение роли развивающихся стран в работе международных финансовых институтов,
- усиление международного контроля над финансовым состоянием стран – эмитентов основных резервных валют,
- создание глобального финансового «механизма спасения».

В стратегическом контексте представляется значимым, что нынешний мировой финансовый кризис высветил практическую, а не только в плане общеполитических установок, готовность Китая к взаимодействию с мировыми финансовыми центрами силы. Практическое финансовое взаимодействие Китая и Запада содержит скрытый вызов для России, которой важно стать не менее, а более чем Китай, значимым для мирового сообщества партнером в разрешении глобальных кризисных ситуаций.

Второй фактор неопределенности – развитие финансовой ситуации в самом Китае.

Китай, как и другие страны Восточной Азии, испытал на себе последствия мирового финансового кризиса. Однако, несмотря на падение капитализации китайского фондового рынка почти в два раза с начала года, сохраняющийся жесткий контроль за движением спекулятивного иностранного капитала ограничил влияние ипотечного кризиса США на китайскую экономику.

И, тем не менее, Пекин был вынужден предпринять ряд шагов в сфере финансовой стабилизации в целях минимизации негативных макроэкономических последствий финансового кризиса в 2009 году. В этом же направлении работает и то обстоятельство, что в Китае главным источником инвестиционных ресурсов реальной экономики выступают банки, а не фондовый рынок.

Намеченные в сентябре 2008 г. меры в сфере банковского и фондового регулирования включили следующие шаги:

- снижена процентная ставка (по годовым вкладам в юанях – до 7,2 %);
- уменьшены нормы обязательного резервирования для коммерческих банков (до 16,5%); при этом либерализация коснулась, прежде всего, средних и мелких коммерческих банков и банков, работающих в районах, пострадавших от землетрясения (норма обязательного резервирования уменьшена соответственно на 1 и на 2 процентных пункта); для четырех крупнейших государственных банков, на которые приходится около 70% всех банковских операций страны, норма обязательного резервирования осталась неизменной;
- осуществлена рекапитализация Сельскохозяйственного банка Китая (последнего из четырех ведущих государственно-коммерческих банков), стоившая правительству около 20 млрд. долл.

Внутренние меры китайского правительства в условиях мирового финансового кризиса содержат также следующие установки, направленные на поддержание внутреннего спроса и ведущих экспортных отраслей:

- отказ от сложившейся в условиях «инвестиционного перегрева» политики сдерживания выдачи банковских кредитов;
- перераспределение банковского кредитования в пользу мелкого и среднего бизнеса путем (а) усиления контроля за крупными инвестициями в инфраструктуру и (б) одновременного ослабления контроля за кредитами для мелких и средних предприятий;
- ускоренное сокращение экспортных налогов для трудоемких производств (одежда, игрушки, отдельные отрасли машиностроения);
- восстановление районов, пострадавших от землетрясения 12 мая 2008 г. в провинции Сычуань.

Третий фактор неопределенности – динамика внутреннего спроса.

В конце 2008 – начале 2009 гг. негативное влияние мировых финансовых потрясений на реальный сектор китайской экономики усиливается. В последние месяцы 2008 г. среднемесячные темпы прироста добавленной стоимости на ведущих промышленных предприятиях уменьшились на 5 процентных пунктов по сравнению с первой половиной года, производства электроэнергии – на 1,5, производства экспортной промышленной продукции – на 6 процентных пункта. К началу 2009 г. около 30% предприятий сталелитейной промышленности приостановили работу. В стране нарастает число закрывшихся и обанкротившихся предприятий, растет безработица.

Понимая, что негативные последствия уменьшения мирового спроса на китайскую продукцию можно компенсировать только за счет внутреннего спроса,

китайское руководство в ноябре-декабре 2008 г. принимает ряд дорогостоящих стимулирующих мер.

Во-первых, принимается масштабная программа развития инфраструктуры и энергосберегающих технологий. Ее размеры будут уточняться в 2009 г, однако, уже в ноябре 2008 г. стало известно о планах китайского правительства направить на реконструкцию и строительство дорог и портовых хозяйств 730 млрд. долл. в ближайшие 5 лет.

Во-вторых, разрабатываются меры по увеличению занятости, в том числе за счет государственной поддержки среднего, мелкого и индивидуального бизнеса.

В-третьих, вводятся налоговые стимулы для экспортеров.

В-четвертых, для поддержания динамики социально значимого для Китая рынка жилья Пекин инициировал комплекс мер, включающих как государственную поддержку строительного бизнеса, так и – со стороны спроса – уменьшение различного рода платежей при осуществлении имущественных сделок и побуждение региональных властей к выделению более дешевых и длительных кредитов на покупку жилья средним классом.

В-пятых, считая, что предпринимаемых мер достаточно для улучшения ситуации в краткосрочной перспективе, китайское правительство полагает, что в будущем главными средствами предотвращения финансовых кризисов должны стать поддержание устойчивого роста экономики и постоянное наращивание своих «корпоративных достижений» котирующимися на рынках компаниями.

В-шестых, Пекин 9 ноября 2008 г. принимает десять новых дорогостоящих стимулирующих мер, на реализацию которых потребуется около 4 трлн. юаней (около 600 млрд. долл.) инвестиций к концу 2010 года¹. В Пекине это решение правительства рассматривают как переход от «устойчивой финансовой политики к активной» и от умеренно жесткой денежно-кредитной политики к «в меру мягкой».

Для поддержания динамики социально значимого для Китая рынка жилья Пекин инициировал комплекс мер, включающих как государственную поддержку строительного бизнеса, так и – со стороны спроса – уменьшение различного рода платежей при осуществлении имущественных сделок и побуждение региональных властей к выделению более дешевых и длительных кредитов на покупку жилья средним классом.

Высшее китайское руководство с большой настойчивостью акцентирует роль региональных властей в реализации принятых мер, прежде всего, столичных

¹ Десять мер по дальнейшему расширению внутреннего спроса и стимулированию устойчивого роста национальной экономики включают:

- 1/ ускорение темпов социального жилищного строительства;
- 2/ ускоренное строительство инфраструктуры села;
- 3/ ускоренное строительство важных транспортных объектов – железных дорог, автомагистралей и аэропортов;
- 4/ интенсивное развитие сферы здравоохранения, культуры и образования;
- 5/ расширение строительства экологически чистых объектов;
- 6/ ускорение темпов реструктуризации промышленности и внедрения в производство научно-технических инноваций;
- 7/ ускорение темпов работы по восстановлению районов, пострадавших от разрушительного землетрясения;
- 8/ повышение доходов городского и сельского населения;
- 9/ всесторонний переход к новой форме НДС во всех отраслях всех районов страны;
- 10/ значительное повышение степени поддержки экономического роста со стороны финансовой системы.

Не все пункты новой Программы прописаны в завершающем и конкретном варианте. Параметры финансирования и содержание стимулирующих мер будут еще уточняться.

властей и властей наиболее экономически развитых провинций Китая. Первым результатом, своего рода «примером для подражания», такого рода давления Центра стала объявленная пекинскими властями программа развития транспортной инфраструктуры мегаполиса до 2012 г. стоимостью около 35 млрд. долл.

По ожиданиям китайских экспертов, реализация программы должна дать дополнительно 1-2 процентных пункта прироста ВВП, что в определенной степени может компенсировать сокращение прироста ВВП на 1,5-2,5 процентных пункта вследствие замедления роста китайского экспорта.

Китайская макроэкономическая стратегия в 2009-2010 гг. будет фокусироваться на сохранении динамики внутреннего потребительского спроса за счет двух важнейших долгосрочных факторов роста экономики страны – увеличения численности среднего класса и урбанизации села. В рамках политики урбанизации в октябре 2008 г. Пекин вносит ряд существенных изменений в систему землепользования, что позволит вовлечь в коммерческий оборот права на владение земельными участками сельскими жителями (в Китае нет частной собственности на землю).

Давая прогноз на 2009 г., можно предположить, что Китаю, скорее всего, удастся предотвратить снижение темпов роста внутреннего спроса ниже уровня 2008 г., а в случае стабилизации ситуации на фондовых рынках – и обеспечить его ускорение. Влияние фактора внутреннего спроса на динамику ВВП Китая в 2009-2010 гг. можно оценивать в диапазоне от минус 0,5 (если стимулы не заработают) до плюс 1,5 процентных пункта.

Четвертый фактор неопределенности – динамика мировых цен на энергоресурсы. Рост цен на нефть и газ в 2008 г. «стоил» китайской экономике 1-1,5 процентных пункта роста инфляции. В середине 2008 г. китайское правительство, реагируя на рост мировых цен, увеличило цены на нефтепродукты и тарифы на электроэнергию – что в качестве цепной реакции сказалось на инфляционной ситуации в экономике в целом.

В случае продолжения общемирового снижения цен на нефть в 2009 г. Китай получит возможность обуздать инфляцию и подстегнуть внутренний спрос. Однако очередной скачок мировых цен на энергоносители может вернуть инфляционную ситуацию к состоянию 2008 года. В этом варианте динамика внутреннего спроса будет испытывать торможение.

В завершение можно резюмировать, что в 2009-2010 гг. Китай столкнется со значительно более сложным, чем в последние годы, набором факторов неопределенности. Разброс вариантов их влияния на динамику ВВП Китая настолько велик. Однако, наиболее реальным вариантом представляется оценка прироста ВВП Китае на уровне 8,5-9 процентов.

Замедление роста китайского экспорта в страны Запада в 2009 г. будет сопровождаться усилением китайской торгово-экономической экспансии на рынках развивающихся стран. В отношениях с Россией Китай будет продолжать «давить» по вопросу строительства нефтепровода в северо-восточные районы Китая, однако активность Китая по строительству газопроводов будет, скорее всего, приглушена, поскольку Китай пока еще обладает достаточными резервами альтернативного газу источника энергии – угля.

Глобальная финансовая активность Китая и его выход с собственными идеями реформирования мировой финансовой системы создает как дополнительные возможности для российско-китайского взаимодействия в новой сфере финансовой политики, так и конкурентные вызовы – в плане стремления России играть роль одного из региональных валютных центров. При этом важно учитывать, что на фоне финансового кризиса азиатско-тихоокеанские страны,

включая Австралию, АСЕАН, все больше рассматривают именно Китай в качестве главного финансового и экономического стабилизатора региона. От Китая ждут дальнейшего укрепления национальной валюты и поддержания высоких темпов экономического роста за счет внутреннего спроса.

В целом, китайское руководство не драматизирует складывающуюся в китайской экономике обстановку. Полагает, что у Китая есть достаточно резервов для того, чтобы справиться с финансовым кризисом и его экономическими последствиями в 2009 году. И, что особенно важно, начинает рассматривать нынешнюю мировую и азиатскую финансовую ситуацию под углом того, как Китай может использовать данный момент в интересах упрочения своих позиций в глобальной экономике и своего регионального лидерства в Восточной и Центральной Азии.

3. Казахстан (идея единой валюты)

Фактически Казахстан оказался в похожей ситуации с Россией. Первый удар пришелся по строительному рынку Казахстана. Затем стали закрываться промышленные предприятия. Почти 300 предприятий Казахстана полностью или частично остановили производство.

Финансово-экономическая ситуация в стране продолжает ухудшаться, резервы тают и уже не могут покрыть гигантский внешний долг страны, а крупнейшие банки страны оказались на грани банкротства. Согласно данным, предоставленным компанией 2Trade.ru, по состоянию на 12 января 2009 г., валовый внешний долг страны составлял около 106 млрд. долл., увеличившись за минувший год примерно на 10%. В том числе государственный и гарантированный государством долг вырос на 4% – до 2,5 млрд. долл., а долг частного сектора увеличился на 4,6% – до 103,5 млрд. долл. Обязательства компаний перед иностранными ассоциированными предприятиями составляют почти 35 млрд. долл., или 33% ВВП страны. Отток капитала из Казахстана составляет около 10 миллиардов долларов, отмечают российские аналитики.

Основные экспортные товары страны – энергоносители и металлы – дешевеют, валютная выручка падает, а взятые за рубежом кредиты надо обслуживать и гасить. При этом если в России золотовалютные резервы лишь в полтора раза меньше, чем обязательства государства и частных банков и компаний перед иностранными кредиторами, то в Казахстане ситуация значительно хуже. Золотовалютные резервы меньше внешних обязательств почти в два с половиной раза.

Это значит, что в Казахстане выше, чем в России, вероятность создания ситуации, при которой валютные резервы страны исчерпаются раньше, чем будут погашены долги, что может оставить национальную валюту, курс которой поддерживается за счет золотовалютных резервов, на грань обвала. Резкое ухудшение финансовой ситуации в Казахстане, грозящее новым обвалом курса тенге и крахом банковской системы, заставило власти этой страны искать как характерные для других стран, так и неординарные пути выхода из валютного кризиса.

Так, для того, чтобы не допустить роста безработицы, разработана правительственная программа, основной упор которой сделан на создание новых рабочих мест в рамках инвестиционных проектов, финансируемых государством и местными бюджетами. Программа будет задействована в первую очередь в строительной сфере в Астане и Алма-Ате.

В то же время Астана обнародовала идею создания новой валюты для стран Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) под названием «евраз» или «евразия». Сделано это вслед за другим предложением – создать новую мировую валюту взамен доллара и евро, которая могла бы, например, называться «акметалл». Ранее высказывалась идея введения в ЕврАзЭС единой валюты под названием «алтын».

Идеи создания региональных единых валют и на их основе единой мировой валюты ложатся в логику глобализации мировой экономики и мировых финансов. Однако условием для реализации таких идей на практике является благополучное общемировое развитие – а не кризисная ситуация, побуждающая страны не только взаимодействовать по тематике мирового кризиса, но делать ставку на протекционизм. На протекционизм, в широком смысле, охватывающий и валютно-финансовую сферу.

Это объяснимо: каждая из стран в условиях кризиса, с одной стороны, хочет использовать потенциал международного взаимодействия для решения национальных проблем. Но с другой – не хочет перекладывать на свои национальные плечи риски и проблемы стран-партнеров.

Во многом, по этой причине идея Астаны не получила поддержки в российском экспертном сообществе. Многие российские эксперты уверены, что эти идеи не что иное, как попытка смягчить давление доллара на казахский тенге, в том числе за счет снижения надежности российского рубля. По их мнению, фактически идея о введении единой валюты для стран ЕврАзЭС. делается в расчете разделить валютные риски страны с другими членами организации, прежде всего, с Россией, накопившей трети в мире по объему валютные резервы. Надеяться на помощь в противостоянии с долларом со стороны других стран ЕврАзЭС не приходится, валютное обеспечение белорусских «зайчиков» и киргизских сомов несравнимо с обеспечением российского рубля. Эти страны сами обратились к Москве за многомиллиардными стабилизационными кредитами в долларах.

Однако, в российском экспертном сообществе считают, что вряд ли в условиях кризиса такое предложение особо заинтересует Россию, которой, несмотря на рекордные валютные резервы, пришлось значительно девальвировать рубль к доллару. Расплачиваться по кредитам Казахстана своими валютными резервами с экономической точки зрения невыгодно и опасно, так как это снижает надежность собственно российской валюты.

Плюс к этому: введение единой валюты – процесс длительный, требующий многочисленных согласований, прежде всего, решения вопроса, центробанки каких именно стран сохранят право эмиссии новых денег, и как им согласовывать общую эмиссионную политику. Именно на этом вопросе споткнулся проект создания единой валюты России и Белоруссии. В случае введения единой валюты ЕврАзЭС масштаб проблемы увеличивается пропорционально количеству стран и амбиций их национальных лидеров.

В контексте отношений в треугольнике Россия – Казахстан – Китай, реализация идеи единой валюты ЕврАзЭС, случись это, оставила бы за бортом Китай. При этом в Китае на аналитическом уровне, на фоне мирового кризиса, вновь возвращаются к идее создания единой валюты («эйша») для Восточной Азии – на базе финансовой интеграции таких экономических гигантов, на порядок превосходящих страны ЕврАзЭС по размеру ВВП, как Китай, Япония и Южная Корея.

4. Кризис и трехстороннее сотрудничество

Влияние кризиса на трехстороннее сотрудничество можно анализировать в трех измерениях.

Первое – как быстро каждая из стран преодолет кризис.

Здесь наилучшие шансы у Китая, способного за счет стимулирования внутреннего спроса в существенной степени смягчить негативное влияние сокращения мирового спроса на китайскую продукцию.

В этом случае возрастут финансовые возможности Китая для оказания помощи России, Казахстану и другим странам ШОС. Что, в общем-то, уже началось с предоставления Китаем «Роснефти» и «Транснефти» долгосрочного кредита на 25 млрд. долл. и 10 млрд. долл. кредита Казахстану на развитие нефтегазовой промышленности и поддержание стабильности казахстанского тенге.

Китай вполне способен использовать кризис для усиления своих позиций в Центральной Азии и превращения – если кризис в России и Казахстане затянется и примет более угрожающий характер, чем сейчас – в экономического лидера Центральной Азии и ШОС.

Второе – как будет действовать ШОС в условиях кризиса.

Нынешний кризис выявил, что ШОС как организация не обладает ни финансовыми, ни институциональными, ни концептуальными ресурсами для преодоления кризиса. Страны действуют в одиночку. Саммит ШОС в Екатеринбурге – судя по тому, как идет подготовка к нему – превратится, скорее всего, в формальность с правильными, но ничем не подкрепленными заявлениями.

На этом фоне будут развиваться два параллельных процесса. Первый – стремление России поднять роль ЕврАзЭС и, прежде всего, роль сотрудничества между Россией и Казахстаном в преодолении кризиса. Однако, у ЕврАзЭС, почти так же как и у ШОС, не хватает тех видов антикризисных ресурсов, о которых выше говорилось применительно к ШОС. Более того, укрепление антикризисного российско-казахстанского сотрудничества на площадке ЕврАзЭС (без Китая) приведет к ослаблению взаимодействия в треугольнике Россия – Китай – Казахстан.

Второй – Китай будет использовать свои, относительно большие, ресурсы для упрочения собственных позиций в Центральной Азии за счет развития отношений со странами региона на двусторонней основе. Более того, возможен рост интереса Китая к ЦАС – как варианта выстраивания аналогичного ЕврАзЭС экономического формата по Центральной Азии, но уже без России.

Такой сценарий может привести к усилению китайско-казахстанского сотрудничества, но, опять же, к ослаблению сотрудничества в треугольнике Россия – Китай – Казахстан.

Каков мог бы быть ответ на эти вызовы трехстороннему сотрудничеству? На взгляд автора, этот ответ лежит не в противодействии со стороны России усилению влияния Китая и не попытках Казахстана разыгрывать российско-китайское соперничество в Центральной Азии к своей выгоде.

Ответ видится, во-первых, в прагматичном, на уровне бизнеса и при поддержке государства, поиске – если это экономически целесообразно – конкретных сфер, объектов и программ взаимодействия трех наших стран. Причем, как без демонстрационной идеологии, направленной на то, чтобы показать другим «игрокам» на поле Центральной Азии наше трехстороннее единство. Так и без идеологии страхов, что кто-то займет наше место, или идеологии «хитрого третьего партнера» – который хотел бы воспользоваться слабостями в отношениях между двумя другими членами «треугольника».

А, во-вторых, в «перезагрузке» стратегического видения нашего партнерства.

Третье измерение анализа влияния мирового кризиса на трехсторонние отношения Россия – Китай – Казахстан как раз и связано с тем, сумеют ли наши страны такого рода «перезагрузку» произвести.

Дело в том, что в условиях кризиса возрастает **роль инновационной экономики** как фактора экономического оздоровления. Высвеченные мировым кризисом экономические проблемы – это не просто «заминка в движении по прежнему пути». Это, скорее, поворотный пункт нашего развития. Условия, в которых предприятия трех стран действовали до сих пор, в «послекризисный период» существенно изменятся.

Кризис означает глобальное перераспределение активов. Переоцененные активы дешевеют. Те, кто строил свой бизнес на завышенной оценке активов, разоряются. Активы частью исчезают. Частью обретают новых собственников. Меняются и пропорции цен на различные виды ресурсов и активов. Никто не может сегодня с уверенностью сказать, какие пропорции установятся после того, как кризис закончится. Какие виды деятельности будут наиболее рентабельны. В каком направлении будет меняться структура мировой экономики.

В условиях такого рода неопределенности наибольшие резервы развития лежат именно в сфере инноваций, в сфере «экономики знаний». И именно здесь находится тот дополнительно высвеченный кризисом резерв экономического сотрудничества в треугольнике Россия – Казахстан – Китай.

Однако для использования этого резерва нужна долгая и трудная работа. Нужно, как минимум, постоянное общение «треугольника» наших стран в формате другого «треугольника»: бизнес-власть-НАУКА.

Каспийские транспортные коридоры: соседство экономической целесообразности и политической конъюнктуры

Транспортная тематика: купаж нескольких составляющих

Развитие транспортной инфраструктуры – это необходимое условие для экономического развития современных государств, для улучшения качества жизни их населения. Достаточно сказать, что наличие качественных дорог позволяет экономить 25-30% себестоимости перевозки грузов.¹

Геополитические изменения, связанные с распадом Советского Союза и рядом других событий, привели к возможности по-новому взглянуть на проблематику транспортных маршрутов, как связывающих Каспийский регион с внешним миром, так и соединяющим отдельные страны этого региона между собой. При этом проблематика новых транспортных маршрутов оказалась в центре внимания не только чисто экономических интересов заинтересованных в коммуникационных связях хозяйствующих субъектов, но и политических устремлений целого ряда игроков, пытавшихся воспользоваться открывающимися возможностями для решения часто эгоистических задач. Естественно, что оба этих тренда были искусно переплетены. Зачастую часть широко разрекламированных в качестве бизнес-проектов новых транспортных магистралей на поверку скрывала как раз преимущественно политическую, а не экономическую составляющую. Вероятно, поэтому в лексиконе обсуждающих и пишущих на транспортные темы авторов появилось даже устойчивое словосочетание «чистый бизнес, никакой политики», которым они лукаво пытались прикрывать истинную суть и приоритеты тех процессов, о которых шла речь.

Объективности ради отметим, что доминирование политических резонансов в транспортной проблематике было характерно и для периода советской плановой экономики. Например, во времена Советского Союза руководство в Москве долгое время не стремилось развивать транспортное сообщение между Азербайджаном, Казахстаном, республиками Средней Азии, с одной стороны, и государствами, расположенными южнее их границ, с другой. Так, хотя еще при последнем российском императоре Николае II рассматривался проект строительства железной дороги, которая должна была пройти по восточному побережью Каспийского моря через Казахстан и Туркмению с дальнейшим выходом в Иран, при советской власти этот проект был похоронен в значительной степени потому, что руководство Ирана находилось в основном в западной сфере влияния.

Москва допускала лишь обсуждение проектов транспортных коммуникаций с теми странами Среднего Востока и Южной Азии, которые были относительно лояльны к проводимой Советским Союзом политике. Так существовал в общих чертах проект прокладки железнодорожного маршрута Термез (Узбекская ССР) - Мазари-Шариф - Кабул – Джелалабад (Афганистан) – Пешавар - Исламабад (Пакистан) - Нью-Дели (Индия). Еще в середине 1950-х годов тогдашние лидеры СССР Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин договорились с руководством Афганистана и Индии о сооружении такой артерии. К концу 1950-х было получено согласие правительства Пакистана на создание этой магистрали. Но политические факторы помешали реализации проекта.

В 1980-х гг. было решено сооружать железную дорогу из СССР в Индию через Туркмению. Была построена 20-километровая линия Кушка (Туркмения) - Торагунди (Афганистан); впоследствии артерию эту намечалось продлить в Индию по

маршруту Герат (Афганистан) - Кветта - Лахор (Пакистан) - Нью-Дели (Индия). Но снова помешали политические факторы, прежде всего - напряженность в тот период пакистано-индийских взаимоотношений. Эти обстоятельства мы упомянули и в связи с тем, что те давние проекты учитывались руководством новых независимых государств Каспийского региона и, в частности, Туркменистаном, но уже применительно не к железнодорожному, а к трубопроводному транспорту - они трансформировались в проект Трансафганского газопровода, проходящему по схожему маршруту (для поставок туркменского газа в Индостан). Правда, и руководство Пакистана не оставило планов соединения российских и пакистанских железных дорог.²

Обретя суверенитет, государства Каспийского региона, естественно, стали нуждаться в развитии транспортной сети со своими соседями. Особую актуальность этой задачи придавало то обстоятельство, что новые выходы во внешний мир теоретически в представлениях политических элит этих стран могли дать возможность улучшить их экономическое положение, бывшее весьма трудным в 90-ые года XX века. Кроме того, перед национальными элитами в тот период несомненно стояла задача политически и идеологически оправдать сецессию из состава ранее единого государства, для чего требовалось найти подтверждение рациональности новых планов сотрудничества, продемонстрировать собственным народам то внимание, которое теперь оказывается со стороны внешнего мира к начинаниям новых суверенных правительств. Составной частью такого подхода являлось и стремление эксплуатировать идею уникальности и выгоды географического положения новых государств Каспийского региона, дающего, якобы, неоспоримые конкурентные преимущества, в частности от использования транзитного статуса, что должно было подкрепить основы суверенизации образовавшихся государств. Одновременно все тот же процесс суверенизации приводил к тому, что новые независимые государства зачастую стремились избавиться от прежних советских транспортных схем, рациональных в системе общего хозяйственного пространства, но, естественно, игнорировавших административные границы субъектов СССР, ставших после декабря 1991 года государственными рубежами. Так Казахстан в 2001 году построил железнодорожную линию Аксу – Делеген, а в 2004 году – Хромтау – Алтынсарин, что позволило ликвидировать необходимость дважды пересекать границу.³ Отметим, что казахстанские чиновники подчеркивают, что такой вариант позволил часть грузопотока, ранее перевозимого по железным дорогам России, направить по внутренней казахстанской сети.⁴

В упорядочении системы, обслуживающей транспортные потоки на границе России и Казахстана, постепенно исчезают компоненты, доставшиеся в наследство от СССР. Так, в мае 2009 года стороны скорректировали двустороннее межправительственное соглашение «Об особенностях правового регулирования деятельности предприятий, учреждений и организаций железнодорожного транспорта» от 1996 года. В последнем документе существовали нормы о том, что имущество железных дорог принадлежит тому государству, на чьей территории оно располагается, а эксплуатировать железные дороги будут те предприятия, которые занимались их обслуживанием до распада СССР. Это означало, что Россия стала обслуживать более 800 километров транзитных и тупиковых путей на территории Казахстана, а Казахстан – чуть больше 300 километров путей на территории России. Однако этот порядок порождал множество проблем. Для доставки материалов, необходимых для поддержания путей в рабочем состоянии, спецодежды, топлива необходимо было затрачивать немало времени на таможенное оформление. Поэтому министры транспорта России и Казахстана подписали протокол, который

вносит изменения в соглашение 1996 года. Фактически произойдет обмен собственностью, причем Россия будет эксплуатировать 560–580 километров путей, а Казахстан – 520 километров. Эксплуатируемые участки сначала перейдут в собственность государств, а затем, возможно, будут переданы железнодорожникам.⁵ Тем не менее, этот пример свидетельствует, что заверения политиков об интеграции в СНГ, о создании Таможенного союза в ЕврАзЭС далеко не во всем соответствуют практическим делам. Можно упомянуть и о том, что плата, которую получает ОАО РЖД от железных дорог СНГ, в среднем на 20% ниже доходности в части вагонной составляющей при использовании этого же вагона в сети российских железных дорог.⁶

В итоге новая транспортная проблематика вобрала в себя как объективные, реально существующие возможности наращивания экономического развития, так и субъективные, порой чисто политически конъюнктурные аспекты, граничащие с откровенной спекуляцией. До настоящего времени этот дуализм присутствует во множестве новых транспортных проектов, хотя, казалось бы, наиболее сложные годы экономической разрухи 1990-ых годов уже канули в Лету. В целом ряде случаев конъюнктурные элементы транспортных проектов стали составной частью имиджа ряда новых прикаспийских государств, имиджа, активно эксплуатируемого властями, а потому и обстоятельством, от которого стало трудно отказаться по рациональным соображениям.

Планы, устремленные в будущее

В настоящей работе в качестве некоторых примеров рассмотрим ряд важных новых транспортных проектов. Но вначале отметим одно важное обстоятельство, связанное с интересами Российской Федерации. 22 октября 2008 года правительство России приняло Транспортную стратегию России до 2030 года.⁷ Данный документ был подготовлен Минтрансом РФ, который сделал в нем упор на активную позицию государства. Стратегия разработана с целью интенсификации развития транспортной системы, в том числе на основе инновационных технологий. По словам министра транспорта Игоря Левитина, стратегия позволит поднять на новый уровень качество транспортных услуг, снизить издержки общества и улучшить конкурентоспособность национальной транспортной системы.

В документе определяются основные векторы развития транспортной отрасли как приоритетные точки роста российской экономики. При этом в разных регионах России обозначаются разные приоритеты. Например, в Северо-Западном федеральном округе таковым приоритетом станет развитие высокоскоростных перевозок, морских портов и подходов к ним. Главными проектами здесь обозначены строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали и скоростной автомобильной дороги Москва-Санкт-Петербург, а также комплексное развитие Санкт-Петербургского транспортного узла. В Центральном федеральном округе приоритет будет отдан скоростным пассажирским и грузовым перевозкам, а также комплексному развитию Московского транспортного узла и созданию сети логистических терминалов. В Южном федеральном округе акцент поставлен на формирование скоростного направления Центр-Юг и строительство транспортной инфраструктуры для проведения Олимпиады в Сочи в 2014 году. Кроме этого, здесь будут развиваться морские порты и реконструированы гидроузлы Волго-Донского канала. В европейском Нечерноземье упор будет сделан на создании транспортно-логистической системы обслуживания потребностей аграрного сектора. В Уральском федеральном округе главным станет мегапроект «Урал промышленный – Урал Полярный». В Сибири приоритет получит развитие евроазиатских коммуникаций и

возрождение Северного морского пути. Последний проект затрагивает интересы и Дальнего Востока, где помимо этого предусмотрено завершить формирование опорной железнодорожной сети и, в частности, достроить железную дорогу Беркакит – Томмок – Якутск, продолжив ее затем к Магадану.

Для реализации этих грандиозных планов предусматриваются существенные расходы: доля транспорта в суммарных государственных капитальных вложениях составит от 35 до 49%. Общая сумма планируемых инвестиций может составить 170 триллионов рублей! Только на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы будет выделено свыше 2 триллионов рублей.

Огромные пространства России неизбежно требуют особого внимания к развитию транспорта. Поэтому успешная реализация Транспортной стратегии даст мощный толчок росту национальной экономики. Гибкая государственная политика должна обеспечить ценовую доступность транспортных услуг для большинства категорий российских граждан. Особенно важно это отметить применительно к воздушному транспорту. Ведь сегодня его услугами пользуется ежегодно всего 3 миллиона россиян, что составляет менее 2% населения России. Прогнозы же транспортников говорят о том, что к 2030 году подвижность населения нашей страны за счет использования всех видов транспорта вырастет до 13,5 тысяч километров на человека, или в 2,2 раза. Тем самым будет достигнут, а может быть и превзойден уровень развитых стран (сегодня он по данному параметру равен 10 тысячам километров). Планируется, что к отмеченному временному рубежу большинство населенных пунктов России будут связаны общей системой автомобильных дорог. Доля же населенных пунктов, не обеспеченных таким доступом, сократится до 2% от общего числа.

Планируется резко повысить коммерческую скорость доставки грузов. При этом ритмичность доставки товаров приведет к уменьшению складских запасов до норматива 3-6 дней. В результате это приведет к снижению транспортных издержек в конечной цене российской продукции с нынешних 20% до 13%. Экспорт же транспортных услуг к 2030 году вырастет почти в 7 раз, а объем перевозок только транзитных грузов увеличится с 28 миллионов тонн до 100 миллионов тонн. Наши пространства, география станут еще одним реальным геополитическим преимуществом России. В итоге российский транспорт, по мнению представителей этой отрасли, превратится в такую же системообразующую отрасль российской экономики, каковой сегодня является российский ТЭК.⁸ Последнее утверждение вызывает некоторые сомнения, поскольку Советский Союз в целом получал от международных перевозок 5-6 миллиардов долларов в год.⁹ По оценкам международных экспертов, ныне поступления от международного транзита в мире составляет около 100 миллиарда долларов ежегодно.¹⁰ В тоже время есть пример Латвии, где плата за транзит составляет треть ВВП страны.¹¹

Мировой финансовый кризис уже очевидно затормозит воплощение в жизнь российской транспортной стратегии. Показатели конца 2008 – начала 2009 года свидетельствуют о резком падении перевозок. Наблюдается также и снижение уровня финансирования намеченного дорожного строительства. На прошедшей в марте 2009 года коллегии Минтранса РФ министр Игорь Левитин отметил, что объем снижения финансирования составил 30%.¹² Тем не менее, Игорь Левитин утверждает, что в 2009 году в России будет построено, капитально отремонтировано и модернизировано порядка 5 тысяч километров дорог.¹³ Действия правительства России весной 2009 года показывают, что средства выделяются и на обновление основных фондов транспортников (физический и моральный износ основных фондов только в ОАО «РЖД» в 2007 году составлял 58,6%,¹⁴ износ тепловозного парка – свыше 70%, электровозного – более 62%¹⁵).

Однако вернемся к Каспийскому региону. Ряд стран здесь, как и Россия, также имеют свои транспортные стратегии. Например, Казахстан принял такой документ в 2006 году. Казахская транспортная стратегия предполагает строительство до 2015 года около 1600 километров железных дорог, электрификацию 2700 километров железных дорог, строительство и реконструкцию порядка 50 тысяч километров автомобильных дорог, реконструкцию и модернизацию аэропортовой инфраструктуры, развитие национального морского торгового флота и инфраструктуры портов. При этом, по словам министра транспорта и коммуникаций Казахстана Серика Ахметова, задача увеличения доли транспортной отрасли в ВВП страны не ставилась.¹⁶ Всего в рамках транспортной стратегии Казахстана планируется реализовать порядка 80 крупных проектов на сумму около 30 миллиардов долларов.¹⁷ При этом, по данным экспертов, износ железнодорожной инфраструктуры Казахстана сегодня составляет 70%.¹⁸

Стоит отметить, что при всей привлекательности завораживающей магии цифр планы и России, и Казахстана, а тем более других прикаспийских государств, все же уступают прорывным периодам развития транспорта в других странах. Так, США всего за полтора десятка лет – с 1870 по 1885 годы – построили 117,5 тысяч километров дорог. То есть в год американцы строили по 11-12 тысяч километров дорог.¹⁹ И это киркой и лопатой, а не грейдерами и экскаваторами.

Весьма велико и отставание по уровню контейнеризации транспортных перевозок. Россия, занимая первое место в мире по территории и второе по протяженности железных дорог, тем не менее, по вместимости контейнерного флота, контейнерному обороту морских портов находится лишь на 37-м месте, а по уровню контейнеризации грузопотока – на 46-ой позиции (данные 2007 года).²⁰ Среди 50 крупнейших по объему контейнерных перевозок портов мира 11 – европейских и ни одного российского. Страны ЕС контролируют 37% тоннажа мирового торгового флота, а Россия – всего 1,85%. Доля мировых морских перевозок у стран ЕС – 44,1%, у России – 1,4%.²¹

Дорога в Иран по востоку побережья Каспия

Переходя к рассмотрению конкретных проектов, начнем с уже упоминавшейся идеи прокладки железнодорожной магистрали по восточному берегу Каспийского моря. Заинтересованность в ней проявляли Иран, Казахстан и особенно Туркменистан. Вообще следует отметить, что одной из сильных сторон экономической политики руководства Туркменистана всегда было усиленное внимание развитию транспортной инфраструктуры, которая в советский период оставляла желать лучшего. Упомянутый вариант железнодорожной ветки не был единственным и первым проектом в транспортной магистрали в южном направлении.

К активизации развития транспортного сообщения с Ираном властей Ашхабада объективно подталкивало нарушение традиционных хозяйственных связей после распада Советского Союза. В диверсификации направлений внешней торговли Туркменистан видел возможность получения реальных средств для своего выживания и развития. Но для обеспечения таких торговых связей и были нужны новые транспортные пути. По мнению президента Ниязова, расширение сотрудничества с Ираном в транспортной сфере должно было также содействовать вхождению Туркменистана в мировое рыночное хозяйство.

Со своей стороны руководство Ирана было также заинтересовано в новых выходах на внешние рынки, а также в усилении роли Ирана как одного из ведущих звеньев в транспортных магистралях, соединяющих Восток и Западную Европу. В

1994 году министр иностранных дел Ирана в газете «Кейхан» писал: «Исламская Республика Иран считает развитие связей с этими государствами (странами Центральной Азии – прим. авт.) приоритетом своей экономической политики».²²

Следует отметить, что в известном смысле проект соединения железных дорог Туркменистана и Ирана оказался гипотетически привлекательным не только для этих двух государств. Он укладывался в схему так называемой «Трансазиатской железнодорожной магистрали», которую активно лоббировали и Соединенные Штаты, и страны Западной Европы в надежде пустить грузопотоки в обход территории России. В первой половине 90-ых годов прошлого века эти страны приложили немало усилий к тому, чтобы убедить ряд бывших союзных республик Центральной Азии и Южного Кавказа в необходимости их присоединения к такому проекту. При этом активно использовалась мифология «Нового Великого Шелкового пути»,²³ одной из функций которого было лишение России возможности экспортного расширения Транссиба.²⁴ Но сегодня даже некоторые западные эксперты готовы признать, что эти планы не оправдались.²⁵

С другой стороны, этот транспортный проект находился также в центре внимания такой региональной структуры, как Организация экономического сотрудничества (ОЭС), куда входили все «мусульманские» республики СНГ, Иран, Пакистан, Турция и Афганистан. Причем именно представители Туркменистана в первой половине 1990-х годов неоднократно на встречах в рамках ОЭС высказывались за приоритет в создании транспортной инфраструктуры объединенными усилиями государств-членов ОЭС. Так, эти вопросы обсуждались в июле 1993 года на саммите глав государств и правительств ОЭС в Стамбуле. В конце 1993 года в Алма-Ате прошло специальное совещание министров транспорта стран-членов ОЭС. В документах этих встреч формирование Трансазиатской железнодорожной магистрали неизменно называлось в качестве главного направления сотрудничества. Однако следует отметить, что одновременно принималось немало решений и по развитию морского и авиационного транспорта. Многие из этих решений, в частности о создании совместной авиационной компании со штаб-квартирой в Иране, так и остались нереализованными.

Зато Иран относительно быстро после распада СССР активизировался в направлении соединения своих железных дорог с железными дорогами Туркменистана. Уже в мае 1992 года в североиранском городе Мешхед состоялась торжественная церемония начала строительства иранского участка железной дороги Мешхед – Серахс (Туркменистан). Одновременно в Туркменистане приступили к строительству железнодорожной ветки от Теджена до Серахса, то есть соединяющей действующую главную железнодорожную магистраль Туркмении, проложенную еще в царские времена, с населенным пунктом на туркмено-иранской границе. Протяженность туркменской ветки была не такой большой – 132 километра, но ее финансирование, тем не менее, по сообщениям СМИ, осуществлялось при помощи не только средств Туркменистана, но также Казахстана, Узбекистана и Киргизии.

В 1996 году в Серахсе было подписано многостороннее соглашение между Туркменистаном, Узбекистаном, Азербайджаном и Грузией о координации работ железнодорожного транспорта и сотрудничестве в области транзитных перевозок. В том же году – 13 мая состоялась официальная церемония стыковки туркменского и иранского участка железнодорожной магистрали. Иранцы и туркмены постарались хорошо разрекламировать это событие, придав ему важное международное значение. На церемонию прибыли официальные делегации из 40 стран мира, в том числе главы Азербайджана, Армении, Афганистана, Грузии, Ирана, Киргизии, Пакистана, Таджикистана, Туркменистана, Турции, Узбекистана. От России и

Украины присутствовали правительственные делегации. Все строительство ветки, длиной в 295 километров, обошлось по тем данным, которые упоминались в СМИ, достаточно дорого – 1 миллиард 347 миллионов долларов (у нас есть серьезные сомнения в достоверности этих данных).

По обеим сторонам границы были созданы системы необходимой транспортной инфраструктуры, включая складские терминалы. Движение по дороге началось в том же 1996 году. Однако первоначальные расчеты на резкое увеличение грузопотоков по этому участку не оправдались. При открытии дороги туркменская сторона, например, заявляла о скором выходе на параметр пропускной способности станции Серахс в 2,5 миллиона тонн грузов в год. Иранцы же вообще утверждали, что пропускная способность может достичь в будущем 10 миллионов тонн грузов в год.

Однако реализованный проект соединения железнодорожных магистралей Ирана и государств Центральной Азии перегонем Серахс – Мешхед так и не смог переориентировать существенным образом грузопотоки с северного на южное направление. Тем не менее, он вносит свою существенную лепту в экономическое сотрудничество Туркменистана и Ирана. За период с 1996 по 2006 год по этой колее было перевезено более 14 миллионов тонн транзитных грузов, что принесло Ашхабаду дополнительный доход в 218 миллионов долларов. По итогам 2006 года объем транзита грузов, по данным туркменской статистики, вплотную приблизился к 3 миллионам тонн. Исполнительный директор ОАО «Железные дороги Исламской Республики Иран» Мохаммад Саиднежад в июне 2007 года сообщил, что объем этого транзита составил 2,5 миллиона тонн. При этом он утверждает, что основной объем грузов составляют иранские экспортные товары.

Если эти цифры достоверны, то не только для Туркменистана, но и для Ирана такие показатели представляют значимые величины. Так, по данным отдела общественных связей таможни Ирана, в 1384 иранском году (21.03.05 – 20.03.06) через территорию Ирана было перевезено 9,069 миллионов тонн транзитных грузов стоимостью 12 096 миллионов долларов. При этом в указанный период через территорию Ирана было перевезено 5,037 миллионов тонн топлива и 4,033 миллиона тонн альтернативных «ненефтяных» грузов, в числе которых основное место занимали автомобили и продовольственные товары. В указанный период основными грузоотправителями (по весу) транзитных грузов были Казахстан (2,501 миллиона тонн) (27,6%), Туркменистан (1,962 миллиона тонн) (21,6%), ОАЭ (1,073 миллиона тонн) (11,8%), Узбекистан (763,7 тысяч тонн) (8,4%) и Россия (615,4 тысяч тонн) (6,8%). При этом основными грузополучателями (по весу) транзитных грузов были ОАЭ (48,3%), Афганистан (8,7%), Ирак (8,3%), Турция (8,1%) и Япония (5,9%). Основная часть прибывших в Иран транзитных грузов была оформлена на таможнях Амирабад (провинция Мазендеран), Шахид Раджаи (Бендер - Аббас), Серахс (провинция Хорасане - Разави), Базерган (провинция Западный Азербайджан) и Астара (провинция Гилян), а отправленных из Ирана транзитных грузов – на таможнях Харк (нефтяной порт в Персидском заливе), Шахид Раджаи, Хосрови (провинция Керманшах), Догарун (провинция Хорасане - Разави) и Астара.²⁶

Маршруты, соединяющие Иран и Туркменистан, остаются одним из приоритетов работы Организации экономического сотрудничества (ОЭС). В 2007 году на очередном заседании этой организации было принято решение о начале работы сквозных поездов в пределах границ стран - членов ОЭС. Для осуществления этого проекта предполагалось провести серию переговоров по практическим вопросам с отдельными странами - членами ОЭС. Вероятно, с этой целью в начале июня 2007 года состоялся рабочий визит в Ашхабад

исполнительного директора ОАО «Железные дороги Исламской Республики Иран» Мохаммада Саиднежада.

Таким образом, у данного транспортного маршрута есть определенные перспективы, поскольку с введением в строй все новых магистралей сам железнодорожный коридор становится короче. Уже одновременно с работами по возведению коридора Серахс – Мешхед правительство Ирана стало осуществлять модернизацию своих внутренних железнодорожных путей, которые могли бы помочь увеличению грузопотоков. К 1997 году была проложена вторая колея протяженностью свыше 200 километров на участке Гармсар – Мешхед. В дальнейшем были завершены работы на магистрали «Север-Юг», сделавшей путь к иранским портам в Персидском заливе ближе на несколько сотен километров. В 2005 году в Иране было завершено строительство магистрали Бафк – Мешхед, протяженностью 756 километров.

Одновременно собственную внутреннюю сеть развивал и Туркменистан. Новая железнодорожная ветка, сданная в 2006 году в Туркменистане (Ашхабад – Дашогуз), сделала варианты подъезда к коридору Серахс – Мешхед еще короче.²⁷

В тоже время следует отметить, что не достижение запланированных объемов перевозки грузов по магистрали Серахс – Мешхед, с одной стороны, и сложная обстановка вокруг Ирана, стремление к изоляции этой страны со стороны США, с другой, по всей видимости, негативно сказались на планах дальнейшего развития транспортных коридоров между Туркменистаном (и Центральной Азией вообще) и Ираном.

Уже во второй половине 1990-х годов руководство Туркменистана приняло решение о намерении начать строительство еще одной железнодорожной магистрали, которая могла бы также стать новым коридором в Иран. Ее началом являлась железнодорожная станция Казанджик в Балканском велаяте (юго-западный Туркменистан), расположенная на крупнейшей магистрали республики, соединяющей город Туркменбаши на побережье Каспийского моря и столицу Ашхабад. Конечной точкой маршрута на туркменской территории должен был стать поселок Кызыл-Атрек, расположенный примерно в 200-х километрах на юго-запад – непосредственно вблизи туркмено-иранской границы, которая в этом месте проходит по реке Атрек. Следует отметить, что этот район Туркменистана малонаселен.

По всей видимости, замысел этой ветки состоял в том, чтобы в дальнейшем соединить ее с иранской железной дорогой. Для этого требовалось проложить относительно небольшой по протяженности участок (несколько десятков километров) до иранского города Горган. Однако данный проект имел и ряд уязвимых мест. Участок железной дороги от Тегерана до Горгана был построен с помощью немецких специалистов перед второй мировой войной. Тогда с учетом сложного рельефа местности инженеры выбрали облегченный вариант: магистраль способна пропускать поезда только весом до 700 тонн. Очевидно, что именно такой параметр должен был быть заложен и для магистрали, соединяющей Иран с Туркменистаном. Но реально этот параметр в несколько раз меньше того, что обычно перевозят крупные железнодорожные составы, осуществляющие, например, контейнерные перевозки.²⁸

Между тем эта магистраль очевидно должна была эксплуатироваться даже не столько для перевозки транзитных контейнеров, как в случае с дорогой Серахс – Мешхед, поскольку грузы из станции Казанджик дальше требовалось бы либо направлять в порты на Каспии, либо везти на восток Туркменистана – примерно в тот же регион, куда вела ветка Серахс – Мешхед. Казанджик – Горган мог бы перевозить нефть и нефтепродукты из западного Туркменистана, в частности с комплекса Туркменбашинских НПЗ. Эта дорога, в свою очередь, могла бы быть

промежуточным участком более грандиозного проекта соединения железных дорог России, Казахстана, Туркменистана и Ирана, когда такая магистраль проходила бы вдоль восточного побережья Каспия. Но в этом случае, в случае реализации данного варианта по этой магистрали могли перевозиться нефть из Казахстана, металл из России и транзитные контейнеры.²⁹ То есть вес составов был бы также весьма большим. Учитывая все это, данный проект долгое время тормозился.

Тем не менее, в 2007 году эта ситуация стала более определенной. Во время майского визита президента Туркменистана в Казахстан была достигнута договоренность о том, что между Казахстаном и Туркменистаном будет проложена новая железнодорожная линия вдоль Каспийского моря с выходом туркменских грузов через Казахстан в Российскую Федерацию и Европу.³⁰ Меморандум о строительстве железнодорожной линии Узень – Гызылгая - Берекет - Этрек – Горган был подписан Ираном, Туркменистаном и Казахстаном 16 октября 2007 года в Тегеране на встрече глав прикаспийских государств. Протяжённость линии должна составить 670 километров, в том числе 70 километров – по территории Ирана, 130 километров – Казахстана и 470 километров – Туркменистана.³¹ Оценочная стоимость проекта – 620 миллионов долларов. Вопреки первоначальным заявлениям строительство это дороги в Туркменистане будут осуществлять не туркменские подрядчики, а «Российские железные дороги».³² Это дает возможность Ашхабаду форсировать свой участок строительства и, возможно, успеть завершить задуманное к намеченному сроку – к концу 2011 года. Иранцы также приступили к строительству. А вот Казахстан пока запаздывает: здесь подготовили только ТЭО проекта, но не готова даже проектно-сметная документация. Не решен также и финансовый вопрос: за чей счет - госбюджета или частного бизнеса через концессии - будет построена магистраль. Между тем казахстанский участок оценивается в 60,8 миллиардов тенге. Правительство Казахстана пока стремится найти частного инвестора; правда, такой подход может создать в будущем дополнительные трудности с унификацией транспортных тарифов. Новая железная дорога, соединённая через Казахстан с железнодорожной сетью России, будет на 600 километров короче существующего пути через Серахс (это сократит время в пути на 2 суток), а её строительство займет 3-5 лет. Объем перевозок оценивается в 3-5 миллиона, а в перспективе - до 12 миллионов тонн грузов в год.³³

В настоящее время сторонами ведется работа по сооружению данной магистрали.³⁴ Действительно этот вариант создает короткий путь из Европы в Иран и далее в Южную Азию. Он проходит через крупные нефтедобывающие регионы Казахстана и Туркменистана. Ашхабад также получал бы возможность соединить надежным транспортом регион залива Кара-Богаз-Гол, в котором имеются внушительные запасы минеральных ресурсов, с другими частями страны и с внешним миром. По сути дела это и есть проект, идея которого появилась еще при последнем императоре России.

Коридор через Каспий

Особую активность в этом и ряде других транспортных проектов проявлял Иран. Для Тегерана дополнительные выходы во внешний мир на севере и участие в подобного рода проектах служило не только экономическим целям, но и позволяло ослаблять политическое давление и попытки изоляции Ирана со стороны Соединенных Штатов и их союзников. Поэтому иранское руководство неоднократно отмечало важность такого рода проектов. Например, во время визита в Туркменистан заместителя министра иностранных дел ИРИ Мехди Сафари в начале июня 2007 года, последний на переговорах с президентом Туркменистана

Гурбангулы Бердымухаммедовым заявил, что Иран намерен на любых условиях принять самое активное участие в реализации проекта по созданию транспортно-коммуникационного коридора Север-Юг.

Проект международного транспортного коридора Север-Юг медленно, но верно осуществляется. Еще в 2000 году между Россией, Ираном и Индией было подписано соответствующее соглашение. Позднее этот проект поддержали Белоруссия, Украина, Казахстан, Оман, Таджикистан, Турция, Армения и Азербайджан. Все они выигрывают от увеличения грузопотока по данному коридору. По расчетам коридор позволял значительно сократить как время доставки грузов, так и расходы по их транспортировке. Например, транспортники заявляют, что доставка 40-футового контейнера³⁵ из Мумбаи (бывший Бомбей) в Индии до Санкт-Петербурга через Суэцкий канал занимает сегодня 30 дней. А по трассе коридора Север-Юг это время сокращается в два раза, а транспортные расходы – на 20%. Руководители Минтранса РФ утверждали, что экономия грузоотправителя, использующего данный маршрут, на каждом контейнере составит свыше 400 долларов по сравнению с вариантом отправки груза обычным путем через Суэцкий канал.³⁶ Правда, при этом транспортники упускают один принципиальный аспект: контейнеры затем как-то должны возвращаться в места дислокации поставщиков. Желательно это делать с товарами, а в Индию из России как раз контейнерами идет не так много товаров.

В любом случае Россия и Иран организовали даже совместную судоходную линию на Каспии. Под данный проект коридора был построен новый порт Оля, расположенный более выгодно, чем традиционный астраханский порт. К порту Оля уже построена железнодорожная линия. Порт Оля уже резко увеличил объемы перевалки грузов: если в 2003 году они составляли 57,8 тысяч тонн, то в 2007 году – уже 661,5 тысячу тонн. Тем не менее, возможности порта позволяют довести грузооборот уже к 2010 году до 4 миллионов тонн. Недавно Россия, Иран и Азербайджан согласовали строительство железнодорожной ветки, которая соединит три страны (ветка Казвин – Решт - Астара иранская – Астара азербайджанская) и станет частью коридора.

Однако до сих пор этот коридор не работает на полную мощность. До заявленного параметра – объема перевозок в 15 миллионов тонн грузов в год пока явно далеко. До 90% российского грузопотока в Иран по нему составляет экспорт черных металлов. Не удалось вовлечь в грузопотоки по этому коридору грузы из ЕС. В 2005 году в ЕС был принят документ, отражающий стратегию этого объединения в отношении транспорта – «Транспортные сети для мира и развития. Развитие основных трансъевропейских транспортных осей в направлении соседних стран и регионов». В этом документе вообще нет упоминания о коридоре Север-Юг. Одна из причин этого кроется в том, что наши транспортники недорабатывают в принципиальных аспектах. Представляемые ими услуги не устраивают должным образом потенциальных поставщиков грузов. Весьма велики сроки хранения грузов на складах в перевалочных пунктах коридора, далеко не всегда инфраструктура транспортных объектов, в том числе тех же портов на Каспии, соответствует потребностям XXI века. Нет должной четкости и в отношении согласованных правил таможенного оформления грузов в странах, расположенных по трассе коридора.

Кроме этого слабым звеном коридора «Север – Юг» является отсутствие в качестве его составных звеньев высокоскоростных железнодорожных магистралей, как в России, так и в Иране, равно как и в странах Центральной Азии. Между тем подобные магистрали в мире уже имеют протяженность 9400 километров. За последние 15 лет объем только пассажирских перевозок на этом виде транспорта увеличился в 4,5 раза и ныне составляет 12,7% от их общего объема.³⁷

Другим сдерживающим фактором выступает ситуация в речном транспорте России. Внутренние водные пути России, превышая 100 тысяч километров (т.е. больше, чем железные дороги страны), перевозят только менее 2% от российского грузопотока. На Волге давно не велись необходимые дноуглубительные работы. В июне 2008 года в Ростове-на-Дону прошло специальное совещание по повышению эффективности использования водных путей. Предполагается, что в 2009 году объемы грузовых перевозок внутренним речным транспортом в России составят 155,4 – 157 миллионов тонн (рост всего на 1%).³⁸ Все это служит препятствием для наращивания грузопотока. Но значительная часть этих трудностей вполне преодолима при последовательной и конструктивной работе заинтересованных сторон.

Путь в Южную Азию

Этого нельзя сказать в отношении еще одного транспортного коридора - трансафганского. Последний предполагал создание прямого выхода из Каспийского региона на пакистанские морские порты. Естественно, что в этом отношении эта гипотетическая транспортная артерия являлась альтернативой коридору «Север – Юг». Однако в силу целого ряда причин афгано-пакистанский маршрут существенно уступал по своей привлекательности коридору «Север – Юг». Некоторые прикаспийские государства еще в 90-ые годы прошлого века предпринимали попытки наладить устойчивую наземную транспортную связь с Пакистаном. Так, в 1994 году транспортное ведомство Казахстана организовало пробный технический рейс в Пакистан. Правда, тогда избранный для этого маршрут начинался не в Прикаспии, а в Восточном Казахстане, откуда транспорт через Киргизию двигался в направлении Каракорумского шоссе и далее по этой магистрали в Пакистан. Причем в конечной точке этого маршрута – пакистанском городе Гилгит была проведена встреча руководителей транспортных ведомств Казахстана, Киргизии, Китая и Пакистана. Через год этими участниками было подписано транзитное соглашение.³⁹ Тем не менее, этот вариант так и не заработал. Доставка грузов автомобильным транспортом не вызвала интереса у соответствующих бизнес-структур.

Пакистанские власти лоббировали и другой вариант маршрута. В марте 2007 года в ходе визита премьер-министра Пакистана Юсефа Резы Гилани в Ташкент было подписано транспортное соглашение. Исламабад активно рекламировал свои порты Карачи и Гвадар в качестве возможного «окна в мир» для экспортных товаров Узбекистана. Со своей стороны и Пакистан рассчитывал на торговую экспансию собственных товаров на центрально азиатские рынки при помощи нового коридора. Исламабад действительно закупает в Узбекистане некоторые виды сырья, например, узбекский хлопок. Но его поставки осуществляются через территорию Ирана, а не напрямую – через Афганистан в Пакистан. По трансафганскому маршруту также уже осенью 2008 года были осуществлены пробные поездки автомобильного транспорта.

Но и в этом случае пока нет никаких оснований для оптимистических выводов о перспективах трансафганского направления. Никакая географическая близость, а она на поверку является весьма и весьма относительной, не может пересилить другой фактор – себестоимость перевозок, влияющую на прибыльность того или иного коммуникационного маршрута. Перевозки автомобильным транспортом на большие расстояния, несомненно, проигрывают в этом отношении железнодорожным, а тем более, морским перевозкам. Во всем мире практикуются автомобильные перевозки грузов на расстояния до нескольких сотен, максимум 1,5 тысяч километров. За пределами этого параметра экономическая целесообразность

автоперевозок стремительно падает. Расстояние же только от столицы Узбекистана – Ташкента до порта Карачи в варианте маршрута через Термез и Кабул – 2,5 тысячи километров. В случае направления «Центральная Азия – Афганистан – Пакистан» в сравнении с альтернативой – МТК «Север – Юг» автомобильный маршрут вряд ли способен стать конкурентоспособным, поскольку он пролегает по горам, что, естественно, замедляет скорость доставки грузов и увеличивает стоимость такой доставки. Дополнительным фактором замедления движения по этому маршруту объективно выступает то обстоятельство, что современный Афганистан является главным источником поставки наркотиков опийной группы на мировой рынок, и поэтому автомобили, пересекающие границы Афганистана подвергаются дополнительному досмотру. Помимо финансового аспекта, существуют также и высокие политические риски, связанные с нестабильностью в Афганистане, на территории которого не прекращаются боевые столкновения противоборствующих военных группировок.

В итоге, например, самый привлекательный экономический партнер государств Южной Азии в Центральной Азии – Казахстан предпочитает осуществлять поставки грузов не автомобильным, а железнодорожным транспортом. В 2007 году автомобильным транспортом между Казахстаном и Афганистаном было перевезено всего 1085,4 тонны грузов, между Казахстаном и Пакистаном – 6112,1 тонны, между Казахстаном и Индией – 2182,6 тонны. Все это – крайне незначительные величины. Куда больше грузов было перевезено за тот же период железнодорожным транспортом: соответственно 543 269,5 тонны, 89 866,6 тонны и 768 813,7 тонн грузов.⁴⁰

Идея соединения морей

Помимо южного направления из Каспийского региона предметом постоянной дискуссии выступают различные проекты западного направления. В основном они рассчитаны на транспортировку углеводородов, причем не только с помощью трубопроводного транспорта.

Несколько лет назад была актуализирована идея создания нового выхода для морских судов из Каспийского в Черное море и обратно. При этом было очевидно, что помимо чисто хозяйственных целей ряд сторонников таких предложений руководствовались явно меркантильными и откровенно эгоистическими соображениями. Огромный профицит российского бюджета, сложившийся за несколько последних лет и позволивший накопить многомиллиардные суммы, имел как положительную, так и отрицательную сторону. Последняя, среди прочего, состоит в том, что моментально появляются желающие попользоваться этими деньгами. Они соблазняют общество и правительство привлекательными проектами, уверяя окружающих, что предлагаемые ими варианты траты средств являются самыми рациональными, а то и просто жизненно необходимыми. Причем довольно часто им удается получить доступ к государственной казне без достаточных к тому оснований.

С нашей точки зрения, одним из проявлений такой позиции выступают планы строительства нового канала, призванного соединить Черное и Каспийское моря. Главным аргументом сторонников такого строительства выступает утверждение, что такой канал будет способствовать укреплению геополитических интересов России, позволит ей успешно конкурировать на рынке транспортных перевозок с вариантами, которые предполагают маршруты типа «ТРАСЕКА», то есть проходящими южнее границ Российской Федерации. К этому добавляют также и

финансовый аспект: якобы Россия сможет получать каждый год до 150-200 миллионов долларов за транзит.⁴¹

Однако эти аргументы не столь однозначны, не столько сами по себе, сколько применительно к реальным вариантам, деталям предлагаемого нового канала. Следует, прежде всего, отметить, что на самом деле существует не один, а как минимум два проекта прокладки нового канала. Во-первых, это план строительства канала «Волга-Дон 2». Во-вторых, - вариант строительства принципиально нового маршрута – канала под условным названием «Евразия». Самое же главное состоит в том, что второй вариант имеет также несколько подвариантов, существенно влияющих на общую оценку целесообразности возведения подобных объектов.⁴² Публичные политики не только ряда субъектов Российской Федерации, но и некоторых стран СНГ, обычно упускают эти обстоятельства из вида, конъюнктурно защищая только выгодную им позицию.

Давний замысел создания канала между Волгой и Доном был реализован в советское время. Конкретный проект был разработан к середине 30-ых годов прошлого столетия. Задержка реализации была вызвана Великой Отечественной войной, лишь в 1948 году строительство было начато. Советские заключенные завершили стройку всего за 4,5 года. Уже 1 июня 1952 года по Волго-Донскому каналу началось судоходство. Меньший по протяженности Панамский канал строили 34 года.

Для Советского Союза Волго-Донской канал был вполне приемлемым. Он соединял Волгу у Волгограда с Доном у города Калач-на-Дону. Общая протяженность канала составляла 101 километр, из которых 45 километров проходила по искусственным водохранилищам.⁴³ Принципиально важным было то обстоятельство, что Волго-Донской канал не только не портил экологию, но и улучшал ее, так как пресная речная вода активно использовалась для орошения.

Однако с позиций современных требований канал выглядит несколько устаревшим. Глубина канала составляла всего 3,5 метра, что позволяло проводить по нему суда дедвейтом до 5 тысяч тонн. Проход судов осложнен наличием системы шлюзов, число которых достигает 13. Это неизбежно, поскольку Дон лежит выше Волги на 44 метра. Другим ограничителем судоходства выступает в силу зимнего замерзания рек период навигации, составляющий 211 суток, но и за это время через канал проходит до 5 тысяч судов. В итоге пропускная способность канала составляет 16,5 миллионов тонн грузов в год. Но на практике, и это весьма важно отметить, реально ежегодно через канал провозится только половина от возможных объемов грузов, из которых порядка 53% составляют нефтепродукты. Поэтому ссылки сторонников нового канала «Евразия» на то, что последний может, якобы, помочь разгрузить Волго-Донской канал на самом деле более чем сомнительны.

Действительно новый канал, с большей пропускной способностью, а самое главное, – с большей глубиной был бы выгоден России. Но только при соблюдении ряда условий. Во-первых, новый канал, как расположенный на ее территории, должен остаться в безусловной собственности России и только под ее национальной юрисдикцией. Между тем тот же ряд соседних с Россией стран вынашивают совершенно иные подходы. В их средствах массовой информации время от времени появляются материалы, в которых высшие государственные чиновники утверждают, что новый канал будет, якобы, иметь международный статус. Здесь необходимо пояснить, что международный статус канала означает невозможность государства, по территории которого проложена данная транспортная артерия, распоряжаться последним по собственному усмотрению. Иными словами, речь идет об ограниченном суверенитете России над будущим каналом. К чему могут привести такие внешне привлекательные идеи наших партнеров, мы должны четко осознавать

на примерах Панамы и Египта, суверенным правительствам которых случалось в их истории сталкиваться с попытками не просто внешнего давления, а прямого военного вмешательства под предлогом обеспечения свободы судоходства по международным каналам.

Во-вторых, строительство нового канала будет целесообразным, если он будет приносить прибыль в российскую казну. Последнее, как минимум станет возможным, если затраты на строительство окажутся несоизмеримо меньшими, чем доходы от эксплуатации. В настоящее время проектная работа ведется сразу по двум направлениям: канал «Волго-Дон 2» и канал «Евразия». Последний проект как раз поддерживают наши партнеры по СНГ, и в том числе Казахстан,⁴⁴ экспорт углеводородов которого морским транспортом через черноморские порты пока имеет тенденцию к росту.⁴⁵ Стоимость канала «Евразия» оценивается экспертами СНПО «Экогидротехника» в 4-4,5 миллиарда евро.⁴⁶ Иными словами, ожидаемые доходы от транзита, окупят затраты на строительство только через 15-18 лет эксплуатации канала. Вероятная стоимость канала «Волго-Дон 2» еще больше – 5 миллиардов евро, тем самым период окупаемости выше.

Правда, и эти расчеты весьма условны, поскольку рост грузопотока из Каспия ожидается только по одному классу грузов – сырой нефти и нефтепродуктов. Сухие сыпучие грузы, металлы, контейнерные грузы, как полагают многие эксперты, не дадут действительно весомой прибавки в грузопоток. Каспийская нефть уже сейчас имеет сложившиеся маршруты доставки: и по КТК, и по трубопроводу Баку-Джейхан, и по трубопроводу Атырау-Самара, и по трубопроводу Баку-Новороссийск. Каждый из них имеет возможности для наращивания пропускной способности, и в этом смысле все они выступают конкурентами перевозок нефти судами по проектируемым каналам. Да и каспийские порты России сегодня загружены лишь на 70% своей мощности. Действительно, по каналу «Евразия» смогут ходить суда класса «река-море» дедвейтом 8-10 тысяч тонн. Но для того, чтобы склонить чашу весов в пользу строительства каналов, все же нужны более сильные аргументы, а их-то на самом деле не так уж много.

Почему канал «Волго-Дон» работает в половину от своих возможностей? Потому, что перевозчикам из прикаспийских стран невыгодно направлять суда сначала вверх по Волге, затем по каналу, вслед за этим по Дону в Азовское, а затем в Черное море. Получается большой крюк плюс немалые расходы на топливо, транспортное обслуживание, лоцманов и прочее. В этом смысле на первый взгляд кажется, что вариант канала «Евразия» более предпочтителен, чем проект канала «Волго-Дон 2», поскольку он сокращает время доставки грузов из Каспийского в Черное море. И строительные расходы в случае «Евразии» предполагаются вроде бы меньшими, чем в варианте «Волго-Дон 2». Здесь ничего удивительного нет: расстояние между Доном и Волгой, конечно, короче, чем между Черным и Азовским морями. Но по проектируемой трассе канала «Евразия» предполагается задействовать уже существующие природные и искусственные водные объекты. Дело в том, что в ряде вариантов канал «Евразия» предполагает прокладку транспортного коридора по трассе: Каспийское море - рекам Кума, Восточный Маныч, Западный Маныч - Азовское море. Еще в первой половине 30-ых годов прошлого века на Западном Маныче возвели три водохранилища: Усть-Манычское, Веселовское и Пролетарское. В 1950-1970-х годах, на Восточном Маныче было построено Чограйское водохранилище, предназначенное для обводнения и орошения засушливых восточных районов Ставрополя и Калмыкии. В совокупности они составляют половину длины предполагаемой трассы канала «Евразия».⁴⁷ Но дно этих участков все равно придется углублять: пока оно составляет от 2 до 3 метров, а требуется как минимум – 5. Разнятся и конечные выходы канала в моря:

на Каспии рассматриваются участки от Кизлярского залива до несуществующего пока порта Лагань в Калмыкии, а на Азовское море - от порта Азов до порта Ейск. Впрочем, существует вариант выхода канала непосредственно в Черное море, в районе Анапы. Длина канала может составить от 675 до 850 километров.

Именно в этом обстоятельстве сокрыт один из самых важных аргументов против строительства канала «Евразия». Ведь в отличие от канала «Волго-Дон» новую артерию заполнит не пресная речная, а соленая морская вода. Это нарушит экологическое равновесие не только в регионе Ставропольского и Краснодарского краев, Калмыкии, Дагестана, Ростовской области, но всего Прикаспия.⁴⁸ Природе будет нанесен колоссальный удар. Ведь в Южном регионе России пресной воды и так не хватает. Потребности той же Кубани удовлетворяются лишь на 60%.⁴⁹

Экологи прогнозируют, что Каспийскому морю может грозить настоящая катастрофа. А этот крупнейший в мире бессточный замкнутый водоем является средой обитания 80% мировой популяции осетровых рыб. В погоне за прибылью от транзитных перевозок Россия рискует потерять этот чрезвычайно важный, и самое главное - возобновляемый ресурс. Очередной план грандиозных строек может обернуться на практике таким же разочарованием, каким стал БАМ.

В сентябре 2008 года на форуме по приграничному сотрудничеству России и Казахстана в Актюбинске был опять поднят этот вопрос. Президент РФ Д. Медведев высказался за обязательное заключение экспертов по существующим проектам.⁵⁰ Это позволяет надеяться, что неразумных решений, способных существенно повлиять на безопасное развитие Каспийского региона в отношении данных проектов принято не будет. Развитие же транспортных коммуникаций в Черноморско-Каспийском регионе продолжится. Так, в упоминавшейся в начале настоящей работы транспортной стратегии России предусмотрено создание мультимодального транспортно-логистического узла – Ростовского универсального порта. Этот объект будет состоять из трех грузовых районов. Первый из них, грузооборотом до 4 миллионов тонн в год, уже введен в эксплуатацию. Всего предполагается, что порт будет перерабатывать 16 миллионов тонн грузов в год.⁵¹

Проект «Набукко» - опасная и неконструктивная политическая затея

Столь же вредным, как канал «Евразия», в экономическом и экологическом отношении является еще один проект в западном направлении. Речь идет о проекте Транскаспийского газопровода, который должен стать, по замыслу его сторонников, частью трубопровода «Набукко».

Ни для кого не секрет, что проект «Набукко» все последние годы поддерживался европейцами преимущественно по политическим, а отнюдь не по экономическим соображениям. Но это явно маниакальное желание проложить новую трассу газопровода мимо территории России неизменно наталкивалось на суровую реальность: у потенциальных поставщиков в эту трубу просто не было необходимых объемов свободного газа. Сколько бы не посещали делегации разных уровней из ЕС и США Баку, они не в состоянии были выполнить функции Господа: наделить азербайджанские недра голубым топливом в нужных объемах. Для любых серьезных инвесторов, умеющих считать деньги, Азербайджан, располагающий фактически лишь одним крупным газовым месторождением «Шах Дениз» на шельфе Каспия, не мог рассматриваться в качестве серьезного партнера по проекту «Набукко». Ведь весь экспортный потенциал азербайджанского природного газа сегодня приблизительно на порядок был меньше того, который требовался зарубежным инвесторам. Новый трубопровод «Набукко» мог стать рентабельным

только при условии ежегодной прокачки по нему не менее 30 миллиардов кубометров газа. Правда, азербайджанские власти в ответ на эти сомнения не перестают заявлять, что к 2013 году им удастся ввести в строй вторую очередь проекта «Шах Дениза». Тогда, по их словам, это позволит довести добычу до 8 – 12 миллиардов кубометров.⁵² Однако эти обещания не слишком обнадеживают тех, кто реально рискует своими миллиардами. Ведь практика показывает, что любой продавец любит нахваливать свой товар, особенно, когда его еще нет в наличии.

Но даже, если предположить, что у Баку все сложится так, как они рассчитывают, все равно – азербайджанский газ и тогда не сможет никого склонить к решению начать строительство нового трубопровода. Надежды же на присоединение к проекту «Набукко» Туркменистана, Узбекистана и Казахстана также не представляются оправданными. Президент Узбекистана Ислам Каримов в ходе прошедших в начале 2009 года переговоров в Ташкенте с Дмитрием Медведевым недвусмысленно заявил, что узбекский газ будет продаваться России. Эти обязательства властей Узбекистана уже закреплены соответствующими соглашениями. Более того, Ташкент даже готов продать Москве столько газа, сколько она не в состоянии принять в силу технических ограничений имеющихся пропускных мощностей функционирующих трубопроводов.⁵³

Что касается Казахстана и Туркменистана, то и эти две страны также имеют действующие контракты с Москвой, причем рассчитанные на многолетнюю перспективу. Положительно решенный же еще в 2008 году вопрос о новой формуле цены, привязанной к европейской, давно лишил конкурентов Москвы шансов своими посулами соблазнить и переманить на свою сторону Астану, Ашхабад и Ташкент.

Газопровод «Набукко» протяженностью 3,3 тысячи километров планируется построить для транспортировки природного газа прикаспийского региона в Центральную Европу через Азербайджан, Грузию, Турцию, Болгарию, Венгрию, Румынию и Австрию. Проект призван реализовать консорциум «Nabucco Pipeline», в который вошли австрийская OMV, немецкая RWE, турецкая Botas, болгарская Bulgargaz, румынская Transgas и венгерская MOL, имеющие в нем по 16,6%.⁵⁴ Первоначальный срок окончания строительства сдвигался сначала на 2011, затем на 2013 годы. Последний анонс «Nabucco Pipeline» говорит уже о 2014 году.⁵⁵ Но пока не начато ни строительство, ни подписаны даже необходимые контракты между поставщиками и потребителями природного газа.

Европейская бюрократия, заседающая в Еврокомиссии, выступает в роли суфлера консорциума «Nabucco Pipeline», причем делает это весьма неуклюже. Сначала планирует выделить 250 миллионов евро на разработку ТЭО проекта, затем урезает их на 50 миллионов. Из европейского плана оздоровления экономики, обсуждавшегося в Брюсселе, исчезает упоминание о «Набукко».⁵⁶ Против такой неразумной траты денег в период кризиса выступает Германия – ведущая страна ЕС. Евробюрократы и акционеры «Nabucco Pipeline» впадают в панику: от безысходности они обращаются к России с предложением войти в данный проект. Но заместитель главы «Газпрома» Александр Медведев с плохо скрываемой иронией отвечает отказом. «У нас свой проект, у акционеров «Набукко» - свой», - напоминает он, указывая, что Россия предлагает для поставок на европейский рынок использовать «Северный поток» по дну Балтийского моря, возводимый совместно с немецкими фирмами, и «Южный поток» - трубопровод по дну Черного моря, над которым россияне работают совместно с итальянцами.⁵⁷ Но на конференции в Софии в апреле 2009 года председательствующая в ЕС Чехия опять заявила о возвращении к жизни проекта «Набукко».⁵⁸ После этого сторонники «Набукко» распространили еще более сомнительную версию, которая предполагала

транспортировку по проектируемому трубопроводу природного газа из иракского Курдистана.⁵⁹

Очевидно, что немцев и итальянцев стремятся, во что бы то ни стало, переубедить некоторые новички ЕС. В конце марта 2009 года польский министр по делам ЕС Миколай Довгелевич заявил, что проект «Набукко», якобы снова включен в список приоритетных проектов Европейского Союза. В любом случае, пока речь идет только о средствах, которые могут пойти на оплату труда самих европейских экспертов, которым будет поручено разработать детали проекта. То есть свои деньги европейцы переложат из одного кармана в другой и только. Лишь небольшие суммы перепадут потенциальным поставщикам природного газа из региона Прикаспия.

Сторонники «Набукко» намеренно распространяют версию о том, что ключевым игроком в Прикаспии, способным вдохнуть жизнь в «Набукко», может быть Азербайджан. Но достаточно проанализировать общедоступные статистические данные, чтобы убедиться в мифологичности подобных утверждений. Пик экономических успехов Азербайджана уже пройден.⁶⁰ Действительно, в новом веке эта республика демонстрировала внушительные успехи. Если в 2002 году ВВП Азербайджана прирос на 10,6%, а в 2004 году – на 10,2%, то на своем пике эти показатели рванули ввысь: прирост ВВП в 2005 году составил 26,4%, в 2006 году – 34,5%, в 2007 году – 25%. Но в прошлом году начался спад: прирост ВВП составил лишь 10,8%.⁶¹

Упали и темпы прироста добычи углеводородов. Нефти удалось добыть только 44,5 миллиона тонн,⁶² хотя годовым планом на 2008 год был предусмотрен совершенно иной рубеж – 52,6 миллиона тонн. Поэтому, хотя прирост составил 4,5%, эксперты ведущих транснациональных нефтяных компаний, разрабатывающих недра Азербайджана, таких, например, как BP, уверены, что нефтяная добыча начнет падать уже с 2012 года, а возможно и ранее. Поэтому весьма сомнительным является утверждение заместителя вице-президента Государственной нефтяной компании Азербайджана (ГНКАР) Виталия Беглярбекова о том, что в 2009 году в Азербайджане будет добыт 61 миллион тонн нефти.⁶³ Оно не подкреплено ни техническими возможностями, ни финансовой целесообразностью.

Но это – нефть, и не ей хотят заполнить трубу «Набукко». С природным газом Азербайджана дела обстоят еще более безрадостно для сторонников консорциума «Nabucco Pipeline». Азербайджан никогда в своей истории не выступал значимым добытчиком, а тем более экспортером газа.⁶⁴ В советский и постсоветский период он в основном импортировал иранский, российский и туркменский газ. Конечно, все в этом мире меняется, но не так быстро, как это пытаются представить сторонники «Набукко».

Последние обычно просто вводят в заблуждение общественность Европы, манипулируя цифрами. Часто в ход идет примитивный прием: сначала приводятся цифры добычи газа в Азербайджане, затем ее сравнивают с проектной мощностью трубопровода «Набукко», которая составляет 30-31 миллиард кубометров в год. И, наконец, делается вывод о том, что объемов азербайджанского газа «почти» достаточно для загрузки трубы. Дело, мол, за малым: еще немного добрать туркменского или казахстанского газа.

На самом деле означенная версия не выдерживает критики. Не всякий добытый из недр газ является товарным, то есть предназначенным для извлечения из него тех качеств, которые привычны большинству потребителей. Далеко не весь азербайджанский газ будет сожжен в топках ТЭС или горелках газовых плит на кухнях обывателей. Азербайджан, как и соседний Иран, вынужден использовать значительные объемы уже добытого газа в ином качестве. На языке

профессионалов это именуется «производственными нуждами». В переводе на обычный язык это означает, что газ вынуждены закачивать обратно в пласты для поддержания эффективной добычи нефти.⁶⁵ Нефть – это основной экспортный товар Азербайджана, для транспортировки которого уже существует не один, а несколько экспортных трубопроводов. К тому же при желании нефть можно транспортировать из Азербайджана и железнодорожным, и морским транспортом.

Поэтому из 8 миллиардов кубометров газа, добытого в 2008 году, ГНКАР большую часть – свыше 6,6 миллиардов пришлось закачать обратно в землю.⁶⁶ Это означает, что товарного газа Азербайджан в 2008 году добыл только 16,3 миллиардов кубометров, что составляет примерно половину объема проектной мощности трубы «Набукко». Как видим, это совсем не «почти» весь требуемый объем.

Но и это не все. Члены консорциума «Nabucco Pipeline» и их политические соратники намеренно запамятовали вполне очевидную истину: Азербайджан сам нуждается в потреблении определенных объемов добытого в республике газа. Внутренние потребности Азербайджана в природном газе сегодня оцениваются в 12 миллиардов кубометров в год.⁶⁷ Итак, из 16 добытых миллиардов кубометров надо вычесть минимум 12 миллиардов кубометров. На самом деле – еще больше, поскольку компрессорные станции, обеспечивающие нужное давление в трубе и соответственно прокачку по ней газа тоже работают все на том же природном газе, а значит, требуется учесть и эти расходы на эксплуатацию трубопровода. Остается меньше 4 миллиардов «свободных» кубометров газа. Этого количества явно недостаточно для запуска «Набукко».

Версия же о том, что добыча азербайджанского газа в будущем будет расти, – это не тот аргумент, который действительно может склонить ЕС тратить многие миллиарды евро в проект «Набукко». Так в 2009 году рост добычи действительно будет иметь место, но он будет незначительным.⁶⁸ Азербайджанцы обещают, что добыча товарного газа вырастет до 17,1 - 18,6 миллиардов кубометров. Но прирост добычи совершенно необязательно пойдет на увеличение экспортных поставок. Это, кстати, еще одно распространенное заблуждение. Азербайджан ведь не в вакууме существует, он также испытывает влияние мирового кризиса, также старается уйти от однобокой экономики, диверсифицировать ее. Для этого власти Азербайджана пытаются создать новые отрасли экономики. Например, в Гяндже в прошлом году началось строительство сразу двух металлургических предприятий – сталелитейного завода и завода по выплавке алюминия. На это будет потрачен 1 миллиард долларов, четверть из которых выделит национальный инвестор.

Предполагается, что сталелитейный гигант вступит в строй уже в 2011 году, то есть ранее существующего срока запуска «Набукко». Это весьма важное обстоятельство, поскольку любому мало-мальски грамотному человеку понятно, что такие новые промышленные мощности нуждаются в больших объемах электроэнергии, особенно мощности по выплавке алюминия. Между тем избытка электроэнергии в Азербайджане нет, наоборот наблюдается падение выработки электроэнергии. Азербайджан располагает лишь 6 гидроэлектростанциями и 10 тепловыми электростанциями, работающими на топочном мазуте и природном газе. В 2008 году Азербайджан из нефти переработал в топочный мазут на 63% меньше, чем годом ранее. Был получен лишь 1 миллион тонн топочного мазута.⁶⁹ Поэтому Баку будет вынужден по объективным причинам увеличивать поставку добываемого природного газа на ТЭС для выработки необходимых объемов электроэнергии.⁷⁰ И социальная программа Ильхама Алиева вряд ли будет заброшена, ведь именно благодаря ей президент Азербайджана получил на прошедшем в марте 2009 года референдуме столь внушительную поддержку предложенным изменениям

конституции. В планах же властей среди прочего значится продолжение газификации Азербайджана. Пока газом обеспечены только 83% населения республики. Поэтому, по оценкам экспертов, на внутренние нужды Азербайджана потребуется дополнительно, как минимум, 5 миллиардов кубометров газа. Это тоже уменьшает шансы реализации «Набукко».

Тем не менее, все эти названные обстоятельства в известном смысле только на руку еще одному крупному игроку – Ирану. Заместитель министра иностранных дел Ирана Мехди Сафари в январе 2009 года в ходе своего визита в Европейский парламент заявил о готовности его страны участвовать в проекте «Набукко». По словам этого дипломата, Иран готов как продавать газ Европе, так и осуществлять транзитные услуги.⁷¹

Ряд весьма серьезных экспертов полагают, что без иранского газа «Набукко» так и останется лишь проектом. Иран же при известных обстоятельствах способен вдохнуть в него жизнь. Ведь Иран обладает вторыми крупнейшими в мире доказанными запасами природного газа. Они составляют 27,5 триллионов кубометров или 18% всех мировых запасов и 33% от запасов «голубого топлива» стран-членов ОПЕК.⁷²

Однако все не так просто, как кажется на первый взгляд. Ведь при таких действительно весомых запасах природного газа его добыча в Иране пока сравнительно невелика – 460 миллионов кубометров в сутки. По этому показателю Иран отнюдь не лидирует в мире основных поставщиков газа. Но еще более значимо другое обстоятельство. Иран никогда в своей истории не выступал и не выступает сейчас сколько-нибудь серьезным экспортером природного газа. В сутки экспортируется только немногим более 15 миллионов кубометров иранского газа.⁷³ Этому имеются сразу несколько причин. Во-первых, львиную долю добытого газа Иран использует для внутренних нужд: 360 миллионов кубометров ежедневно расходуется населением этой страны. А планы у Тегерана в этом отношении немалые: к 2014 году газом должны быть обеспечены 93% городского населения в 630 городах и 18% сельского населения в 4,2 тысячах сельских населенных пунктах. Немало газа идет и на нужды промышленных предприятий и электростанций Ирана. Наконец, значительную часть уже добытого газа иранцы вынуждены закачивать в пласты для поддержания высокой производительности при добыче нефти (по оценкам экспертов это увеличивает добычу более чем на 30%) – основного экспортного товара этой страны. Инфраструктура для экспорта нефти у Ирана уже создана, и он ей активно пользуется, а для экспорта газа такой инфраструктуры пока нет.

Во-вторых, подавляющее большинство газовых иранских месторождений расположено на юге этой страны: на побережье Персидского залива и на его шельфе, то есть весьма далеко как от действующих, так и проектируемых трасс газопроводов, в том числе и от трассы «Набукко». Самый характерный пример этого: наиболее значительное иранское месторождение «Южный Парс» с действительно колоссальными запасами в 13,1 триллиона кубометров и 19 миллионов баррелей конденсата расположено в море на границе Ирана с Катаром.⁷⁴ 90% нынешних объемов добычи иранского газа обеспечивают помимо «Южного Парса» такие месторождения, как «Нар», «Канган», «Шанун», «Варуй», «Хома», «Танбак». Нельзя не отметить и то, что до сих пор более 60% запасов иранского газа приходится на неразрабатываемые месторождения.⁷⁵ Все это пока приводит к тому, что Иран вынужден не только экспортировать, но и импортировать природный газ для своих нужд из Туркменистана и периодически из Азербайджана. Вообще, по данным ВР, за всю историю Иран потребил пока газа больше, чем добыл из своих месторождений.

Таким образом, для осуществления нового иранского плана - варианта наполнения иранским газом трубопровода «Набукко» - должны удачно совпасть сразу несколько факторов. Как минимум должны найтись инвесторы, готовые профинансировать не только собственно строительство трубопровода, причем речь идет о трубе гораздо большей протяженности (как минимум на 1,5 тысячи километров), чем вариант «Набукко», но и разработку самой сырьевой базы - иранских месторождений. В Иране уже давно активно действует целый ряд европейских энергетических компаний, в частности итальянские ENI и AGIP. В разработке иранских месторождений участвуют помимо итальянцев корейцы, французы, малайзийцы, датчане и Газпром.⁷⁶ Но многие компании отпугивают санкции, введенные американцами, которые приложили максимум усилий для того, чтобы воспрепятствовать зарубежным инвестициям в иранский ТЭК.

И, тем не менее, нельзя сбрасывать счетов тот факт, что изначально проект «Набукко» был ориентирован как раз на иранский, а не на азербайджанский или центральноазиатский газ. Еще в январе 2004 года австрийский концерн OMV и Национальная иранская компания по экспорту газа подписали меморандум о взаимопонимании в отношении экспорта иранского газа в Европу по будущему трубопроводу «Набукко» через Турцию, Болгарию, Румынию, Венгрию в Австрию. Но затем под влиянием упоминавшихся выше политических факторов австрийцы сместили свои приоритеты на других поставщиков.⁷⁷

Поэтому все еще может измениться. Немалое значение для России имеет то обстоятельство, что в последнее время Иран все активнее стала поддерживать Турция. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган публично подчеркивает, что без Ирана достаточного количества газа для «Набукко» не будет.⁷⁸ Турки вообще в этом отношении мало внимания обращают на окрики американцев. Иран их ближайший сосед. В Иране успешно работают свыше 5 тысяч турецких фирм с суммарным капиталом более 20 миллиардов долларов. Объем взаимной торговли двух стран составляет 7 миллиардов долларов, а к 2010 году планируется его рост до 10 миллиардов. Иранский газ уже давно приобретает Турцией в объемах свыше 10 миллионов кубометров в сутки.

По данным турецкой государственной компании «Botas», в 2009 году импорт иранского газа в Турцию превысит 9,5 миллиарда кубометров. Аналогичные планы сохраняются вплоть до 2020 года.⁷⁹ Для Анкары поддержка иранского участия в «Набукко» сулит и политические, и экономические выгоды. Первые состоят в том, что Турция в случае успеха этого проекта существенно повысит свой геополитический вес в глазах европейцев, а это может помочь осуществлению давней турецкой мечты – вступлению в ЕС. Экономические же выгоды заключаются в том, что поступления от транзита иранского газа в турецкую казну помогут выровнять дисбаланс в турецко-иранской торговле и уменьшить имеющийся дефицит. Турки еще в июле 2007 года согласились инвестировать 3,5 миллиарда долларов в расширение и модернизацию газовых активов Ирана. При этом запланировано строительство газопровода длиной 2 тысячи километров. То есть фактически речь шла о создании нового турецко-иранского газового альянса.

Мировой финансовый кризис остудил полет не одной фантазии и сдержал осуществление этих планов. Но эта ситуация в среднесрочном плане вполне обратима. Все может измениться, и тогда Иран получит возможность реализовать свои планы превращения в крупного экспортера природного газа. В Тегеране надеются уже к 2015 году поставлять за рубеж свыше 60 миллиардов кубометров газа в год. Конечно, не всем иранским обещаниям нужно верить. Например, есть прогнозы иранских экспертов, что уже в ближайшем будущем Иран будет добывать ежегодно по 210 миллиардов кубометров газа, из которых треть пойдет, якобы, на

внутреннее потребление, треть – на экспорт по трубопроводам, а еще одна треть – на экспорт, но уже в сжиженном виде.

В любом случае европейское направление пока в иранских планах не доминирует. 20 миллиардов кубометров Иран планирует поставлять в Индию, 7 миллиардов – в Пакистан, 2,3 миллиарда – в Армению. Даже с рядом арабских соседей Тегеран заключил контракты на поставки газа: с ОАЭ на экспорт 14 миллионов кубометров в сутки, с Кувейтом – на 8 миллионов кубометров в сутки. Но в случае снятия европейцами своих возражений против участия Ирана в «Набукко», Тегеран вполне способен развернуть свои газовые амбиции в этом направлении.⁸⁰

Строго говоря, иранцы держат в уме еще один козырь. Определенной и весьма неплохой альтернативой трубопроводным поставкам голубого топлива может стать развитие Ираном производства сжиженного природного газа (СПГ). Переговоры об этом ведутся с компаниями «British Gas», «NIOC», «Royal Dutch/Shell». В совокупности речь идет о создании мощностей, способных производить 20,2 миллиона тонн СПГ в год. Иранские эксперты иногда приводят еще более внушительные цифры – 43,7 миллионов тонн в год. Наравне с Катаром Иран в этом случае сможет диверсифицировать свои экспортные поставки, не завися от санкций американцев и их давления на транзитные государства.

Какой рынок сбыта при этом для Тегерана будет предпочтительным, сегодня сказать трудно. С одной стороны - транспортные расходы на такого рода поставки специальными судами (а экономически целесообразно для Ирана размещение заводов по сжижению газа именно на побережье Персидского залива) могут быть минимизированы, если этот газ будет поставляться в тот же Пакистан, Индию или арабским государствам. Но с другой - наиболее высокую цену за иранский СПГ в состоянии платить либо европейские потребители, либо потребители из Японии и Южной Кореи.⁸¹ К тому же в расчетах важнейшее значение будет иметь то, кто построит для Ирана заводы по производству СПГ, кто предоставит соответствующие технологии. Тот, кто это сделает, и будет соответственно иметь приоритет в определении возможных рынков сбыта. В этом отношении – это шанс для России, которым она может воспользоваться, чтобы направить потоки пока гипотетического иранского СПГ в нужном для нее направлении. Правда, с технологиями по сжижению газа у России не все обстоит блестяще. Хотя 18 февраля 2009 года в Южно-Сахалинске был запущен первый в России завод по производству СПГ в рамках проекта «Сахалин-2», построенный при помощи иностранных фирм.⁸² Пока мощность нового производства невелика – около 5 миллиардов кубометров природного газа в год (в газообразном состоянии). В сравнении с экспортом российского газа в 2008 году (174,3 миллиарда кубометров) и даже в сравнении с проектом «Северный поток» (55 миллиардов кубометров) СПГ Сахалина – величина малая.

Еще один шанс для Москвы представляет деятельность в рамках так называемого «газового ОПЕК», начальные соглашения по которому недавно были подписаны в Москве. Эта структура, как резонно отмечают все представители газодобывающих государств, пока не будет аналогом настоящей ОПЕК. В частности речь не идет о мерах координации усилий участников этого объединения по определению цены на экспортируемый ими природный газ. Как не идет речь и о квотировании объемов добычи газа странами, вошедшими в эту структуру. Ведь мирового рынка природного газа на самом деле не существует как некое единого целого. Но вот, что действительно по силам государствам-членам, - это договориться о том, чтобы избежать ненужной конкуренции за конкретные рынки сбыта. Естественно, что такие решения тоже будут непростыми, они явятся плодами определенного компромисса. Иран может поступиться только тогда, когда он что-то

получит от своих партнеров взамен. Но Москва как раз в этом случае может Тегерану предоставить привлекательное «откупное». И не обязательно, в виде поставок различных типов вооружений или оборудования для АЭС.

«Газпром» может стать со-инвестором тех же трубопроводов, ведущих от иранских месторождений в Пакистан и Индию. Такие варианты, кстати, прорабатывались уже давно. 24 мая 2009 года Иран и Пакистан подписали соглашение о строительстве газопровода с месторождения «Южный Парс» в пакистанский город Навабшах. Протяженность иранского участка трубы составит около 1,1 тыс. километров, а пакистанского — свыше 1 тыс. километров. Сообщается, что на начальном этапе Иран будет поставлять Пакистану около 11 миллиардов кубометров в год, затем объем планируется увеличить вдвое. Начало строительства запланировано на сентябрь 2009 года, завершение — на июнь — сентябрь 2014 года. Тем самым этот вариант приближает возможность строительства трубопровода из Ирана в Индию. Российский «Газпром», судя по информации газеты «Коммерсант», уже выразил готовность подключиться к данному проекту, поскольку он уводит иранский газ от проекта «Набукко».⁸³

В любом случае иранские козыри надо отслеживать. Ведь не случайно упоминавшийся иранский дипломат говорил европейцам не только о собственно иранском газе, но и пытался представлять Иран как выгодную транзитную страну. Транзит какого газа Иран при этом имел в виду? Очевидно, что газа из государств Центральной Азии, и главным образом Туркменистана.

Здесь необходимо напомнить, что десять лет назад эта идея уже активно обсуждалась, причем на начальном уровне. В декабре 1997 года компания «Shell» заключила соглашение с правительством Туркменистана о подготовке технико-экономического обоснования проекта доставки туркменского газа через Иран в Европу. От месторождения «Довлетабад», расположенного на юге Туркменистана, недалеко от иранского города Мешхед, газопровод должен был пройти через Горган, Решт к Тебризу и далее в Турцию. В оценках тех лет предположительно стоимость этого газопровода могла составить 7,6 миллиардов долларов.

В 1998 году по вопросам трубопровода «Туркменистан – Иран – Турция – Европа» был подписан меморандум о взаимопонимании между правительством Туркменистана и компанией «Shell», по которому последняя должна была осуществить строительство. Предполагаемые объемы поставок туркменского газа по данному проекту трубопровода уже к 2005 году должны были составить 23 млрд. кубометров, а к 2010 году – 30 млрд. кубометров. Однако вскоре проект был заморожен, не в последнюю очередь в силу принятия в США известного акта (поправки) д'Амато, запретившего компаниям с американским капиталом (Вашингтон фактически пытался распространить действие этой нормы на все компании, в том числе зарубежные) участвовать в проектах, как-либо связанных с ТЭК Исламской Республики Иран. С тех пор этот дорогостоящий проект не рассматривается Ашхабадом как перспективный. Но сейчас Иран, как мы видим, готов его реанимировать.

Поэтому иранцев Москве надо иметь в числе своих друзей, а не конкурентов, а тем более противников. 15 марта 2009 года был подписан меморандум о сотрудничестве между российскими и иранскими газодобывающими структурами. Иранцы согласились проработать схему, по которой Россия будет поставлять природный газ на север Ирана в обмен на аналогичные объемы иранского газа на юге этой страны. Кроме того России предложено принять участие в строительстве мощностей по СПГ на месторождении «Южный Парс». Эта схема позволит России открыть для себя новые рынки сбыта газа в арабском мире и в Южной Азии. А один из наиболее вероятных вариантов поставок газа на север Ирана проходит как раз

через Азербайджан. С советских времен существует магистральный газопровод, ведущий от населенного пункта Ширвановка в России через Моздок в азербайджанский населенный пункт Кази-Магомед. Проектная мощность этой трубы составляет 13 миллиардов кубометров в год, но реально состояние этой трассы позволяет прокачивать только 7 миллиардов кубометров. А из Кази-Магомеда существует труба в Иран, которая ведет через Астару в иранский населенный пункт Бинд-Бианд. Этот трубопровод использовался в советское время для импорта иранского газа. Его проектная мощность составляет 10 миллиардов кубометров в год, но реальная сегодня пропускная способность ниже – только 5 миллиардов.⁸⁴ По этой трассе Азербайджан уже прокачивал свой природный газ в Иран по ценам в 2-4 раза выше, чем тот, что экспортируется Баку в Грузию и Турцию. Таким образом, участие России в новой схеме газовых поставок может быть выгодной Баку, поскольку принесет ему как доход от транзитных услуг, так и прибыль от экспорта своего газа в иранском направлении.

В данном направлении уже сделаны необходимые шаги. Руководство Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики (ГНКАР) и российский концерн «Газпром» 27 марта 2009 года подписали меморандум о взаимопонимании. Этот документ предусматривает, что стороны приступят к переговорам о поставках газа в Россию из Азербайджана с началом поставки с января 2010 года. В связи с этим потенциальным экспортным обязательством в ближайшее время будет проведена техническая инспекция 228-километрового участка трубопровода, идущего из Баку в Дагестан (Ново-Филя). Трубопровод, простаивавший с 2007 года, способен транспортировать до 8 миллиардов кубометров газа в год.⁸⁵ В конце мая 2009 года появились сообщения, что переговоры между Россией и Азербайджаном о поставках газа успешно продвигаются.⁸⁶ Министр промышленности и энергетики Азербайджана заявил, что его страна может заключить с Россией соглашение по поставкам газа на 20-30 лет.⁸⁷

Все эти обстоятельства лишней раз делают европейский проект «Набукко» лишь сугубо политической инициативой, а не реальной экономической перспективой.

Попытки же сделать частью «Набукко» так называемый Транскаспийский газопровод чрезвычайно опасны для экологии Каспия. Столь же опасны для экологии и проекты прокладки по дну Каспия нефтепроводов и резкое усиление танкерного судоходства, равно как и сама добыча углеводородов на этом водоеме.

Уже сейчас прибрежные зоны Каспия и его воды довольно существенно загрязнены нефтью и нефтепродуктами. В особенности этим отличается азербайджанское побережье и в первую очередь города Баку и Сумгаит. По данным азербайджанского ученого Касимова концентрация нефтепродуктов в водах этих районов достигла 427 мг/л, то есть превышение нормы просто колоссальное - до 8540 ПДК! Эти районы, не только полностью утратили свое рыбохозяйственное значение, но ситуация в них приобрела характер биологической катастрофы.⁸⁸

Негативную лепту вносят в окружающую среду и газовые выбросы на морских и прибрежных месторождениях. На сегодня нормативными документами официально разрешено сжигать попутный газ при опытной и опытно-промышленной эксплуатации месторождений, которая длится порой годами. При этом ежегодно в атмосферу поступает до 750 миллионов кубометров углеводородных газов, оксидов углерода, серы, азота.

Большую опасность таит в себе естественный подъем уровня Каспийского моря, который наблюдается в последние годы.⁸⁹ При этом происходит затопление прибрежных месторождений, а это 28 действующих промыслов. Подъем уровня моря на 2,5 м, произошедший с 1978 года, привел к затоплению почти 800 скважин,

которые были наспех законсервированы. Как результат этих катастроф – гибель огромного количества рыбы и более 50 тысяч голов каспийского тюленя.

Реально происходит неконтролируемый сброс нефти и нефтепродуктов с морских промыслов и прилегающих промышленных предприятий. Особенно этим грешат азербайджанские нефтяники. Так, в городе Сумгаите, где расположено более 115 промышленных предприятий нефтяного профиля, ежегодно в Каспий сбрасывалось почти 400 миллионов кубических метров сточных вод, а в настоящее время – до 130 миллионов кубических метров. Не удивительно, что прибрежная акватория сильно загрязнена нефтепродуктами, фенолами, СПАВ (поверхностно активными веществами) и другими высокотоксичными веществами.⁹⁰

Осетровые, равно как и многие другие живые обитатели Каспийского моря испытывают сильнейший техногенный прессинг. Они не в состоянии привыкнуть к нефтяному и прочим видам загрязнений. Легкие фракции нефти, растворяясь в воде, губят планктон, а тяжелые, оседая на дно, уничтожают кормовую базу рыб. Поэтому не случайно, что численность осетровых в Каспийском море резко сократилась.

Исследования показывают, что даже при низких концентрациях нефти в воде уже происходит нарушение физиологического состояния рыб. Концентрации в 6-10 ПДК вызывают снижение темпа роста. У осетровых регистрируется расслоение мышц (миопатия), ослабление оболочки икры. Такая икра уже не может оплодотворяться, и рыбы теряют репродуктивную способность. Углеводороды, растворенные в воде, разрушают жабры, при этом нарушается водосолевой обмен и процессы дыхания, воздействуют на нервно-мышечную систему, снижают чувствительность организмов к химически опасным веществам.

Снижается поголовье рыб и за счет нефтяной плёнки, покрывающей поверхность моря. Икринки многих рыб развиваются в поверхностном слое. При концентрации нефти в морской воде в количестве 0,1-0,01мл икринки погибают за несколько суток. На 1 гектаре морской поверхности могут погибнуть более 100 миллионов личинок при наличии нефтяной пленки, а чтобы её получить, достаточно вылить всего 1 литр нефти. Нефтяная плёнка мешает рыбным малькам сделать глоток воздуха, чтобы заполнить свой плавательный пузырь.

Опыт разведки и разработки месторождений в Северном море и Мексиканском заливе показывает, что влияние сбросов и сливов с буровых платформ при «нормальном» режиме их функционирования может распространяться до 12 километров от места бурения, а с одной скважины в год поступает в море в среднем до 0,55 миллионов кубических метров всевозможных отходов. В местах морской нефтедобычи площадь кочующей нефтяной плёнки порой превышает десятки квадратных километров. В условиях мелководного Северного Каспия последствия таких загрязнений могут быть катастрофическими.

Многие нефтяные компании не выполняют своих обязательств. Так компания «Аджип ККО», работающая в казахстанском секторе, в десять раз меньше вкладывает средств в природоохранные мероприятия, чем это запланировано проектом. В то же время резко наращивает объемы буровых работ в море.⁹¹ Многие природоохранные мероприятия декларируются нефтяными компаниями из года в год и остаются на стадии объявления намерений. В Атырауской области Казахстана, примыкающей к Каспию, только на полигонах «Узеньмунайгаза» по состоянию на начало 2006 года было размещено свыше 445 тысяч тонн замазученного грунта и нефтешламов.

Даже сам факт наращивания судоходства, в том числе танкерного на Каспии приводит к негативному воздействию на экосистему. На Каспии не существует современных систем очистки и утилизации так называемых балластных вод, а

последние загрязнены, в основном дизельным топливом. Эти воды просто сливают в акваторию Каспия. Кроме того, вместе с такими балластными водами нефтяных танкеров и сухогрузов из Черного моря в акваторию Каспия были занесены так называемые «вселенцы» - чужеродные виды морских обитателей, в частности гребневик мнемнопсис – разновидность медузы. Они активно размножаются на Каспии, подрывая кормовую базу одного из объектов питания осетровых рыб – каспийской кильки. Экологи полагают, что массовая гибель каспийской кильки, уничтожившая до 40% ее популяции, произошла в том числе и из-за вторжения таких чужеродных видов. Ученые полагают, что это явление создает новый, особый вид угрозы биологии Каспия.

Рост же танкерного судоходства, как свидетельствует мировая практика, часто приводит к крупномасштабным экологическим катастрофам, которые в условиях замкнутого водоема, каковым является Каспий, могут привести к поистине трагическим последствиям. Например, разлив нефти из танкера Exxon Valdez в 1989 году, когда в морскую среду попало от 11 до 30 миллионов тонн нефти, привел к ущербу, оцененному почти в 5 миллиардов долларов. Тогда, несмотря на экстренно принятые меры, загрязнение воды и побережья распространилось на расстояние 470 морских миль (то есть около 900 километров). Причем в регионе этой катастрофы даже сегодня, спустя два десятилетия, так и не восстановилась популяция сельди.⁹²

На Каспии же только руководство казахстанских компаний по перевозкам нефти утверждает, что по их оценкам к 2015 году им потребуется до 89 судов для поддержания всех нефтяных операций. Между тем на Каспии уже имели место потери судов, перевозивших нефть. Так, 22 октября 2002 года в сотне километров к востоку от Баку затонул принадлежащий Каспийскому морскому пароходству (Каспару) Азербайджана паром «Меркурий-2», шедший из Актау в Баку с 16-ю железнодорожными цистернами с казахстанской нефтью. Суммарно эта нефть составляет почти 1 тыс. тонн, но сюда же следует прибавить дизельное топливо в топливных резервуарах судна. Хотя судно затонуло на глубине 140 метров, работы по его подъему не планируются, и поэтому коррозия делает свое дело: со временем токсичная нефть и топливо попадет в Каспий.

Огромную опасность для популяции осетровых рыб представляют собой и планы прокладки по дну Каспийского моря мощных трубопроводов. Осетровые породы рыб отличаются гиперчувствительностью к акустическому воздействию. Проектируемые подводные трубопроводы как раз станут источником сильного виброакустического поля, которое, особенно на неглубоких участках моря, может служить непреодолимым барьером для миграции осетра. Эта ситуация приведет к тому, что осенью осетровые рыбы не сумеют уйти из вод Северного Каспия, хотя температура здесь к зиме в состоянии опуститься до +4 градусов Цельсия. В итоге отрезанная проложенной по дну трубой от теплого и богатого кормом Южного Каспия, немалая часть популяции осетровых неизбежно обрекается на гибель. Аналогично тот же барьер встанет весной на пути миграции рыб в дельту Волги на свои естественные нерестилища.

Подводные трубопроводы несут с собой и другие риски. На Каспии нередки такие явления как подводные оползни. Максимальный перепад глубин на отрезке между восточным и западным берегами Каспийского моря (то есть на трассе проектируемых трубопроводов) составляет 790 метров. Тем самым существует серьезная угроза возникновения оползневых явлений, способных смести трубопроводные магистрали. Стоит упомянуть о том, что дно Каспийского моря – это отнюдь не твердый грунт. В большинстве случаев это – рыхлые, неуплотненные породы, которые способствуют образованию оползней. Вызвать же сами оползни

могут те же подводные землетрясения, которых ежегодно фиксируются на Каспии до одной тысячи только силой до 3 баллов по шкале Рихтера, а слабые толчки исчисляются многими тысячами. Наконец, нельзя исключать того, что подводные трубопроводы станут объектом посягательства со стороны террористов, уберечь от которых подводные магистрали крайне сложно.

Экологи считают, что нынешнее скрытое и медленно действующее хроническое загрязнение Каспия приводит к необратимым нарушениям на популяционно-генетическом уровне, которые в полной мере проявятся через 20-30 лет.

Проект Прикаспийского газопровода

Подобные экологические риски отсутствуют при проработке еще одного транспортного проекта из Каспийского региона – так называемого Прикаспийского газопровода. Его началом и основной ресурсной базой первоначально по замыслу разработчиков должен был выступать западный Туркменистан.

Сдерживающим фактором развития Туркменистана служила на протяжении первой половины 90-ых годов XX века тотальная зависимость Туркменистана от магистрального трубопровода «Средняя Азия – Центр», только лишь по которому природный газ, пересекая границы Узбекистана и Казахстана, мог попадать в Россию и далее к потенциальным его потребителям. Фактически разработка крупных месторождений газа, таких как «Малай», «Шатлык», «Довлетабад», расположенных на востоке, юго-востоке и юге республики, была ориентирована исключительно на загрузку северного газопровода. Диверсифицировать же экспорт «голубого топлива» долгое время не удавалось из-за отсутствия необходимых и весьма немалых средств на прокладку новых газопроводов.

Ситуация еще более осложнялась тем, что северный маршрут был не только единственным, но и недостаточно доходным в силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств. Единственными действительно платежеспособными потребителями в тот период были западноевропейские страны. Основными потребителями туркменского газа за пределами стран СНГ были Германия, Италия, Австрия и Чехия. Но прежде чем туркменский газ мог попасть к ним, его стоимость значительно увеличивалась за счет транзитных тарифов, которые были достаточно высоки. Например, по территории Узбекистана и Казахстана они составляли 1,5 доллара за прокачку 1000 кубометров на 100 километров, а по территории России и Украины и того выше – 1,75 доллара за 1000 кубометров на 100 километров. В условиях взимания таких тарифов, с одной стороны, для Туркменистана было принципиально важным, чтобы отпускные цены на его северной границе с Узбекистаном были как можно высоки. А именно этого долгое время Ашхабаду не удавалось добиться, в частности, именно из-за позиции российского РАО «Газпром», незаинтересованного в ограничении собственных экспортных возможностей без получения дополнительных прибылей.⁹³ С другой стороны, высокие тарифы создавали дополнительные трудности в оплате за туркменский газ его потребителями.

Дело в том, что мировые цены на природный газ в начале 1990-х гг. не были столь высокими (правда, для Туркменистана плюсом было уже то, что отпускные цены стали ориентироваться на мировые, что уже означало их повышение по сравнению с плановыми расценками советского периода). Природный газ до самого последнего времени не являлся биржевым товаром⁹⁴, таким, как, например, нефть, хлопок или золото. То есть его нельзя продать на мировом рынке по мировым ценам и в сжатые сроки. Кроме того, основными потребителями туркменского природного

газа были как раз не страны Западной Европы, а государства СНГ, в частности Украина, Грузия, Армения и Азербайджан. В силу поразившего их экономического кризиса они не могли расплачиваться за туркменский газ не только полноценной, свободно конвертируемой валютой, но и, зачастую, даже товарами по бартеру. В результате все эти государства оказались должны Туркменистану за поставки газа немалые суммы. Само собой разумеется, что страны-должники не были заинтересованы и в повышении цены на туркменский газ (реально номинальные цены на туркменский газ, поставляемый в эти страны, составляли не более 60% от мировой цены).

Россия же по этой проблеме занимала аналогичную позицию. Она также сталкивалась с некредитоспособностью потребителей ее газа из числа стран СНГ, причем в гораздо больших масштабах, чем Туркменистан. Более того, проблемы с оплатой за российский газ у Москвы регулярно возникали и со странами Восточной Европы. В этих условиях ведущая российская газовая компания – «Газпром» - считала нецелесообразным давать зеленый свет пропуску туркменского газа по трубопроводам в Европу, так как это явно уменьшало возможности самой России продавать собственный газ на европейском рынке. Надо сказать, что похожие разногласия о поставках природного газа у России были не только с Туркменистаном, но и с Казахстаном, когда последний претендовал на прокачку своего газа с месторождения «Карачаганак».⁹⁵ Тем не менее, следует признать, что руководство «Газпрома», воспользовавшись своей монополией на трубопроводы, сознательно не стало искать путей к компромиссу с Ашхабадом, а пошло по пути давления на Туркменистан.

Необходимо отметить, что магистральный газопровод «Средняя Азия – Центр» был построен в 70-80-е годы XX века. Он представлял собой пять ниток трубопроводов диаметром 1220-1420 мм. Трубопроводы, как и любая сложная инженерная система, со временем стареет и требует ремонта. Причем это старение зачастую не уменьшается, а лишь усиливается в периоды «простоя трубы». По имеющейся информации, в полностью рабочем состоянии находилась лишь часть ниток данного газопровода.⁹⁶ Ремонтные же работы как раз и требовали дополнительных средств, которых не было из-за бесконечных споров между Туркменистаном и российскими газовиками.

В силу ряда причин, в том числе и из-за наличия трений в отношениях Туркменистана и Узбекистана, а также активизации намерений со стороны Казахстана и Узбекистана прокачивать свой газ по действующему трубопроводу, Ашхабад стремился в будущем найти маршрут транспортировки своего газа в Россию, минуя территорию Узбекистана. Традиционно маршрут трубопровода Средняя Азия – Центр пересекал туркмено-узбекскую границу, на линии которой и определялась цена за поставляемый газ. Именно в апреле 2003 года была достигнута договоренность между Туркменистаном и Россией о строительстве нового варианта маршрута газопровода – из Западного Туркменистана в Россию через территорию Казахстана (его в литературе именуют Прикаспийским газопроводом). Сообщалось, что его мощность может составить 30-40 миллиардов кубометров в год, протяженность – 1070 километров, а стоимость строительства – около 1 миллиарда долларов. С проектом Прикаспийского газопровода тогда ничего не получилось в частности из-за того, что принципиально не была решена другая проблема. На западе Туркменистана до настоящего времени отсутствуют находящиеся в стадии промышленной добычи месторождения, которые могли бы своим газом заполнить новый трубопровод. На момент достижения договоренностей с Россией (2003 год) в этом регионе Туркменистана добывалось всего около 6 миллиардов кубометров газа. Внутриреспубликанских же газопроводов, по которым

газ можно было бы прокачивать с месторождений востока и юго-востока Туркменистана, не построено, хотя их проекты существуют. Причем последние создавались не только ради Прикаспийского, но и для Транскаспийского газопровода, что делало ситуацию весьма щекотливой для российских инвесторов.

Интересно отметить, что проектом Прикаспийского газопровода интересовалась и Украина. В 2003 году СМИ сообщали, что Киев даже согласился в обмен на гарантии продолжения поставок туркменского газа построить казахстанский участок Прикаспийского газопровода. Схожие заявления были сделаны и в 2005 году в ходе длительных препирательств между Ашхабадом и Киевом вокруг условий поставок газа на Украину.

Примечателен также и другой важный аспект: исходя из сложившейся практики отношений в газовой сфере между Россией и Туркменистаном, очевидно, что Ашхабад пытается, вовлекая Москву в проект Прикаспийского газопровода, решить одновременно совершенно другую, преимущественно политическую проблему. Ведь участие России в этом проекте предполагает активизацию деятельности российских компаний на туркменском шельфе Каспия, с месторождений которых Ашхабад и предполагает получать газ для заполнения новой трубы. А это, в свою очередь, можно расценить, как попытку получить Россию в союзники в давнем споре о том, как делить спорные участки Каспия между Туркменистаном и Азербайджаном.

Поэтому трудно сказать: был ли проект Прикаспийского газопровода в тот период действительно в ближайших планах «Газпрома», или компания пошла на данные договоренности только ради нейтрализации и ослабления попыток Ашхабада выйти со своим газом на мировые рынки в обход России. В любом случае обращает на себя внимание то обстоятельство, что «Газпром» постарался убедить Ашхабад в своей готовности закупать максимально большие объемы туркменского газа. Для этого, в частности, и был составлен приведенный выше график роста поставок туркменского газа. Ведь он был формально сформирован с расчетом, чтобы по мере истечения сроков ранее подписанных Ашхабадом контрактов, высвободившиеся экспортные объемы газа переходили «Газпрому». Но, хотя «Газпром» и стремился к монопольному контролю экспортных поставок туркменского газа, в тексте самого соглашения такая позиция не была четко зафиксирована. Наоборот, текст соглашения содержал норму о том, что российско-туркменские договоренности не затрагивают прав и обязанностей сторон по иным международным договорам, участниками которых они являются.

12 мая 2007 года Россией, Туркменистаном и Казахстаном была принята совместная декларация о строительстве нового Прикаспийского газопровода, а несколько позднее, с участием данных стран и Узбекистана – также решение по реконструкции существующей газотранспортной системы «Средняя Азия – Центр», предусматривающее создание новых мощностей по транспортировке среднеазиатского голубого топлива в Россию. 20 декабря 2007 года в Москве договоренности по Прикаспийскому трубопроводу были конкретизированы и зафиксированы в соответствующем межправительственном соглашении.⁹⁷

Прикаспийский проект в новом виде предполагает строительство газопровода от компрессорной станции «Белек» на территории Туркменистана до газоизмерительной станции «Александрой Гай» на российской территории. Одновременно должна быть осуществлена реконструкция существующих газопроводов «Окарем - Бейнеу» и «Средняя Азия – Центр». При этом упомянутое соглашение предполагало транспортировку 10 миллиардов кубометров туркменского и такие же объемы казахстанского газа ежегодно.

В итоге объемы поставок газа из Центральной Азии в Россию могли предположительно вырасти на 20-30 миллиардов кубометров. По имеющимся данным, летом 2008 года была достигнута договоренность об увеличении мощности Прикаспийского трубопровода до 30 миллиардов кубометров.⁹⁸

После объявления планов строительства Прикаспийского трубопровода борьба за нефтегазовые ресурсы Туркменистана резко обострилась. В ход шли как дозволенные, так и явно недозволенные приемы. Ашхабад за это время посетили десятки различных делегаций разного уровня из США и разных государств Западной Европы. Их представители склоняли нового лидера – Бердымухамедова к присоединению к другому маршруту поставок природного газа на европейский рынок – Транскаспийскому газопроводу. Расчет при этом делался на то, чтобы внушить туркменскому руководству идею выгоды прокладки альтернативных российскому направлению трубопроводов.

Власти Туркменистана постарались извлечь для себя максимально возможные выгоды от обострившейся конкуренции за направления поставок туркменского газа. Так, к визиту в Москву в марте 2009 года президента Туркменистана было подготовлено соглашение о строительстве газопровода из восточного Туркменистана на запад, - в район, откуда должен был начинаться Прикаспийский трубопровод. Это обстоятельство наглядно подтверждало то, что необходимых ресурсов природного газа в западном Туркменистане для заполнения новой трубы на север не было. Основной район газодобычи в Туркменистане – это восточные и юго-восточные регионы республики. Соглашение о новом трубопроводе не удалось подписать в Москве. Это обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что проблема новых транспортных проектов и далее будет оставаться в центре острых дебатов и столкновений разных позиций.

Полет фантазии: от льдов Арктики к жаркой Аравии

Последним из рассматриваемых нами транспортных проектов выступает, пожалуй, самый грандиозный проект: план соединения Северного Ледовитого и Индийского океанов. По форме существуют умеренные⁹⁹ и явно радикальные варианты этого проекта. В наиболее концептуально оформленном виде эта идея оформилась в окружении мэра Москвы Ю.М.Лужкова. Так, академик Международной академии информатизации, доктор экономических наук, эксперт аппарата мэра Москвы Д.М. Рыскулов 20 ноября 2008 года на проходившей в столице Узбекистана международной научной встрече, посвященной инновационным проектам, презентовал доклад «Трансазийский коридор развития». Под этим термином авторы проекта подразумевают строительство «мощной транспортной артерии в виде судоходного канала, скоростной автомагистрали и железной дороги от полуострова Ямал до Каспия, а далее – до Персидского залива».¹⁰⁰

Впрочем, проекты отдельных и при этом достаточно крупных участков такого гипотетического маршрута в качестве самостоятельных проектов существовали и ранее. Так, например, есть сведения, что проект соединения судоходным каналом Каспийского моря с Персидским заливом появился еще в конце XIX столетия в России. И в XX веке к ней не раз возвращались, в частности, в период Второй мировой войны. Во время советской оккупации Северного Ирана в рамках действовавших международных договоренностей московские власти рассматривали вариант строительства такого канала с целью доставки грузов союзников по

* Одна из околонучных, помпезно названных структур России, ничего общего не имеющая с Российской Академией Наук

антигитлеровской коалиции в СССР. Сроки при этом обсуждались явно нереальные: строительство предлагали завершить в 1943-1945 году.¹⁰¹

В 1990-ых годах идея строительства такого канала озвучивалась и иранцами. Министр дорог и транспорта Ирана Акбар Торкан в газете «Кейхан» заявил, что Иран уже в ближайшие годы начнет строительство судоходного канала, протяженностью свыше 1800 километров, ради обеспечения транспортной независимости этой страны. Со слов иранского министра, проект канала иранцами был подготовлен еще в 1970-ые годы по указанию последнего шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви.¹⁰²

Насколько иранские планы действительно отражают реальные намерения руководства данной страны, сегодня сказать затруднительно. Пока достаточных и убедительных фактов в пользу этого не существует. А вот активность сторонников прокладки канала от р. Обь в Центральную Азию не ослабевает. Упомянутый выше проект совершенно не случайно презентовал эксперт, близкий к мэру Москвы Ю. М. Лужкову.

Московский градоначальник достаточно давно выступает за реализацию сомнительного и при этом весьма финансово затратного проекта. Речь идет о планах переброски части стока сибирских рек России в Центральную Азию, а точнее в регион Приаралья. Даже в таком виде правомерно рассматривать этот проект как транспортный, поскольку речь идет о поставках одного из ресурсов, который Лужков рассматривает как товар, - воды. Варианты же использования канала как судоходной трассы, надо полагать, призваны дополнительно усилить весомость предложенного проекта. Лужков активно пропагандирует свою идею, проводит международные конференции, снимает телефильмы и даже выпустил книгу на данную тему, в которой, впрочем, не приводит ни одной ссылки на источники выдвинутых им утверждений.¹⁰³

Современная Центральная Азия испытывает явный дефицит водных ресурсов, что уже не раз становилось причиной острых межгосударственных трений.¹⁰⁴ Причин этого много, но мы остановимся только на части из них. Чаще всего современные авторы ссылаются на потепление климата,¹⁰⁵ что вызывает активное таяние ледников в горах Таджикистана и Киргизии и, как следствие этого процесса, - сокращение стока основных рек Центральной Азии – Амударьи и Сырдарьи. Несомненно, что эти обстоятельства вносят свой вклад в то, что над регионом Центральной Азии, уже замаячил призрак эколого-социального катаклизма, по своим последствиям чем-то похожего на наступление исторического ледникового периода в Северной Европе. В том смысле, что последствия такого катаклизма могут радикально повлиять на всю сложившуюся за последние несколько тысяч лет социально-экономическую структуру жизнедеятельности местного населения.

Вода, и особенно питьевая вода, - это важнейший и необходимый ресурс развития цивилизации. Нехватка воды в ряде регионов нашей планеты (например, - в центральных районах Африки и Австралии) привела к тому, что в этих местах не было возможности продуктивно развивать цивилизацию. И сельское хозяйство, и промышленность, и бытовой сектор, и даже энергетика нуждаются в больших объемах воды. Известный и самый авторитетный российский эксперт в этом вопросе – член-корреспондент Российской Академии Наук Данилов-Данильян утверждает, например, что для производства одной тонны стали требуется 20 кубометров воды, для производства 1 тонны бумаги – уже 200 кубометров, 1 тонны химического волокна и того больше – порядка 4 тысяч кубометров.¹⁰⁶ Стандартный блок мощностью 1 миллион кВт требует не менее 1 кубического километра воды в год, а аналогичный по мощности блок АЭС (например, - типа ВВР-1000) потребляет 1,6

кубических километров в год. Причем в атомной и тепловой энергетике не менее 30% потребляемой воды при этом теряется безвозвратно.

Человечество развивалось, лишь увеличивая потребление воды. Не была исключением и Центральная Азия. Особенно это заметно на примере Аральского моря. Антропогенный фактор – резкое увеличение орошаемого земледелия за исторически короткий период – меньше, чем за одно столетие, чуть не загубили этот водоем. В середине прошлого века уровень Аральского моря находился на отметке 53,4 метра, объем воды в нем составлял 1064 кубических километра при площади зеркала воды 66 тысяч квадратных километров. За счет стока Сырдарьи и Амударьи Арал ежегодно получал около 56 кубических километров воды. Такие объемы воды позволяли Аралу играть роль и транспортной артерии, и рыбохозяйственного водоема. Немалое воздействие Арал имел и на климат Центральной Азии. Но уже к 1994 году уровень воды в море сократился до отметки 32,5 метра, объем – стал менее 400 кубических километров, а площадь зеркала воды – всего 32,5 тысячи квадратных километров. Одновременно резко – в два раза выросла минерализация воды (с 10 до 40 грамм на литр), что, естественно, негативно повлияло на условия обитания в нем живых организмов. Море практически разделилось на два остаточных озера, а береговая линия отступила в ряде случаев на 120 километров от привычной кромки.¹⁰⁷

Все это произошло главным образом как следствие неразумно излишнего забора воды. Численность населения региона после окончания Гражданской войны и коллективизации при советской власти перестала регулироваться такими обстоятельствами как высокая смертность от эпидемий, голода или войн. В итоге социальных преобразований главным образом коммунистов население того же Узбекистана за время после его вхождения в состав России выросло в 6,5 раз. Демографический же рост сам по себе ведет к увеличению потребления воды. По оценкам ООН, минимальное количество воды, которое требуется на каждого человека для питья, гигиены и выращивания продуктов питания составляет 1 тысячу кубических метров в год. Этот объем образно можно представить в виде 2/5 объема олимпийского плавательного бассейна.¹⁰⁸

Индустриализация, кроме того, открывала возможность использования воды из тех источников, которые по разным причинам, в том числе из-за рельефа местности, ранее были недоступны. В итоге регион Приаралья покрылся густой сетью каналов. Только в среднем течении Амударьи были построены Каракумский, Каршинский, Амубухарский каналы, каждый со своей системой водохранилищ. Оросительные системы от Келифа до Тьюмюна забирали воду еще из десятка каналов. В низовьях же Амударьи по обеим ее берегам были созданы крупные системы каналов: Ташсака, Пахтаарна, Клычниязбай, Ургенч-Октябрь-арна, Хан-яб, Кызкеткен, Суэнли. Забор воды тем самым увеличился многократно.

В 50-ые годы прошлого века в строительстве каналов не видели большой беды, наоборот, считалось, что Арал бесполезно испаряет воду впадающих в него рек. Зерно же и хлопок были нужны. В результате только с 1960 по 1990 годы площадь орошаемых земель в Аральском регионе увеличилась в 1,5 раза: с 4,5 до 7 миллионов гектар, а забор воды – с 60 до 120 кубических километров в год. Большая часть забора воды – до 90% использовалась именно на орошение.

Ставка на форсированное развитие сельского хозяйства образовала клубок сочлененных и одновременно весьма трудноразрешимых проблем. Например, Узбекистан изо всех сил старался получать максимально возможные урожаи. Для этого в почву вносились огромные дозы минеральных удобрений, активно использовались пестициды. Интересно отметить, что в этом отношении Узбекистан даже лидировал в СССР. Если в 1965 году в этой республике вносили в среднем 147

килограмм удобрений на гектар, то в 1987 году – уже 306 килограмм. А в Советском Союзе в том же 1987 году средний уровень использования удобрений составлял 122 килограмма на гектар. В итоге в почвах Узбекистана были накоплены огромные количества солей. Вкупе с остатками пестицидов и солями, обнажившимися на осушенном дне Аральского моря, они образовывали чрезвычайно опасный коктейль. Ведь ежегодно с территорий, где ранее плескались волны Арала, ветер разносил по региону 100-130 тысяч тонн этих химических веществ.¹⁰⁹

Это обстоятельство лишь осложнило другую тенденцию. Дело в том, что забираемая из центральноазиатских рек вода для полива сельскохозяйственных угодий на самом деле использовалась далеко не эффективно – по экспертным оценкам не более чем на 40%. Около 30% поливной воды проникало в грунтовые воды, что, в свою очередь, активизировало процессы вымывания и подъема на поверхность запасов грунтовых солей. Дренажные стоки засаливались, резко увеличилась площадь засоленных орошаемых земель. Ныне она достигает 45%. А это, применительно к Узбекистану, означает, что поливная вода требуется аграриям этой республики не просто для полива растений в период их вегетации. Беда в другом: засоленные почвы требуют обязательной интенсивной промывки, но даже после этого урожайность на таких полях на 20-30% оказывается ниже расчетной. Между тем многие сельскохозяйственные культуры, характерные для Центральной Азии, как раз требуют серьезных объемов воды для своего выращивания. Так, для того, чтобы вырастить тонну зерна в среднем требуется порядка 3,2 тысяч кубометров воды, тонны хлопка – 12 тысяч кубометров, а тонны риса – 30 тысяч кубометров. Для производства той же одной пары хлопковых джинсов, которые, кстати, освоил Туркменистан, требуется 11 кубометров воды, что примерно равняется объему одной автоцистерны.¹¹⁰

В результате власти региона сталкиваются с подлинным кошмаром: население растет, обеспечить его новыми рабочими местами в промышленности и сфере услуг возможности нет, а в сельском хозяйстве попытки получить прирост продуктов питания также наталкиваются на препятствия, о которых было сказано ранее.

Отсюда понятно, почему постоянно возникают планы решить эту сложную проблему путем тривиальной переброски российских сибирских рек в Центральную Азию. Для Узбекистана, в меньшей степени – для Казахстана, и еще в меньшей – для Туркменистана эти проекты сулят гипотетический вариант некой «волшебной палочки», которая вроде бы поможет снять остроту проблемы нехватки воды. Да только на самом деле это – иллюзия, причем особенно опасная именно для российских интересов.

Начнем с того, что проект переброски западносибирской воды предусматривает ее отвод от точки на реке Обь вблизи от Ханты-Мансийска. Канал отсюда в регион Приаралья не может не быть поистине циклопическим сооружением, а, следовательно, и крайне дорогим. Четверть века назад в бытность СССР этот проект уже обсуждался. Тогда протяженность канала должна была составить 2550 километров, его ширина – 200 метров, глубина – 16 метров. Эти параметры позволили бы, по мнению авторов проекта, осуществлять переброску 27,2 кубических километров воды в год. При этом стоимость канала, по тем документам, которые были представлены проектировщиками в Госплан СССР в 1983 году, составляла даже по тем временам колоссальную величину – 16 миллиардов долларов. Экспертиза же советского Госплана признала, что эта оценка была занижена в два раза.¹¹¹

Все знают: как и кто зачастую строил каналы и дороги в СССР. Сейчас этой дешевой рабочей силы нет, существенно выросли и цены на строительные

материалы, технику. Сегодня придется выполнять экологические требования, которые тоже сильно удорожают строительство. Наконец, за четверть века инфляция внесла свои коррективы в оценку стоимости этого проекта. Упомянувшийся нами Данилов-Данильян утверждает, что в нынешних ценах строительство такого канала составит минимум 220 миллиардов долларов. Так может ли себе позволить Россия, особенно в условиях непростой мировой экономической конъюнктуры, такие траты? Некоторые российские политики, в том числе и мэр Москвы, утверждают, что может. При этом они мотивируют эту часть своей позиции тем, что мы, мол, сможем с выгодой для себя торговать водой.¹¹² Да только так ли это? Что-то не видно, чтобы в Центральной Азии был налажен механизм торговли водой, хотя разговоры о нем идут не первое десятилетие. Да и нет никаких весомых средств у Узбекистана на закупку сибирской воды. В итоге, окажется, что Россия понесет огромные затраты на возведение канала, а в итоге не получит никакой ожидаемой прибыли. Правда, прибыль уже успеют к тому времени «распилить» многочисленные подрядчики, которые алчут начала строительства.

Есть еще один аргумент, который активно используют сторонники строительства канала: он, мол, «геополитически привяжет» Центральную Азию к России. Интересная позиция: индустриализация за все годы существования СССР, многие сотни разных промышленных и прочих объектов не предотвратили дезинтеграцию, а один канал, как по волшебству, решит эту проблему. Ну не иллюзия, ли это?

Но с нашей точки зрения, главное даже не в этом. Россия не может себе позволить транжирить свои национальные богатства, которые на самом деле не так уж беспредельны. У нас с водой обстоят дела далеко не так, чтобы мы могли ее раздавать направо и налево. Обский бассейн, из которого планируют забирать воду для Центральной Азии – не исключение. Водные ресурсы Оби истощаются. Если ранее минимальный размер водоохранной зоны Оби составлял 4 километра, то ныне по нашему законодательству, принятому в угоду пользователям, – только 200 метров.¹¹³ Кстати вода Оби уже, увы, далеко не отличается кристальной чистотой. Например, в районе Сургута содержание ионов меди в реке составляет свыше 1,3 тысячи ПДК. В Ханты-Мансийском округе и в Томской области от 40 до 90% питьевой воды не соответствует санитарным нормам. Велико и микробиологическое загрязнение обской воды: уровень заболеваемости населения описторхозом – болезнью, которой сначала поражаются рыбы, а затем и употребляющие их в пищу люди, в районах на притоке Оби – Чулыме достигает 95%.¹¹⁴ Вот куда надо направлять усилия российского правительства. Проект же переброски сибирских рек, по мнению многих экспертов, способен лишь усилить процесс засоления почв Центральной Азии.¹¹⁵

Нельзя не затронуть также еще один аспект. Лелея планы переброски воды из Оби, не худо бы вспомнить и о проблеме ее притока Иртыша. С 1999 года Китай в Синцзяне строит систему каналов, которая отводит воду из Иртыша на нужды промыслов в Карамае. Водозабор китайцы хотят приблизить к 4 кубическим километрам в год. В итоге и лежащий ниже по течению Казахстан уже столкнулся из-за этого с серьезными проблемами: Иртыш мелеет, понизился уровень озера Зайсан. Китайцы предпочитают вести вялотекущие переговоры отдельно с Казахстаном и с Россией, но делать свое дело: отводить воду. Как следствие – Россия также сталкивается не с избытком, а с нехваткой воды в Иртыше. Ее сток сократился еще в 60-ые годы прошлого века из-за целого каскада ГЭС, сооруженных на территории Казахстана. Из-за этого прекратилось судоходство по Иртышу между Казахстаном и Россией. Но еще больше пострадали российские аграрники. До сооружения ГЭС пойма Иртыша в Омской области давала до 40 центнеров кормов с

каждого гектара, а ныне этот показатель упал до 4-5 центнеров. Эксперты подсчитали, что только в Омской области засолилось четверть плодородной иртышской поймы. Если же еще и Китай реализует свои планы, то Иртыш критически обмелеет уже в ближайшие 15 лет.¹¹⁶ Так может российским политикам стоит думать о собственных крестьянах?!

Наконец, почему сторонники рассматриваемых мегапроектов думают, что изменение климата несет негативные последствия в виде маловодья только региону Центральной Азии? Между нами ведь нет никакой китайской стены. В 2008 году в Западной Сибири тоже уровень осадков в период зимы-весны составлял лишь половину от средних обычных показателей. А уровень воды в Оби в мае 2008 года составил только 43% от нормы. Последнее обстоятельство вызвало срывы в навигации, так как суда вынуждены были идти по фарватеру Оби полузагруженными, иначе они просто сели бы на мель. Энергетики вынуждены были снизить выработку электроэнергии на Новосибирской ГЭС. Сток воды Оби уменьшается: наблюдения за последнее десятилетие прошлого века свидетельствуют, - весьма существенно – почти на 20% от прежнего объема. И в Сибири у нас тоже стали появляться свои «высыхающие Аральские моря», просто московские политики о них мало знают. Так площадь самого большого естественного водоема Западной Сибири – озера Чаны по сравнению с прошлым веком уменьшилось в 10 раз, а только за 1990 – 2000 годы – на 22%. Другое озеро – Убинское потеряло около 60% своего объема.¹¹⁷

В такой ситуации реализация планов переброски сибирских рек в Центральную Азию, какими бы благими мотивами это не маскировалось, наносит, по сути дела, удар по национальным интересам России, по интересам нынешних и будущих поколений россиян. Этот проект не должен осуществляться ни в коем случае.

* * *

Таким образом, наши оценки перспектив новых транспортных проектов в Каспийском регионе обязательно должны учитывать целый комплекс обстоятельств. Транспорт – это важная составная часть, как национальных экономик, так и мировой хозяйственной системы. Транспортный фактор оказывает влияние на размещение производства, без его учета нельзя достичь рационального размещения производственных сил. Важное значение транспорт имеет и в решении социально-экономических проблем. Нельзя допускать, чтобы в погоне за прибылью либо за сомнительными геополитическими выгодами, пострадала окружающая среда, а следовательно и безопасность огромного числа жителей Каспийского региона. Поэтому надо отделять действительно выгодные и перспективные проекты от тех, реализация которых может привести к иным результатам. Развитие новой транспортной инфраструктуры должно приводить к консолидации России, к расширению ее связей с внешним миром, что будет способствовать экономической стабильности России как транзитной страны. Ошибки в этой сфере могут дорого стоить.

Примечания

¹ Не любые дороги дороги // Литер. 17 апреля 2009.

² В конце мая 2009 года с частным визитом в Москве был экс-президент Пакистана Перез Мушарраф. В своем интервью РБК daily Мушарраф признался, что вел переговоры о создании транспортного железнодорожного коридора. Причем трех вариантов. Первый — через Центральный Афганистан от узбекского города Термез через Кабул до

- Пешавара, второй — из города Ош в Киргизии через таджикский и афганский Горный Бадахшан (Ваханский коридор) в район Исламабада и третий — железнодорожная ветка в Китай вдоль Каракорумского шоссе в Кашгар и Урумчи, которая также может быть соединена с железными дорогами Средней Азии. (Чернов М. Россию зовут в Пакистан // РБК daily. 2009. 28 мая) Но и этот пример показывает, что инициатива Пакистана скорее мотивирована политическими соображениями, нежели экономическими, поскольку она была выдвинута в сложный период военных действий пакистанского правительства против талибов.
- ³ Транспортные инфраструктурные проекты остаются ценным долгосрочным активом государства // Панорама. 16 января 2009.
 - ⁴ Смотри интервью председателя Ассоциации национальных экспедиторов Республики Казахстан Н. Исингарина // РЖД-партнер. 2008. № 22. С. 17.
 - ⁵ Казахстан и Россия обменялись транзитными участками железных дорог // Фергана ру. 27 мая 2009.
 - ⁶ Лapidус М.Б. Экономические проблемы железных дорог стран СНГ и Балтии // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. 2008. № 6. С. 23.
 - ⁷ Правительство приняло Стратегию развития транспортной системы до 2030 года // Газета. 22 октября 2008.
 - ⁸ Специфика транспорта состоит в том, что он сам не производит продукцию, а только участвует в ее создании, обеспечивая производство сырьем, материалами, оборудованием, доставляя готовую продукцию потребителям.
 - ⁹ Евразийские транспортные коридоры России // Diplomat. сентябрь 2001. С. 12.
 - ¹⁰ Перспективы международных транспортных коридоров в Казахстане // БИКИ. 22 июля 2008. С. 11.
 - ¹¹ Томчин Г. Россия – страна транзита // Экономическая политика. 2008. № 3. С. 194.
 - ¹² Шадрин Т. Бюджетная доля // Российская газета. 16 марта. 2009.
 - ¹³ Дороги без дураков // Российская газета. 13 марта 2009.
 - ¹⁴ Лядова М. На десятилетия вперед // Металлы Евразии. 2007. № 6. С. 12.
 - ¹⁵ Ткач А. Железные дороги сплотят СНГ // Парламентская газета. 28 февраля 2007.
 - ¹⁶ Транспортные инфраструктурные проекты остаются ценным долгосрочным активом государства // Панорама. 16 января 2009.
 - ¹⁷ Ушкова Е. Транзитное будущее Центральной Азии: как реализовать? // РЖД- партнер. 2008. № 22. С. 10.
 - ¹⁸ Лapidус М.Б. Экономические проблемы железных дорог стран СНГ и Балтии. С. 25.
 - ¹⁹ Новые ресурсы России // Российское экспертное обозрение. 2008. № 1. С. 9.
 - ²⁰ Лядова М. На десятилетия вперед. С. 17.
 - ²¹ Иноземцев В. Транспортный коридор // Ведомости. 21 апреля 2008.
 - ²² Цитата по кн.: Азовский И.П. Центральноазиатские республики в поисках решения транспортной проблемы. М., 1999. С. 9.
 - ²³ Гаджиев К. Мифы и реальности «Нового Великого Шелкового пути» // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 11. С. 3-14.
 - ²⁴ Бояринцев.И. Транспортная составляющая российских геополитических интересов в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 111.
 - ²⁵ Виельмини. Ф. Транспортные коридоры Евразии // Мир Евразии. 2005. № 3. С. 27.
 - ²⁶ Iran news. 18 апреля 2006.
 - ²⁷ Там же. 13 апреля 2006.
 - ²⁸ Железнодорожное строительство в Иране // www.rzd.ru. 21 мая 2004.
 - ²⁹ Панфилова В. Иранский коридор для Казахстана // Независимая газета. 7 апреля 2009.
 - ³⁰ Золотой век Туркменистана. 2 ноября 2007.
 - ³¹ Регнум. 30 мая 2007.
 - ³² Новикова А. Россия и Туркмения спрямяют железную дорогу // Газета. 23 марта 2009.
 - ³³ Ташимов Т. Поезд на Средний Восток // Эксперт Казахстан. 2009. № 4. С. 22-24.
 - ³⁴ Казахстан прокладывает новые магистрали // Гудок. 23 апреля 2009.
 - ³⁵ Мы не случайно приводим в качестве примера контейнерные перевозки. Дело в том, что сегодня в мире в контейнерах перевозится около 40% генеральных грузов.
 - ³⁶ Евразийские транспортные коридоры России. С. 14.
 - ³⁷ Транспортный мастер – план России: взгляд со стороны // РЖД-партнер. 2009. № 6.
 - ³⁸ Почему «отдыхают» реки России // Freight.ru. 2008. № 5. С. 32 –35.
 - ³⁹ Ташимов. Т. Коридор до востребования // Эксперт Казахстан. 2008. № 36.
 - ⁴⁰ Там же.
 - ⁴¹ Арсютин Е., Чичкин А. Проектирование нашего века // Российская газета. 2 октября 2008.
 - ⁴² Кисин С. Страсть к земляным работам // Эксперт. 2008. № 20. С. 50-51.

- ⁴³ С. В. Бернштейн-Коган. Волго-Дон. Историко-географический очерк. М., 1954.
- ⁴⁴ Бектурганов Н. Каналу «Евразия» нет альтернативы // Казахстанская правда. 17 октября 2008.
- ⁴⁵ Черноморский экспорт Казахстана: статус и перспективы // Судостроение. 2008. № 7.
- ⁴⁶ Регнум. 5 июля 2007.
- ⁴⁷ Быть или не быть международному морскому каналу «Евразия» // Ставропольская правда. 1 апреля 2008.
- ⁴⁸ Данилов-Данильян В. Проект нечистой воды //Мировая энергетика. 2007. № 10.
- ⁴⁹ Кисин С. Страсть к земляным работам. С. 51.
- ⁵⁰ Сарангова Л. Канал Евразия зависит от «ясного глаза» Медведева // <http://www.bumbinorn.ru/2008/07/11>
- ⁵¹ Ростовский универсальный порт. Государство поддержало строительство крупного порта на Юге России //Freight.ru. 2008. № 6. С. 28-29.
- ⁵² Лукин О. Из продавца – в покупателя //Нефтегазовая вертикаль. 2008. № 14. С. 79-81.
- ⁵³ Пресс-конференция по итогам российско-узбекистанских переговоров // Фергана ру. 23 января 2009.
- ⁵⁴ Мишин В. Nabucco во сне и наяву //Нефть России. 2009. № 3. С. 93.
- ⁵⁵ Nabucco – не единственный вариант //Независимая газета. 30 января 2009.
- ⁵⁶ Nabucco исключен из списка приоритетных проектов ЕС // Известия. 17 марта 2009.
- ⁵⁷ Итар-Тасс. 17 марта 2009.
- ⁵⁸ Зыгарь М. Nabucco наполнился американской поддержкой // Коммерсант. 27 апреля 2009.
- ⁵⁹ Шлейфер И. Потенциальные поставки из Ирака не дают проекту «Набукко» испустить дух //Eurasianet. 29 мая 2009.
- ⁶⁰ Специально отметим, что данные национальной статистики Азербайджана явно приукрашены. По крайней мере, они расходятся даже с теми показателями, которые эта республика предоставляет в Статистический комитет СНГ. Это следует из их сравнения. См.: Исмаилов Ч. Макроэкономические сдвиги в развитии Азербайджана //Мир перемен. 2007. № 3.
- ⁶¹ Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в 2008 году // Статистика СНГ. 2009. № 2.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Беглярбеков В. В 2009 году в Азербайджане будет добыт 61 млн тонн нефти // Нефть и капитал. 2008. № 9. С. 70-75.
- ⁶⁴ Тагиев Т. Газовые химеры Азербайджана // Нефтегазовая вертикаль. 2008. № 3.
- ⁶⁵ Нефть и газ Азербайджана 2007 //Нефтегазовая вертикаль. 2008. № 7. С. 30.
- ⁶⁶ Мишин В. Ядерный резерв Азербайджана //Нефть России. 2009. № 2. С. 100.
- ⁶⁷ Тагиев Т. Газовое искушение Азербайджана //Нефтегазовая вертикаль. 2008. № 10. С. 105.
- ⁶⁸ Алиев Ф. Нефтяная стратегия Гейдара Алиева // Нефть России. 2008. № 5. С. 92.
- ⁶⁹ Тагиев Т. Кризис затормозил ГПКАР //Нефтегазовая вертикаль. 2009. № 6. С.68.
- ⁷⁰ Мишин В. Слабое звено //Нефть России. 2007. № 3. С. 95.
- ⁷¹ Иран выразил готовность участвовать в проекте «Набукко» //1ST. News. az. 22 января 2009.
- ⁷² Омидвар Х. Иран и мир природного газа //Мировая энергетика. 2008. № 3. С. 84.
- ⁷³ Галаджий И. Великий газовый визирь //Нефть России. 2007. № 12. С. 105.
- ⁷⁴ На Южном Парсе перемены: в пользу России //Нефть и капитал. 2008. № 7. С. 70.
- ⁷⁵ Джидди В. Газовая целина Персидского залива ждет освоения // Мировая энергетика. 2008. № 2. С. 70-71.
- ⁷⁶ Европейцы принимают участие в иранских проектах по производству сжиженного природного газа //RusEnergy. 30 января 2009.
- ⁷⁷ Кнайсль К. Иран и геополитика газа //Вестник аналитики. 2006. № 3. С. 144.
- ⁷⁸ Без участия Ирана достаточного количества газа для «Набукко» не будет // Iran News. 20 января 2009.
- ⁷⁹ Политика не должна мешать Европе покупать иранский газ – международные эксперты // TREND NEWS. 3 апреля 2009.
- ⁸⁰ Кожанов Н. О планах иранского руководства по выходу на мировой газовый рынок // Институт изучения Ближнего Востока. 3 марта.2009.
- ⁸¹ Сегодня Европа увеличивает приемные мощности СПГ. Только в Западной Европе эксплуатируются 12 и строятся еще 6 терминалов для приема СПГ. Общая мощность эксплуатируемых терминалов составляет 74,02 миллиарда кубометров газа в год, проектная мощность строящихся терминалов – 53,81 миллиард кубометров в год. (Платонов М. Российский СПГ на Сахалине и не только // Freight.ru. 2009. №1. С. 13.).
- ⁸² Дебют, и какой! Россия стала экспортером СПГ //Нефть и капитал. 2009. № 4. С. 26-29.
- ⁸³ Гриб Н., Габуев А. Россия выводит иранский газ из ЕС в Южную Азию //Коммерсант.

- 27 мая 2009.
- ⁸⁴ Мишин В. В перекрестке интересов //Нефть России. 2008. № 11. С. 98.
- ⁸⁵ Eurasianet. 2009. 1 апреля.
- ⁸⁶ Мамедов С. «Газпром» сватает Шах-Дениз //Независимая газета. 26 мая 2009.
- ⁸⁷ Мазнева Е. Газовый лимит //Ведомости. 29 мая 2009.
- ⁸⁸ Гаврилов В. Каспий: впору подавать SOS //Нефть России. 2007. № 10. С. 30-33.
- ⁸⁹ Голубов Б. Наступление Каспия – реальность, с которой необходимо считаться //Нефть и капитал. 2003. № 12. С. 86.
- ⁹⁰ Геологические опасности Каспия //Нефть России. 2006. № 3.С. 94-98.
- ⁹¹ Мовсумов Ш.Н., Николаев С. Добыча углеводородов и охрана каспийского бассейна // Энергия. 2005. № 1. С. 13-14.
- ⁹² См.: Уроки не усвоены. Прошло 20 лет после крушения танкера Exxon Valdez. WWF. 2009.
- ⁹³ По прогнозам специалистов большинство европейских стран в среднесрочной перспективе не только сохранят, но и усилят внешнюю зависимость от импорта природного газа в силу особенностей топливно-сырьевой базы и с учетом прогрессивных тенденций в энергопотреблении. Емкость европейского внутреннего рынка природного газа будет увеличиваться, по крайней мере, до 2010 г. С учетом этого российский «Газпром» наметил к реализации целый ряд проектов строительства новых газопроводов. Подобные проекты требуют гигантских расходов. В результате «Газпром» вел политику максимально возможного в тех условиях бюджетного эгоизма. Острую конкуренцию «Газпрому» на европейском рынке оказывала Норвегия, добывающая 2% газа от мирового уровня, но при этом вышедшая на 3-е место (после России и Канады) по экспорту трубопроводного газа и обеспечивающая около 20% общего импорта природного газа в Западной Европе.
- ⁹⁴ И сегодня на бирже продается ничтожно малая часть добываемого природного газа в мире.
- ⁹⁵ До 95% всего казахстанского газа в 90-ых годах XX века добывали на трех месторождениях – «Карачаганак», «Тенгиз» и «Узень». Все эти месторождения расположены на западе Казахстана, вблизи магистрального газопровода «Средняя Азия – Центр». Непосредственно на месторождении «Карачаганак» добывалось 34% казахстанского газа. Причем по некоторым данным «Газпром» приобретал газ (правда, неочищенный) с этого месторождения по цене в десять раз меньшей, чем у Туркменистана - по 3 доллара за 1000 кубических метров.
- ⁹⁶ Когда в преддверии заключения соглашения в апреле 2003 года специальная комиссия «Газпрома» провела обследование состояния туркменского участка газопровода «Средняя Азия – Центр», выяснилось, что по этому отрезку можно прокачивать только 44 – 47,5 млрд. кубометров газа в год.
- ⁹⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Казахстан и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в строительстве Прикаспийского газопровода // Бюллетень международных договоров. 2008. № 9.
- ⁹⁸ Нейтральный Туркменистан. 25 июля 2008.
- ⁹⁹ Комаров В. СНГ: Трансазийский коридор развития //Экономист. 2005. № 1; Комаров В. Содружество Независимых Государств: Трансазийский коридор развития //Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1.
- ¹⁰⁰ Волосевич А. В Ташкенте представили проект суперканала: от Карского моря до Персидского залива // Фергана ру. 25 ноября 2008.
- ¹⁰¹ Арсюхин Е., Чичкин А. Проекты нашего века // Российская газета. 2 октября 2008.
- ¹⁰² Смолякова Т., Чичкин А. Волга впадает в Персидский залив? // Российская газета. 1996. 3 августа; Чичкин А. Регион особого внимания // Российская газета. 1998. 16 апреля.
- ¹⁰³ Лужков Ю. Вода и мир. М., 2008.
- ¹⁰⁴ Смотри об этом: Куртов А. Водные конфликты в Центральной Азии //Обозреватель. 2004. № 7.
- ¹⁰⁵ Вебер. А. Глобальное потепление и устойчивое развитие // Свободная мысль. 2007. № 5.
- ¹⁰⁶ Данилов-Данильян В. Неизбежны ли водные войны? //Мировая энергетика. 2007. № 3. С. 111.
- ¹⁰⁷ Миклин Ф., Аладин Н. Восстановление Аральского моря //В мире науки. 2008. № 7. С. 45.
- ¹⁰⁸ Роджерс П. Перед лицом нехватки пресной воды //В мире науки. 2008. № 11. С. 23.
- ¹⁰⁹ Василенко В.А. Обсуждение продолжается (о переброске части стока сибирских рек на юг) // ЭКО. 2008. № 9. С. 26.
- ¹¹⁰ Роджерс П. Перед лицом нехватки пресной воды. С. 29.
- ¹¹¹ Данилов-Данильян В. Глобальный дефицит пресной воды // Международная жизнь. 2008. № 8-9. С. 156.
- ¹¹² Лужков Ю. Вода и мир. С. 110.
- ¹¹³ Экологическое досье России. 2008. № 1. С. 23-25.

- ¹¹⁴ Василенко В.А. Обсуждение продолжается (о переброске части стока сибирских рек на юг). С. 30-33.
- ¹¹⁵ Денисов Н.Е. Снова о переброске речных вод // ТЭК. 2004. № 1. С. 33.
- ¹¹⁶ Василенко В.А. Стратегическое значение пресной воды для регионального развития // Регион: экономика и социология. 2008. № 4. 294-296.
- ¹¹⁷ Василенко В.А. Обсуждение продолжается (о переброске части стока сибирских рек на юг). С. 35-36.

Влияние китайской антикризисной программы на страны Центральной Азии

1. Самым важным новым геополитическим условием является мировой экономический кризис. Он стал непосредственно сказываться на экономике России, Казахстана и Китая лишь в конце 2008 г. В Китае немедленно начали приниматься различные антикризисные меры. Наибольшую известность получили программа из 10 пунктов и решение правительства увеличить капиталовложения на преодоление кризисных явлений на 4 трлн. юаней (584 млрд. долл.). За прошедшие пять – шесть месяцев после первых ударов кризиса по нашим странам говорить о влиянии китайской антикризисной программы ещё рано. Важно, однако, разобраться в существовании программы и действиях китайского правительства, обусловленных новой стратегией и новой политикой.

2. Особенность ситуации обусловлена тем, что в октябре 2008 г. на высоком партийном уровне в Китае принимается фактически новая стратегия развития и целый комплекс политических установок. Это решение явилось итогом анализа положения дел в стране, проводившихся на протяжении 2002 – 2008 гг., и лишь совпало во времени с необходимостью принятия антикризисных мер.

На протяжении 2002-2008 гг. в КНР происходило постепенное осознание проблем и противоречий, вызванных созданием экономики, ориентированной на форсированное развитие экспортного производства. Потенциал страны многократно увеличился благодаря использованию специфической модели экономического **роста**. Следствием её применения явился глубокий социально-экономический кризис, выразившийся в односторонности и разбалансированности экономики и общественных отношений.

3. Высшее руководство выступило с принципиально новой концепцией национального развития. В её основу положена идея гармонизации всех сторон общественной жизни. Возникла необходимость разработки специфической модели **развития**. При этом предусмотрено сохранение экспортной ориентации экономики отдельных регионов страны.

4. Необходимо, прежде всего, обратить внимание на несколько базовых компонентов решений 2008 г. **Первый**: намечено объединить город и деревню в единый экономический, социальный и культурный комплекс. Эту задачу намечено выполнить «в основном» к 2020 г. Идёт процесс постепенной отмены «сельскохозяйственной» прописки крестьян, затрудняющей их миграцию по стране в поисках места работы. Формируется единый национальный экономический комплекс и единый рынок рабочей силы.

Второй: крестьянство получает равные избирательные права с горожанами. Увеличивается представительство крестьян в уездных и волостных собраниях народных представителей. К 2012 г. намечено осуществить реформу волостных и поселковых учреждений. Предусмотрено сделать более «совершенной» систему деревенского самоуправления и гарантировать демократические права крестьян.

Третий: сохраняется «неизменным на длительный срок» право крестьян хозяйствовать на подрядном участке. Он признается «важным средством производства крестьян и их базовой социальной гарантией». Законом будет гарантировано право крестьян на владение, использование подрядного участка и получение дохода. На основе добровольности разрешается с помощью различных форм передавать право подрядного хозяйствования. Создаётся «рынок передачи

права хозяйствования на подрядном участке». «На основе принципов добровольности и платности» крестьянам разрешается передавать подряд, сдавать подрядный участок в аренду, обменивать, уступать его, использовать в качестве пая в кооперативе для создания разнообразных крупных хозяйств. Тем самым открывается путь к постепенному добровольному формированию крупных сельскохозяйственных кооперативных объединений и созданию земельного рынка. Тем самым создаются условия для перехода к несельскохозяйственной деятельности сотен миллионов крестьян и ускорению процесса урбанизации.

5. Мировой экономический кризис нанёс немалый ущерб Китаю. Постепенно уточняемая и дополняемая антикризисная программа правительства объективно способствует ускорению реализации мер по становлению принципиально нового устройства общества и государства.

6. Антикризисные программы учитывают невозможность расчетов на быстрое изменение модели потребления общества и государства. Поэтому правительство использовало проверенную модель экономического роста – увеличение инвестиций. Прежде всего, намечено резкое увеличение масштабов железнодорожного и шоссевого строительства. Расширяется строительство и ремонт жилых и хозяйственных построек в деревнях, строительство биогазовых установок, водоочистных сооружений, сельских дорог, электросетей, ирригационных систем. Запланировано ускорить строительство учреждений просвещения, здравоохранения и культуры, особенно в центральных и западных районах страны. Отдельным направлением явилось экологическое строительство, особенно водоочистных и ассенизационных сооружений в городах, улучшение охраны лесов и энергосбережения. Выделены средства для инновационного развития. Для стимулирования технической перестройки производства намечено снизить финансовое бремя предприятий, провести реформу налога на добавленную стоимость. Разработана программа технико-технологической реконструкции 10 базовых отраслей промышленности.

Намечено проведение крупных восстановительных работ в районах, пострадавших от стихийных бедствий.

Для повышения доходов городского и сельского населения предусмотрено повышение закупочных цен на продовольственные культуры, увеличение субсидий и дотаций при приобретении крестьянами элитных семян, сельских орудий производства и многих других промышленных товаров. Увеличиваются ставки доплат малообеспеченным семьям, норм базовых страховых выплат пенсионерам предприятий, а также норм воспомоществования нуждающихся.

Учитывая большую роль финансовой системы в обеспечении экономического роста, отменены ограничения на размеры кредитов коммерческих банков, расширяются масштабы кредитования, особенно узловых объектов, сельского хозяйства, средних и малых предприятий, объектов технического переоснащения. Принципиально важно: создаётся деревенская финансово-банковская система.

Принят комплекс мер для максимального сокращения безработицы.

Учитывая перемены в стратегии, изменение внутренней и уточнение внешней политики, энергичные меры по реализации антикризисной программы можно говорить о том, что вне зависимости от степени их реализации произойдут важные перемены в экономике и государственном устройстве Китая.

7. В настоящее время ещё слишком рано оценивать грядущие изменения в политическом, экономическом и социально-культурном устройстве Китая. Можно лишь выделить наиболее важные противоречивые и неоднозначные по своим последствиям антикризисные меры. Во-первых, важным конституирующим элементом модели экономического роста в предкризисные годы являлись

сверхвысокие накопления. В 1986-2000-е годы инвестиции в основной капитал превышали 30%. В 2005 г. по отношению к номинальному ВВП они возросли до 48%, а в 2007 г. достигли 55%!¹ 2008 г. инвестиции превысили 57% ВВП². Ни одна страна в мире ещё не позволяла себе столь высоких накоплений на протяжении длительного периода времени. Закономерно, что на долю внутренней торговли приходилось менее 40% ВВП.

Инвестиции в основной капитал в 2008 г. превышали 17,2 трлн. юаней. В 2009 г. с учётом антикризисной программы они намного превысят 20 трлн. Даже при 8% росте ВВП столь масштабные инвестиции неизбежно составят более половины ВВП. Они будут способствовать росту внутренней экономики, но вряд ли вызовут столь желанный, существенный рост потребления населения.

Во-вторых, для финансового обеспечения гигантских инвестиций правительствам провинций, городов центрального подчинения и автономных районов под их полную ответственность позволено использовать местные займы. Госсовет КНР определил размеры и базовые условия таких займов. Банкам разрешено отступить от кредитных ограничений (кредиты, по закону, не должны превышать 75% суммы депозитов). В результате уже в первые месяцы 2009 г. во многих крупных банках это соотношение снизилось до 60%. Происходит неизбежный рост «плохих» кредитов. Возникла опасность финансовой неустойчивости.

Таковы лишь два фактора, заметно осложняющих ход антикризисных мероприятий.

8. Сохраняя экспортную ориентацию экономики, правительство действует в нескольких направлениях. Во-первых, перед внешнеторговыми организациями поставлена задача поиска и освоения новых рынков сбыта экспортной продукции.

Во-вторых, государство уже несколько раз пересматривало размеры экспортных пошлин. Для 3770 тыс. экспортных товаров, составляющих около 28% всего объёма экспорта, в декабре 2008 г. снижены ставки возврата НДС. Аналогичные меры несколько раз принимались в 2008 и 2009 гг.

В-третьих, широко и разнонаправленно используются огромные инвалютные резервы, достигшие почти 2 трлн. долл. Они используются, в частности, для целенаправленных вложений в государственные облигации США в целях ускорения восстановления экономики и покупательной способности одного из своих крупнейших партнёров.

Парадоксально, но факт – бедный Китай устремился на помощь богатейшим Соединенным Штатам. Учитывая, что, по словам специалистов, 1% роста внутреннего спроса в США и Европе вызывает увеличение производства в Китае на 5-6%, китайское правительство расширяет приобретение государственных займов своих партнеров, способствуя скорейшему возрождению спроса на китайскую продукцию. Так, по сравнению с предыдущим месяцем на закупку госзаймов США в июле 2008 г. было направлено 14,9 млрд. долл., в августе – 23,7 млрд., в сентябре – 43,6 млрд., в октябре – 65,9 млрд. долл. На конец октября 2008 г. китайское правительство приобрело облигаций госзаймов США на 652,9 млрд. По их объёму Китай опередил Японию (585,5 млрд.) и Великобританию (360,2 млрд.)³. На долю этих стран приходится 52,5% общей суммы госзаймов США⁴. В результате вырисовывается сложная ситуация: всеми силами стремясь превзойти экономику США, Китай на деле оказался в зависимости от финансово-экономического положения в этой стране. Глобализация, которую в Китае рассматривают в качестве одной из важнейших целей своей международной политики, действительно сделала мир взаимозависимым, но некоторые страны особенно взаимозависимыми.

Далее, заметную роль в китайской модели экономического роста начинает играть экспорт капитала. В 2005 г. он составил 12,3 млрд. долл., в 2006 – достиг 21,2 млрд. и в 2007 г. – 18,7 млрд. долл. В 2008 г. он превысил 40,7 млрд. долл.

9. В настоящее время невозможно представить влияние изменений во внутреннем положении КНР на страны Центральной Азии. Что касается её внешней политики, особенно экспортной ориентации экономики, то можно предположить её преемственность. Отмеченные выше внешнеэкономические направления в той или иной мере затронут все страны Центральной Азии.

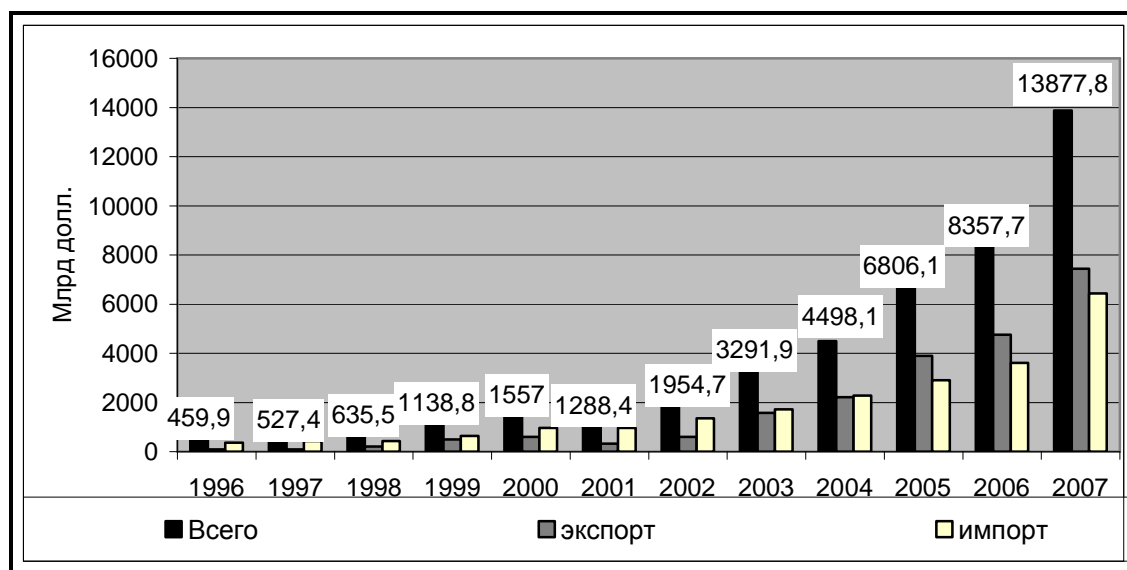
С этой целью разумно выявить основные тенденции во внешней торговле КНР со странами Центральной Азии, сложившиеся за последние 10 лет. Для избежания влияния различий в статистической отчётности используем данные таможенной статистики Китая. Рассмотрение данных за 1996-2007 гг. позволяет говорить о существовании общих тенденций в торговле Китая со странами Центральной Азии. Во-первых, за прошедшее десятилетие объём внешней торговли между Китаем и странами Центральной Азии многократно увеличился. Во-вторых, с известной долей условности можно выделить две группы стран. Для Таджикистана, Туркменистана, Киргизии и Узбекистана, характерно значительное превышение китайского экспорта над импортом. Исключением является только состояние торговли Китая с Казахстаном. В торговле и этих стран масштабы китайского экспорта превышают казахстанский импорт, но разрыв между экспортом и импортом является не столь значительным, как у названной группы стран.

Пока существует слишком мало оснований для коренного изменения ситуации во внешней торговле этих стран. Можно с полным основанием предположить, что китайская сторона будет и в дальнейшем стремиться к максимально возможному расширению экспорта своих товаров во все страны региона. Китай имеет ныне большие возможности для капиталовложений в эти страны и, несомненно, воспользуется сложившейся ситуацией.

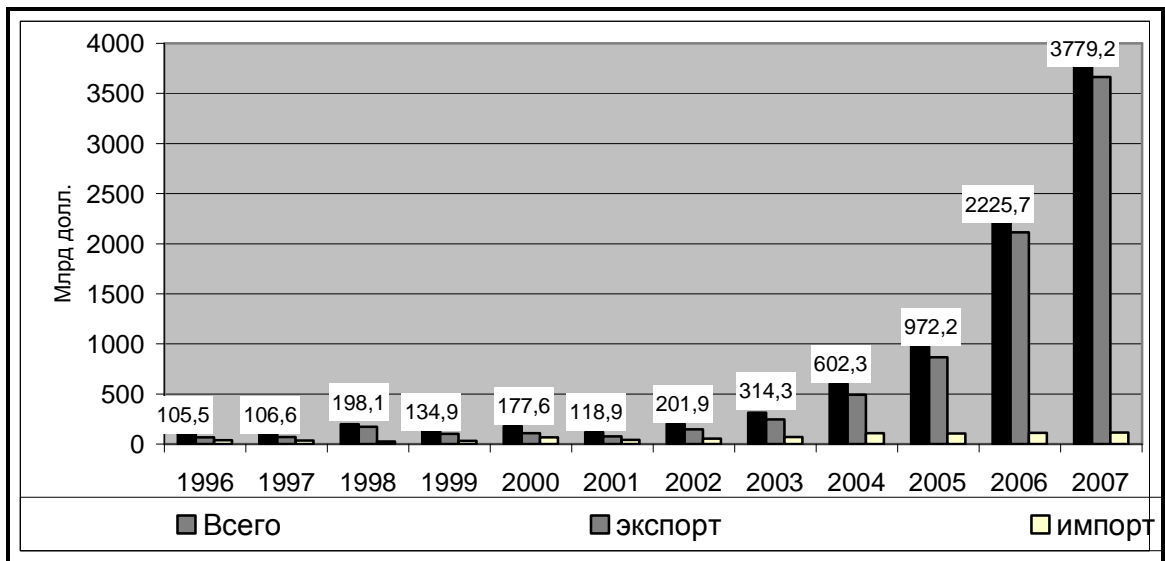
Приложение

Динамика внешней торговли Китая со странами Центральной Азии

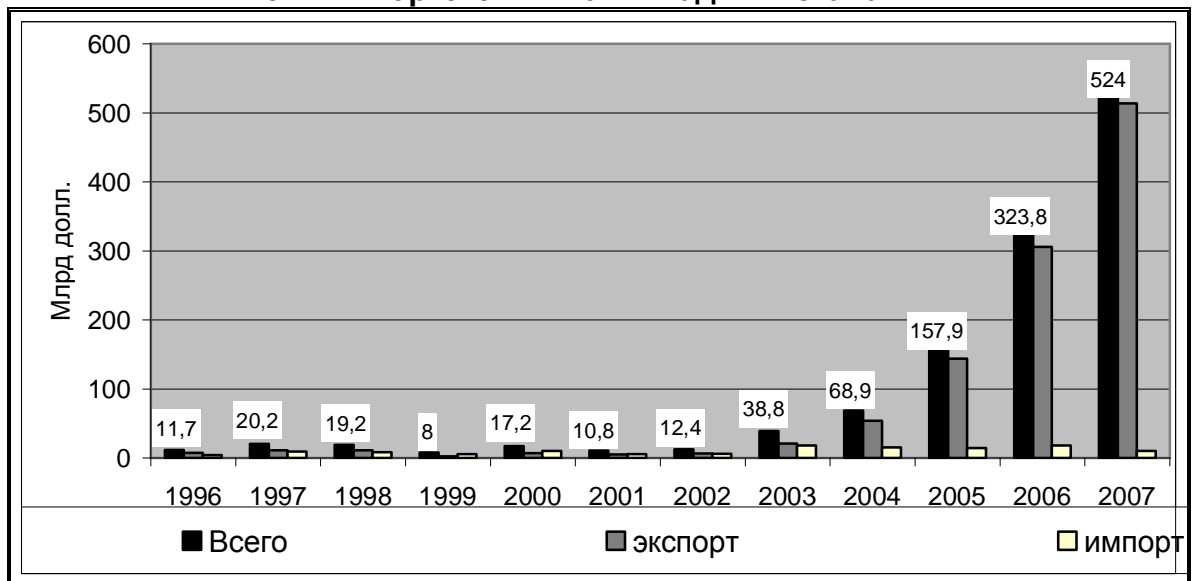
Внешняя торговля Китая и Казахстана

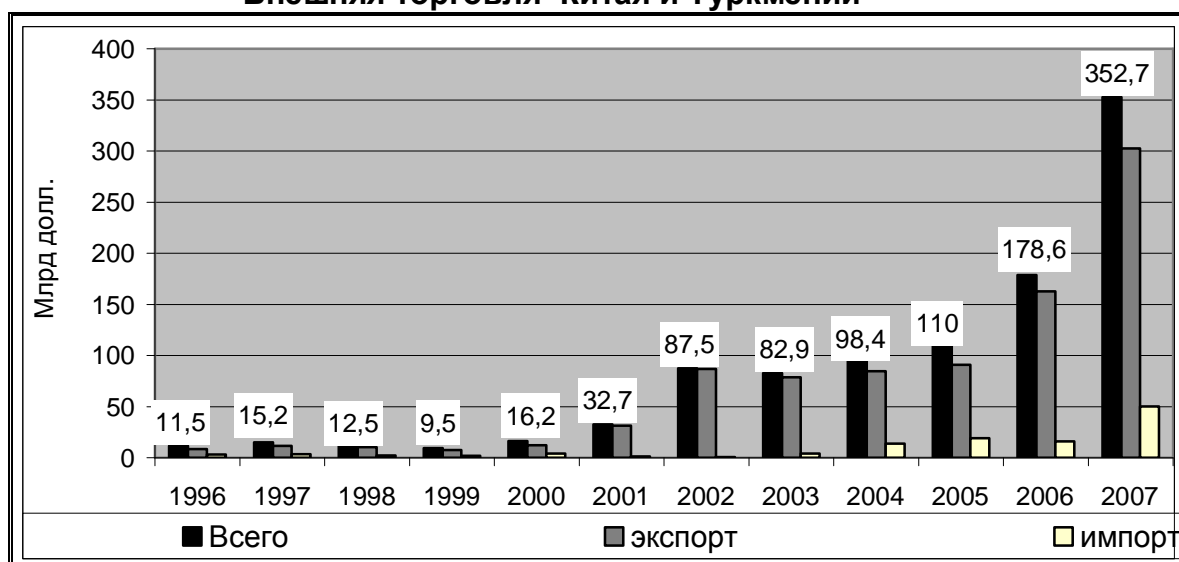
Внешняя торговля Китая и Киргизии

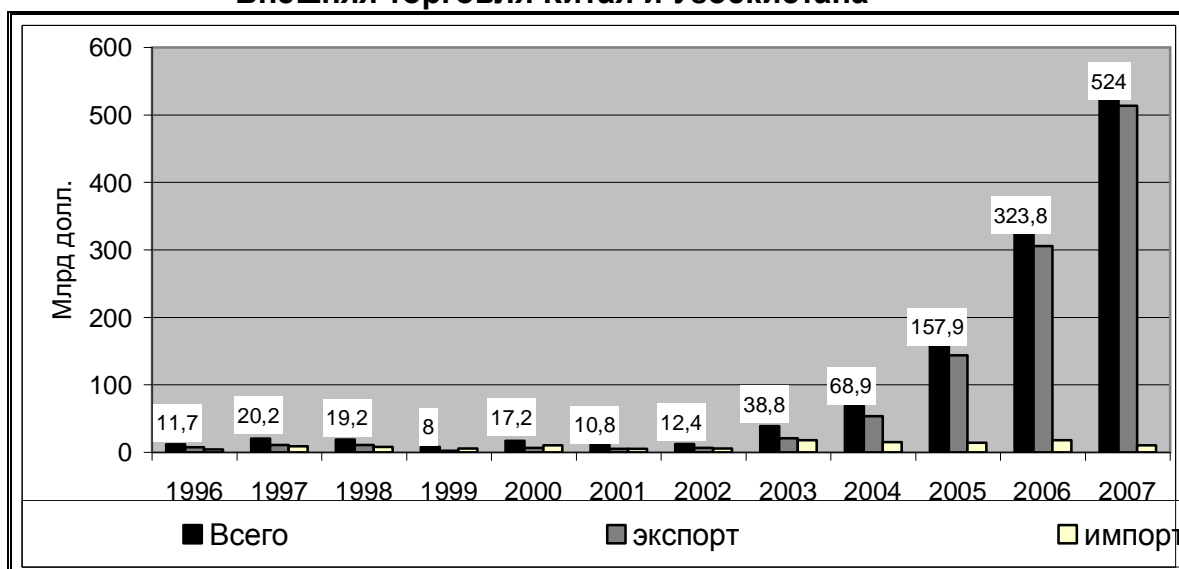
Внешняя торговля Китая и Таджикистана

Внешняя торговля Китая и Туркмении

Внешняя торговля Китая и Узбекистана

Примечания

¹ Zhongguo tongji zhayao, 2008. – E 19, 53.

² Zhonghua renmin gongheguo 2008 nian guomin jingji he shehui fazhan tongji gongbao (Статистическое коммюнике Китайской Народной Республики о развитии национальной экономики и общества в 2008 году)

http://www.gov.cn/tjgb/ndtjgb/qgndtjgb/t20090226_402540710.htm

³ Интерпретация экспертов: почему Китай увеличивает закупку американских госзаймов? http://russian.china.org.cn/business/txt/2008-12/19/content_16975547.htm

⁴ Существуют и более высокие оценки. Например, Brad Setser и Frpana Pandey, исследователи из Council on Foreign Relations считают, что Китай вложил в США в расчёте в долларах сумму, равную 40% своего ВВП 2008 г. Song weiyou yigecungguo jie zhemo guo qian gei meiguoguo (У бедного государства США занимают столь крупные средства) <http://www.china-cbn.com/s/n/000005/20090206/000000106560.shtml>

Перспективы сотрудничества России и Центральной Азии после глобального кризиса

Введение.

Центральная Азия в стратегии России

Для России сотрудничество в рамках СНГ по многим причинам геоэкономического и геополитического характера остается важнейшим направлением стратегии государства. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной указом президента Д. Медведева в мае 2009 г., в частности, говорится: «Развитие отношений двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами - участниками Содружества Независимых Государств является для России приоритетным направлением внешней политики. Россия будет стремиться развивать потенциал региональной и субрегиональной интеграции и координации на пространстве государств - участников Содружества Независимых Государств в рамках прежде всего самого Содружества Независимых Государств, а также Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического сообщества, оказывающих стабилизирующее влияние на общую обстановку в регионах, граничащих с государствами - участниками Содружества Независимых Государств»¹.

При этом в рамках СНГ наибольшими предпосылками и возможностями для интеграции (экономической и политической) с Россией обладает пространство Центральной Азии (Казахстан и страны Средней Азии) плюс Белоруссия, хотя эта интеграция требует и потребует еще преодоления многих препятствий и решения трудных проблем. Главный инструмент развития экономического взаимодействия здесь – Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС), членами которого являются Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан (Узбекистан, курс которого в отношении региональной интеграции – экономической и политической – отличается последовательной и предсказуемой нестабильностью, в декабре 2008 г. приостановил свое членство в ЕврАзЭС. Наблюдателями при организации с 2002-2003 гг. являются Армения, Молдавия и Украина).

Как отмечается в «Стратегии национальной безопасности...»: «Россия будет способствовать укреплению Евразийского экономического сообщества в качестве ядра экономической интеграции, инструмента содействия реализации крупных водно-энергетических, инфраструктурных, промышленных и других совместных проектов, в первую очередь регионального значения»².

Ситуация кризиса

По оценке генсека ЕврАзЭС Таира Мансурова, «экономическая ситуация в странах-членах организации такая же напряженная, как и в мире». Совокупный ВВП в первом квартале 2009 г. снизился на 11%, промышленное производство и инвестиции в основной капитал – на 12%³. Вместе с тем, Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ESCAP) все же дает положительный прогноз роста ВВП в целом на 2009 г. для России и стран Центральной Азии, хотя и с существенным снижением темпов прироста по сравнению с 2007 г. (см. таблицу 1).

Таблица 1

Темпы прироста ВВП (%)

Страны/годы	2005	200	200	2008	2009
		6	7	1	2
Казахстан	9,7	10,6	8,5	2,4	1,5
Киргизстан	-0,2	2,7	8,2	7,6	4,5
Россия	6,4	6,7	8,1	5,6	3,5
Таджикистан	6,7	7,0	7,8	7,9	5,5
Туркмениста	9,0	9,0	8,5	5,0	3,0
Н					
Узбекистан	7,0	7,3	9,5	8,6	7,0

¹Оценка. ²Прогноз (на середину апреля 2009 г.).

Источник: ESCAP.

С учетом того, что все государства Средней Азии, за исключением Туркмении, являются экспортерами рабочей силы, ухудшение экономической ситуации в России (и Казахстане, который также является страной-реципиентом трудоизбыточного населения из Средней Азии) имеет особо серьезные последствия для таких стран, как Таджикистан и Киргизия, а также, в меньшей степени, Узбекистан. Некоторое представление о важности для них денежных трансфертов работников-мигрантов из России на родину дает таблица 2.

Таблица 2

Чистые переводы денежных средств из России (млн. долл.)

Страны/годы	2007	2008	ВВП (2007)*
		(1-я половина)	
Таджикистан	1579	936	3710
Узбекистан	1444	950	22 300
Киргизия	639	459	3740

Источники: «Эксперт», №15, 20-26.04.2009, с. 57;

<http://ddp-ext.worldbank.org/ext/ddpreports>

* Для сравнения: ВВП России – 1290 млрд. долл., Казахстана – 105 млрд. долл., Туркмении – 13 млрд. долл.

По предварительным данным, за первые месяцы 2009 г. объем трансфертов сократился, как минимум, на одну треть.

Кризис сказался и на динамике основного канала экономического взаимодействия России со странами Центральной Азии – внешней торговле.

Как видно из таблиц 3 и 4, ситуация во внешней торговле России во время кризиса выглядит по-разному. Хотя оборот с ЕврАзЭС и сократился в меньшей степени, чем вся российская внешняя торговля, но – за счет экспорта. Правда, в импорте в Россию ситуация для наименее развитых стран – Киргизии, Таджикистана и Туркмении – оказалась лучше, чем в целом для ЕврАзЭС. В перспективе было бы желательно, по многим, в т.ч. и внеэкономическим, причинам, чтобы российский внутренний рынок играл достаточно большую роль для товаров стран Центральной Азии, особенно менее развитых. Такая цель могла бы быть одним из пунктов общей стратегии России в отношении региона Центральной Азии.

Таблица 3

**Внешняя торговля России со странами Центральной Азии
в январе-апреле 2008 и 2009 гг. (млн. долл.)**

Страны/годы	2008			2009		
	оборот	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт
Казахстан	5 931	4056	1875	3503	2567	936
Киргизия	416	333	83	308	256	52
Таджикистан	288	238	50	241	180	61
Туркмения	224	205	19	315	305	10
Узбекистан	944	548	396	644	470	174

Источник: ФТС Российской Федерации.

Таблица 4

**Внешняя торговля России со странами Центральной
Азии: январь-апрель 2009 г. к январю-апрелю 2008 г. (%)**

Страны/годы	2009/2008		
	оборот	экспорт	импорт
Весь мир	54,7	52,3	59,1
ЕврАзЭС	59,6	63,2	51,8
Казахстан	59,1	63,3	49,9
Киргизия	73,9	76,9	62,1
Таджикистан	83,9	75,7	122,9
Туркменистан	140,6	148,5	54,0
Узбекистан	68,3	85,8	43,9

Источник: ФТС Российской Федерации.

Антикризисные меры

Конечно, ситуация кризиса требует выработки совместных решений по смягчению его последствий, а также совместного видения развития взаимодействия при возврате на траекторию стабильного экономического роста. В мае 2009 г. государства-члены ЕврАзЭС на своем Совете по финансово-экономической политике договорились о *мерах по выходу из кризиса*⁴:

- о создании Антикризисного фонда – размером в 10 млрд. долл., из которых на Россию приходится 7,5 млрд., а на Казахстан – 1,5 млрд. долл. Откуда и когда возьмутся еще 1,5 млрд. и как, в какие сроки будут погашаться кредиты Фонда – пока мало понятно. Ясно, что основное бремя помощи странам Центральной Азии придется на Россию, что еще раз подчеркивает ее роль в регионе, но и выдвигает новые требования к своевременности и эффективности этой помощи;

- применение национальной валюты во взаимных расчетах;
- снижение торговых барьеров, включая меры антимонопольной политики;
- а также расширение инструментов рефинансирования банковской системы.

В июне 2009 г. по итогам заседания Межгосударственного совета ЕврАзЭС на уровне глав правительств был подписан пакет документов по созданию Антикризисного фонда в рамках Содружества: договор об учреждении Фонда, положение о Фонде, а также соглашение об управлении его средствами. Средства

Фонда планируется использовать для предоставления суверенных займов и стабилизационных кредитов государствам - участникам ЕврАзЭС, а также для финансирования межгосударственных инвестиционных проектов.

Антикризисный фонд ЕврАзЭС должен приступить к работе самое позднее в сентябре 2009 г. В настоящее время документы по созданию Фонда направлены на ратификацию парламентами, и данный процесс займет около двух месяцев. После этого в течение шести месяцев каждая страна должна перечислить в Фонд средства в размере 10% от своего взноса. Уже при перечислении 50% от первоначального взноса (первоначальный взнос России должен составить 750 млн. долл.) Фонд сможет начать свои операции⁵.

Чрезвычайно важно также предоставление помощи Россией на двусторонней основе таким странам как Киргизия, которая выражает ясное намерение развивать тесное экономическое сотрудничество с Россией. В свою очередь, Россия уже выделила Киргизии 150 млн. долл. в виде гранта и 300 млн. долл. – в виде льготного кредита⁶. Страны выразили намерение удержать уровень товарооборота даже в условиях международного кризиса (см. таблицы 3, 4 в тексте и таблицы в статистическом приложении) и осуществлять все крупные инвестиционные проекты в Киргизии на двусторонней и многосторонней – в рамках ЕврАзЭС – основе.

Некоторые направления посткризисного сотрудничества

Сейчас многие политики и эксперты выражают озабоченность по поводу того, что в долгосрочной перспективе главной опасностью в результате текущего экономического кризиса является «возрождение протекционизма». Для стран Центральной Азии – это опасно вдвойне, так как является прямым путем к торможению экономического роста. Видный британский политик, член лейбористского кабинета министров П. Мендельсон выражает весьма распространенную точку зрения, что «...открытая система мировой торговли может быть самым мощным средством борьбы с бедностью»⁷. А регион Центральной Азии – как раз среди тех районов мира, для которых борьба с бедностью остается самой актуальной задачей.

Более того, уже во время кризиса важно предпринимать меры, которые позволили бы заменить защиту наиболее уязвимых субъектов хозяйственной деятельности и даже целых секторов экономики, бесперспективных с точки зрения их будущей эффективности, на поиск и поддержку новых «локомотивов роста», способных вывести экономику на качественно иной уровень развития, модернизируя ее технологическую базу.

Исходя из вышеизложенных соображений, решения заседания Межгосударственного совета ЕврАзЭС и Высшего органа Таможенного союза от 9-го июня 2009 г. сформировать Таможенный союз трех (России, Белоруссии и Казахстана) трудно переоценить. Сложно сказать, способствовал ли нынешний кризис принятию, наконец, конкретного решения о сроках формирования Таможенного союза и вступления в силу соответствующих договоренностей на уровне исполнительной власти (еще какое-то время понадобится для процедуры ратификации соглашений парламентами).

Тем не менее, прорыв произошел во время кризиса в противодействие набирающей силу, несмотря на противоположные заявления, тенденции к протекционизму, когда национальные правительства предпринимают разнообразные меры к защите секторов, отраслей собственной экономики и собственного населения.

Россия, Казахстан и Белоруссия одобрили проект единого таможенного тарифа в рамках Таможенного союза трех стран. Имеется в виду вступление единого таможенного тарифа в действие с 1 января 2010 г. Также были одобрены предложения сторон по этапам и срокам формирования единой таможенной территории, исходя из начала функционирования Таможенного союза с 1 января 2010 г. и завершения всех необходимых процедур до 1 июля 2011 г. Первый вице-премьер РФ Игорь Шувалов пояснил, что тем самым с 1 июля 2011 г. будет действовать единая инфраструктура (граница, таможня) трех стран.

Говоря о едином таможенном тарифе, И. Шувалов отметил, что он согласован на 100%, «все разногласия сняты». Однако по ряду чувствительных групп товаров (о каких конкретно товарах идет речь – информации пока нет) принято решение установить переходный период сроком до трех лет, сохранив действие внутренних тарифов⁸, что, заметим, является обычной процедурой (подходом) при заключении разного рода таможенно-торговых соглашений.

Очень важной частью принятых решений является переход от индивидуальных страновых заявок на вступление в ВТО к оформлению в перспективе подачи коллективной заявки от членов Таможенного союза. Впечатление, что решения по ВТО были приняты в последний момент возникает из информации о том, что еще накануне заседания глав правительств ЕврАзЭС директор департамента торговых переговоров Минэкономразвития РФ М. Медведков и директор информационного бюро по присоединению России к ВТО А. Портянский продолжали исходить в своих оценках ситуации из того, что Россия продолжает процесс индивидуального вступления в ВТО⁹.

А, между прочим, вопрос о координации вступления трех стран в ВТО в случае формирования Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС всегда представлялся, по крайней мере, многими экспертами как исключительно важный и как неотъемлемая составная часть общего соглашения о формировании Таможенного союза.

Ситуация прояснилась, как минимум на середину 2009 г., когда во время совещания министров финансов G-8 в Италии А. Кудрин пояснил, что Россия отзывает свою заявку на вступление в ВТО и вновь вернется к ней уже в составе тройки через два года, в 2011 г., когда (с 1-го июля) запланировано начало полномасштабного функционирования Таможенного союза в составе трех стран. Тогда же (12 июня 2009 г., согласно заявлению президента Н. Назарбаева) и Казахстан объявил о приостановлении своей заявки о вступлении в ВТО¹⁰.

У этого решения, прежде всего со стороны России, есть много за и против, за ним стоит борьба различных лоббистских групп, есть и усталость от многолетнего пребывания в предбаннике ВТО в ожидании – вот-вот пустят, но в плане продвижения интеграции в рамках ЕврАзЭС это безусловно положительный шаг.

Наверное, кризис все-таки подвинул вопрос вперед и подвинул существенно, если исходить из слов В.В. Путина в начале заседания Межгосударственного совета ЕврАзЭС (по стенограмме): «Мы продвинулись - на 95% согласовали тарифы и сегодня должны некоторые вещи дополнительно утвердить. Хочу поблагодарить всех наших коллег - и с российской стороны, и с белорусской стороны, и с казахстанской стороны - за ту работу, которая была проведена в последние месяцы. Хочу отметить, что инициатива ускорить формирование Таможенного союза исходила от Президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева, который посчитал возможным закончить основные процедуры к 1 января 2010 года. Мы с этим согласились, включились в активную работу по реализации этого предложения. Должен отметить, что на белорусском направлении мы, тем не менее, продвинулись дальше, и согласование тарифов у нас более значительное. Но за последние

месяцы - буквально два месяца - большая работа была проведена и между Россией и Казахстаном».

Есть некоторые разночтения по сообщениям СМИ о том, насколько согласованы позиции в рамках подготовки Таможенного союза – на 95 или 98%, но это не так важно. Главное, что принято решение на высоком правительственном уровне об окончательном формировании Таможенного союза и зафиксированы сроки, от которых будет крайне неудобно отступить, хотя, учитывая историю развития ЕврАзЭС и вообще взаимоотношений в рамках СНГ, следует дожидаться окончательного запуска в жизнь проекта Таможенного союза трех, к которому выразила намерение присоединиться в перспективе и Киргизия.

Как известно в процессе заседания Межгосударственного совета ЕврАзЭС были рассмотрены ключевые для нынешнего момента вопросы:

- об этапах и сроках формирования единой таможенной территории – Таможенного союза Беларуси, Казахстана и Российской Федерации;
- проект единого таможенного тарифа;
- формирование договорно-правовой базы Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества;
- вступление в силу соглашения о ведении таможенной статистики внешней взаимной торговли товарами Таможенного союза от 25 января 2008 года.

В числе других документов, которые были подписаны по итогам заседания, – соглашение о порядке введения и применения мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами на единой таможенной территории в отношении третьих стран, а также соглашение о правилах лицензирования в сфере внешней торговли товарами¹¹.

Естественно, комментарии на решение о создании Таможенного союза были неоднозначными. Во-первых, по поводу его неожиданности. Конечно, длительные переговоры о Таможенном союзе с неоднократным переносом сроков его формирования создавали впечатление слишком затянувшихся. Впрочем, сага о вступлении в ВТО – намного длиннее. Некоторые эксперты в этой связи почему-то решили, что «скорее это попытка припугнуть Запад призраком частичного воссоздания СССР»¹². Это соображение, на наш взгляд, максимально далеко от истины и его вряд ли стоит рассматривать.

Во-вторых, по сути Москва, Минск и Астана подтвердили свою приверженность присоединению к ВТО, однако отметили, что в последние годы этот процесс (присоединения к ВТО) стал фактором сдерживания интеграционных процессов в Таможенном союзе¹³.

Конечно, дискуссия о том, что первично – ВТО или Таможенный союз – велась в России давно. В этом выборе были и экономические, и политические расчеты, однако позиция Запада (США и ЕС) по задержке вступления России и Казахстана, не говоря уже о Белоруссии, в ВТО, используя сам процесс переговоров в качестве рычага давления по разным вопросам – принципиального и непринципиального характера – подтолкнула (и финансово-экономический кризис, видимо, этому также немало способствовал) три страны сделать выбор в пользу Таможенного союза.

По крайней мере, в позиции России по вопросу вступления в ВТО уже какое-то время тому назад появились признаки «неторопливости» при выражении дежурной заинтересованности в приверженности этому вступлению. Можно разделить довольно распространенное впечатление, что «отказ Казахстана, положившего немало сил для интеграции с Западом, от индивидуальных переговоров с ВТО выглядит наиболее загадочным — особенно учитывая сравнительную уступчивость казахстанских переговорщиков»¹⁴. Как и согласиться с мнением эксперта ПИР-Центра Д. Евстафьева, что речь идет об общей попытке перезапустить переговоры с

ВТО. По его мнению, «для всех трех стран вступление в ВТО на нынешних условиях сегодня просто невыгодно. Со стороны организации в последнее время опять возобновилась практика шантажа. Попытка вступить в ВТО “пакетом” с учетом договоренностей в рамках Таможенного союза делает этот шантаж бессмысленным»¹⁵. Хотя, добавим, и сильно это вступление затягивает. По первым впечатлениям решение «тройки» поставило ВТО и Запад в состояние некоторого «недоумения».

Так, председатель рабочей группы по присоединению России к ВТО Стефан Йоханнессон заявил (по информации агентства Рейтер), что решение России, Белоруссии и Казахстана о намерении присоединиться к Всемирной торговой организации в качестве единой таможенной территории может отсрочить вступление России в организацию. Он отметил, что Москва заранее не уведомила ВТО о намерении присоединиться к ней в составе Таможенного союза. «Решение стало настоящим сюрпризом, из Москвы никаких данных не поступало. Это может отложить принятие РФ (в ВТО)... Неясно, могут ли эти страны присоединиться (к ВТО) в составе Таможенного союза...Это очень сложный вопрос, который может иметь правовые последствия, способные отсрочить переговоры», сказал г-н Йоханнессон¹⁶.

Правда, А. Куртов из Российского института стратегических исследований (РИСИ) высказал мнение, что говорить об изменении приоритетов, например, Казахстана не приходится. Он считает, что «как только Запад даст Астане знать, что принять Казахстан в ВТО готовы без РФ и Белоруссии, они сделают выбор в пользу Запада...Возможно, дело отчасти в том, что генсеком ЕврАзЭС сейчас является представитель Казахстана Таир Мансуров, и Астане выгодно подчеркнуть хоть какие-то успехи представителя Казахстана на этом посту»¹⁷.

При всех зигзагах в политике партнеров России по ЕврАзЭС, такие соображения, особенно последнее, по мотивам политики Казахстана представляются не очень серьезными. Отступление от принятых решений по указанным причинам для Казахстана и его многолетнего лидера было бы равнозначно потери лица, причем не только в России, отношения с которой слишком важны, чтобы подрывать их таким образом, но и на Западе, и на Востоке.

А. Куртов напоминает также, что претензии к каждой стране в отдельности не исчезнут: «Россия с Казахстаном как экспортеры аграрной продукции делают заявления о создании зернового пула. Многие члены ВТО не пожелают видеть нас своими конкурентами. Будут давить на размеры дотаций аграрному комплексу. А требования к Белоруссии, как и раньше, будут политическими».

Кроме того, отмечается, что продвинутость переговоров с ВТО у трех стран разная, и Москве, и Астане, и Минску еще предстоит согласовать общую переговорную позицию. На выработку такой согласованной позиции, в том числе, по сельскому хозяйству, а это касается и Белоруссии (что продемонстрировала «мясо-молочная истерика», говоря словами президента Д. Медведева, в отношениях с Россией почти на следующий день после принятия решения о Таможенном союзе), как раз и должно быть отведено два года, так как в качестве единой таможенной территории «союз трех» появится 1-го июля 2011 г. И здесь главное – продвижение собственной интеграции, что усилит позиции членов Таможенного союза на мировых рынках: в рамках ВТО или вне их.

По мнению Владимира Тарасова, руководителя аграрного центра ЕврАзЭС, из сложившейся ситуации (вокруг формирования Таможенного союза и вступления в ВТО) для всех трех государств оставлен только один выход: завершить формирование Таможенного союза с изменением формата вступления в ВТО с индивидуального на одновременный прием всех трех государств в формате

Таможенного союза. Это допускается процедурами ВТО и подтверждается прецедентами¹⁸.

Конечно, формирование Таможенного союза – весьма трудоемкое дело, оно потребует еще немалых согласований, отработки механизмов гармонизации законодательства функционирования наднационального таможенного органа или органов, но если стратегическая цель России – интеграция на пространстве СНГ, то Таможенный союз – серьезный шаг в этом направлении, несмотря на все ожидаемые и неожиданные трудности на пути его формирования.

Тем более, что можно согласиться с весьма распространенным мнением, выраженным, в частности, главным экономистом инвестиционного банка «Траст» Е. Надоршиным, что в нынешних условиях «нечленство» в ВТО не является для России критическим. «Сырье и оружие у нас и так возьмут, а ждать какого-то технологического прорыва и изготовления большого количества инновационной продукции в ближайшие годы не приходится», справедливо полагает он¹⁹.

Другие сферы сотрудничества

Помимо Таможенного союза, на протяжении определенного времени страны-члены ЕврАзЭС рассматривали различные варианты движения к развитию экономического сотрудничества через создание соответствующих межгосударственных институтов с выходом в перспективе на интеграцию. Один из недавних примеров – начало функционирования Евразийского Банка Развития (ЕАБР), где основную роль играют инициаторы его создания – Россия и Казахстан (в апреле 2009 г. в него вступила Армения, а в декабре 2008 г. начали процесс присоединения к ЕАБР Белоруссия и Таджикистан)²⁰.

В какой-то мере с деятельностью ЕАБР, особенно в перспективе, связана возможная роль рубля в качестве региональной валюты. Сейчас много разговоров о региональном финансовом сотрудничестве, но не только: предпринимаются и конкретные шаги в этом направлении – в Восточной Азии, на Арабском Востоке и т.д. Создание Таможенного союза в ЕврАзЭС в принципе должно активизировать использование российского рубля в расчетах в рамках единого таможенного пространства. Уже какое-то время говорится о расширении использования рубля во взаимных расчетах России с ближайшими партнерами по СНГ. Но Антикризисный фонд в рамках ЕврАзЭС установлен в долларах США. А Белоруссия идет на формирование Таможенного союза, одновременно отказываясь от получения «антикризисного» кредита у России в рублях (в эквиваленте 500 млн. долл.), предпочитая «твердую» валюту.

С учетом нарастания активности Китая в Центральной Азии, его финансовой мощи и перекрестного членства стран Центральной Азии в ЕврАзЭС и ШОС, на пространстве региона возможно действие двух региональных валют – рубля и юаня. Министр финансов Казахстана Болат Жамишев уже заявлял, что Казахстан может использовать юань в качестве резервной валюты²¹. Конечно, юань еще только на пути (постепенном) к превращению в свободно конвертируемую валюту, но это не мешает использовать его в расчетах не только между членами ШОС (и ЕврАзЭС), но и в целом на пространстве Центральной Азии.

Сектора (отрасли) сотрудничества

Кризис стимулирует компании присматриваться (и покупать) подешевевшие (из-за кризиса) активы, что способствует переливу капиталов между странами, особенно (в данном случае), из России в Центральную Азию (инфраструктурные

объекты, в частности, железнодорожные; в сфере телекоммуникаций – мобильная связь и т.п.)²².

Энергетика остается очень важной и одновременно конкурентно-конфликтной сферой в регионе:

а) Нефть-газ

Здесь ситуация становится все более сложной в смысле переплетения различных интересов, прежде всего в сфере добычи и, особенно, транспортировки природного газа: Россия («Газпром») стремится сохранить, по возможности, максимальный доступ к ресурсам природного газа в регионе, что наталкивается на естественное желание газодобывающих стран диверсифицировать свои экспортные потоки.

Возрастает роль внешних, внерегиональных игроков в энергетике: Не снижается активность Соединенных Штатов и ЕС. США, не являясь в данном случае потребителем, продолжают свою геополитическую линию (при всех администрациях в Белом доме) на подрыв монополии России на транспортные пути доставки природного газа (и на снижение ее доли в нефтяных транзитных потоках) на мировые рынки, прежде всего, в западном направлении, поскольку в восточном, китайском направлении монополия «Газпрома» подорвана чисто географическим фактором – нет необходимости поставлять углеводороды в Китай через Россию.

ЕС проводит такую же политику «обхода России», но еще являясь к тому же и заинтересованным потребителем.

Китай, в свою очередь, увеличивает «антикризисную помощь» странам Центральной Азии и инвестиции в региональную энергетику в обмен на увеличение или обещание увеличить поставку углеводородов.

С другой стороны, в нефтяной отрасли такие российские игроки как «Лукойл» демонстрируют желание, без особой оглядки на кризис, инвестировать средства в расширение своего присутствия в Центральной Азии²³.

б) Атомная энергетика

Россия активизирует восстановление своей атомной промышленности через деятельность «Росатома», в т.ч. на внешних рынках. В этом плане Казахстан представляет значительный интерес в качестве источника уранового сырья (2-е место в мире по запасам после Австралии). Здесь у России немало упущенных (в пользу таких конкурентов как Канада, Франция, Япония) за время после распада Советского Союза возможностей, которые надо нагонять. И единственный путь к этому – воссоздание производственной кооперации (в соответствии с заключенным межправительственным соглашением «Об интеграции предприятий ядерно-топливного цикла») наподобие той, что существовала в рамках знаменитого «государства в государстве»: советского министерства среднего машиностроения.

Сейчас речь о нескольких стадиях сотрудничества: первая – СП на месторождении «Заречье» (Южно-Казахстанская область, левобережье Сырдарьи), где в конце 2006 г. официально вошло в строй предприятие по производству уранового концентрата с проектной мощностью в 1 тыс. т (для сравнения – общий уровень производства концентрата в Казахстане в 2009 г. планировался почти в 13 тыс. т на одиннадцати предприятиях); вторая – сотрудничество на базе Международного центра по обогащению урана в Ангарске (РФ); третья – совместная разработка реактора средней мощности ВВЭР-300 с последующим строительством первого блока в г. Актау (Казахстан)²⁴.

Правда и здесь наблюдаются проявления «многовекторной» политики у основного регионального партнера России – Казахстана. Так президент страны Н. Назарбаев заявил, что допускает возможность разместить на территории

республики международный банк ядерного топлива (БЯТ) – хранилище низкообогащенного урана, подконтрольное МАГАТЭ. В конце марта 2009 г., по сообщениям печати, Казахстан направил в эту международную организацию соответствующее предложение. Вышеупомянутое предприятие в Ангарске, где у Казахстана (через «Казатомпром») 10%-ная доля – видимо, имеет схожую проектную направленность²⁵.

Иногда создается впечатление, что многовекторность и желание постоянно выдвигать новые предложения и инициативы – самодостаточны, имеют собственную логику, независимы от комплекса других соображений, развития общей обстановки и т.п. То есть идеи выдвигаются ради самого их выдвигания и многовекторности – без учета разных сопутствующих обстоятельств, которые будут влиять на их реализацию самым непосредственным образом. Впрочем, это явление в рамках ЕврАзЭС выходит далеко за пределы одной страны.

Сельское хозяйство

Превращение России и Казахстана в активных экспортеров зерна поощряет выдвигание различных предложений по координации действий на внешнем рынке в силу его специфики и специфики самого сельского хозяйства. В самое последнее время появился проект Зернового пула трех стран с участием Украины, впрочем, последняя (учитывая нестабильность в стране), может только усложнить реализацию этого проекта, поэтому главное здесь – сотрудничество России и Казахстана.

Также заинтересована в диверсификации экономических взаимоотношений с Россией Киргизия, которая начала заниматься не только крупными энергетическими проектами, но и проектами в сельском хозяйстве. По словам премьер-министра Киргизии, на основе опыта инвестиционного сотрудничества в энергетике таким же образом можно развивать серьезную кооперацию в области сельского хозяйства, где потенциал достаточно большой²⁶.

Вообще сельское хозяйство на пространстве ЕврАзЭС обладает огромным потенциалом развития как при ориентации на рынки самих стран организации, так и при выходе на рынки третьих стран. Сельское хозяйство при развитии кооперации и соответствующих инвестиционных и организационных решениях может стать и мощным локомотивом роста, что позволит во многом справиться с бедностью, и одним из локомотивов интеграции в рамках ЕврАзЭС.

Сектор инноваций

В мае 2009 г. на заседании Совета по финансово-экономической политике государств-членов ЕврАзЭС была достигнута договоренность о создании центра высоких технологий в области электроники. А по итогам заседания Межгосударственного ЕврАзЭС в июне 2009 г. была утверждена концепция и положение о Центре высоких технологий ЕврАзЭС²⁷.

Насколько это подвигнет сотрудничество в сфере инноваций – можно будет увидеть (если это получится) лет через пять, не раньше. По оценке министра финансов России А. Кудрина, этот центр впоследствии станет локомотивом экономик ЕврАзЭС²⁸. Вопрос только в том: когда «впоследствии»?

По крайней мере, В. Путин подчеркнул два момента: а) Центр высоких технологий ЕврАзЭС начнет функционировать в 2009 г. «Его задача способствовать развитию научно-технической деятельности в наших государствах», - заявил премьер-министр РФ по итогам заседания Межгоссовета ЕврАзЭС; б) Путин также отметил, что главы правительств ЕврАзЭС пришли к единому мнению о том, что

«кризис - это не повод отказываться от долгосрочных проектов, прежде всего, связанных с модернизацией экономик и их переводом на инновационные рельсы»²⁹.

Заключение

Среди самых серьезных препятствий для регионального экономического сотрудничества остаются противоречия между самими странами Центральной Азии (вплоть до рытья траншей на границе Узбекистана с Киргизией или установки минных полей на границе того же Узбекистана с Таджикистаном), которые в значительной мере ухудшают среду для развития интеграции.

Другая опасность – это сохранение иждивенческих настроений в некоторых странах в отношении России, что задерживает раскрытие собственного потенциала экономического роста и ведет к простому перераспределению внутренних и внешних ресурсов без их особого наращивания.

Часть стран Центральной Азии останется в долгосрочной перспективе экспортерами рабочей силы. Такую ситуацию мог бы изменить только резкий рывок в экономическом развитии, который, например, предприняла Южная Корея. И то на это потребовалось немало времени. У стран Центральной Азии таких рывков не предвидится – по многим причинам, прежде всего, системного характера.

Поэтому проблема миграции рабочей силы требует эффективного и цивилизованного регулирования с участием всех заинтересованных сторон, в т.ч. налаживания подготовки и переподготовки кадров, системы социальной защищенности рабочих- мигрантов и т.п. То есть потребует новой идеологии в отношении миграции рабочей силы, особенно после окончательного вступления в силу соглашения о Таможенном союзе.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Внешняя торговля России со странами Центральной Азии
(по данным ФТС Российской Федерации)

Таблица 1

Экспорт России (млн. долл.)

Страны/годы	2001	2005	2006	2007	2008
Казахстан	2778	6526	8967	11 920	13 361
Узбекистан	409	861	1087	1729	2068
Киргизия	83	397	561	879	1311
Таджикистан	69	240	378	607	794
Туркменистан	140	224	229	384	810
Всего	99 696	241 200	301244	351 930	468 073

Таблица 2

Импорт России (млн. долл.)

Страны/годы	2001	2005	2006	2007	2008
Казахстан	2 018	3209	3840	4623	6370
Узбекистан	584	904	1292	1471	1292
Киргизия	62	145	194	291	492
Таджикистан	130	95	126	162	209
Туркменистан	39	199	80	69	100
Всего	41 881	98 577	137 807	199 754	266 918

Таблица 3

Внешнеторговый оборот России (млн. долл.)

Страны/годы	2001	2005	2006	2007	2008
Казахстан	4796	9735	12 807	16 543	19 731
Узбекистан	993	1765	2379	3200	3360
Киргизия	145	542	755	1170	1803
Таджикистан	199	335	504	769	1003
Туркменистан	179	423	309	453	910
Всего	141 577	339 777	439 051	551 684	734 991

Примечания

- ¹ <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.
- ² Там же.
- ³ Российская газета. 21.05.2009.
- ⁴ Там же.
- ⁵ <http://quote.rbc.ru/stocks/news/2009/06/10/32464082.shtml>.
- ⁶ <http://www.rian.ru/economy/20090609/173858959.html>.
- ⁷ Ведомости.05.06.2009.
- ⁸ www.Quote.ru. 10.06.2009.
- ⁹ См. Ведомости. 11.06.2009.
- ¹⁰ <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20090612132515.shtml>.
- ¹¹ <http://quote.rbc.ru/stocks/news/2009/06/10/32464082.shtml>.
- ¹² <http://www.rbcdaily.ru/index1.shtml>. 10.06.2009.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ <http://www.rbcdaily.ru/index1.shtml>. 10.06.2009.
- ¹⁶ Время Новостей. 11.06.2009.
- ¹⁷ <http://www.rbcdaily.ru/index1.shtml>.
- ¹⁸ Российская Бизнес-газета. 26.05.2009.
- ¹⁹ Время Новостей. 11.06.2009.
- ²⁰ <http://www.eabr.org/rus/about/members>.
- ²¹ Эксперт, № 15, 20-26 апреля 2009 г., стр. 10.
- ²² Один из многих примеров – интерес к предприятиям в Центральной Азии со стороны операторов мобильной связи – «Билайн» и МТС. Ведомости.02.06.2009.
- ²³ См., например, «Кризис не пугает Алекперова». Ведомости. 05.06.2009.
- ²⁴ Российская газета.04.06.2009.
- ²⁵ Эксперт, №14, 13-19 апреля 2009 г., стр. 8.
- ²⁶ <http://www.rian.ru/economy/20090609/173858959.html>.
- ²⁷ <http://quote.rbc.ru/stocks/news/2009/06/10/32464082.shtml>.
- ²⁸ Российская газета.21.05.2009.
- ²⁹ <http://www.rian.ru/science/20090609/173850956.html>.

Каспий: нефтяной транзит и проблемы экологии

Каспийский регион — арена столкновения политических, экономических, а в последние годы и экологических интересов. С экологическими требованиями чаще всего выступает Россия, и они, так или иначе, концентрируются на проблеме сохранения уникальной экосистемы Каспийского моря и ее биоресурсов в связи с перспективой расширения нефтедобычи прикаспийскими странами.

В большинстве публикаций, появившихся в последние годы в России, понятия "катастрофичность" и "глобальность" применительно к экологическим последствиям нефтяных операций на Каспийском море употребляются постоянно. Интенсификация нефтедобычи представляет серьезную угрозу для сохранения экосистемы и биоресурсов этого уникального закрытого водоема. И в экологическом споре вокруг Каспия четко обозначались разные позиции прибрежных государств по характеру использования его природных богатств — углеводородов и биоресурсов.

И сейчас, как и прежде, выбор прикаспийскими странами приоритетного направления использования природных ресурсов обосновывается прежде всего экономическими и политическими соображениями и государственными стратегическими интересами. По мнению руководителя казахстанского агентства прикладной экологии, "когда Казахстан приобрел независимость, вопрос больших запасов нефти стал вопросом стратегического выживания республики. Пока у нас есть надежда. И отказаться от нее мы не можем и не должны."¹ Для Азербайджана, Казахстана и Туркменистана освоение запасов углеводородных ресурсов на Каспии — это, по мнению экспертов, "билет, открывающий им путь к решению сложных экономических проблем и уменьшению их зависимости от России".²

При всей безусловной оправданности выдвигаемых Россией экологических требований и высказываемых ею тревог, не стоит упускать из виду и такой момент, что за этими экологическими посылами России скрываются ее экономические интересы, связанные с развитием рыболовецкой индустрии. Россия в отличие от своих соседей имеет меньший интерес к нефтегазовым ресурсам Каспия и больше заинтересована (по сравнению с другими прикаспийскими странами) именно в развитии рыбного хозяйства. И если в настоящий момент добыча нефти на Каспии, которая осуществляется в основном Азербайджаном, не наносит особого ущерба российскому рыболовству, то ситуация может резко измениться в случае крупномасштабного освоения морского шельфа, в результате чего от выбросов нефти могут пострадать основные нерестилища, находящиеся в мелководной части северного Каспия.³

И в данном случае выступления экологов в защиту сохранения уникального природного богатства Каспия — осетровых рыб отвечают национальным интересам России, которая до последнего времени была одним из крупнейших в мире экспортеров черной икры. Россия вкладывает значительные средства в сохранение и воспроизводство популяции каспийского осетра, миграционные пути которого пролегают вдоль всего побережья Каспийского моря.

То, что обращение к экологии нередко становится средством политического и экономического давления в дипломатической практике — ни для кого не секрет, однако это вовсе не означает, что экологическая проблема отсутствует.

Именно такая ситуация сегодня и сложилась, когда возникают проекты строительства транскаспийских трубопроводов для транспортировки казахстанской нефти и туркменского газа в Европу в обход России, заинтересованность в которых помимо Казахстана, Туркменистана и Азербайджана проявляют Евросоюз и США.

Дело в том, что по азербайджано-казахстанскому проекту сооружения транскаспийского подводного нефтепровода, соединяющего Мангышлак и Апшерон, нефть и газ стран Центральной Азии через Каспийское море, Азербайджан, Грузию и Турцию могли бы поставляться в Европу. Транскаспийский газопровод предполагаемой мощностью 30 млрд. кубометров должен соединить газовые месторождения Туркмении и Казахстана с уже построенным газопроводом Баку-Тбилиси-Эрзерум и дать гарантии загрузки газопровода «Набукко» (он должен пройти через Азербайджан, Грузию, Турцию, Болгарию, Румынию, Венгрию и Австрию).

Казахстанский и туркменский газ сегодня экспортируется в Европу исключительно через систему "Газпрома". Казахстан и Туркменистан, несмотря на публичные заверения в том, что такая ситуация их устраивает, тем не менее не оставляют планов прокладки альтернативных путей. Азербайджан стремится в перспективе присоединить транскаспийский газопровод к линии Баку-Тбилиси-Джейхан и тем самым заставить свою трубу работать на полную мощность. Как заявил президент Казахстана Н. Назарбаев, разработка различных маршрутов поставок газа "не исключается". "У нас совершенно прагматический подход, диверсификация поставок для нас выгодна, возрастающие объемы добычи требуют диверсификации. Куда выгодно, туда и транспортируем" Г. Бердымухаммедов, президент Туркменистана, также подтвердил, что альтернативный проект транскаспийского газопровода может быть реализован в будущем. «Во всем мире идет диверсификация... и проект не снят (с повестки дня).»⁴ На сегодня же Туркменистан рассматривает данный проект скорее как возможность увеличения геополитического веса страны и дополнительного привлечения западных инвестиций в свою газовую отрасль.⁵

Россия же предлагает ускорить развитие международного транспортного коридора "Север-Юг". И как заявил В. В. Путин, "укрепление транзитного потенциала Каспия способствовало бы созданию дополнительного водного канала, который свяжет его с Черноморско-Азовским бассейном".⁶

Роль транскаспийского направления перевозок нефти возрастает с наращиванием добычи на шельфе Каспия. Вопрос о строительстве транскаспийского газопровода впервые был поднят в середине 1990-х годов Турцией. О реанимации этого проекта Евросоюз заговорил в начале 2006 г. после возникшего газового конфликта между Россией и Украиной. Как сообщил комиссар Евросоюза по вопросам энергетики Андрис Пиебалгс, "мы поддерживаем создание четвертого коридора для транспортировки газа в страны Евросоюза. Мы обязательно поддержим строительство транскаспийского трубопровода, поскольку нам это даст дополнительные объемы газа, а для Казахстана станет одним из путей диверсификации экспортных маршрутов".⁷ В свою очередь США, которые давно вынашивают планы строительства транскаспийского трубопровода, выделили средства из госбюджета на разработку его технико-экономического обоснования. Как заявил посол США в Республике Казахстан Ричард Хоугланд, "мы думаем, что нефтепровод по дну Каспия экономически и технически более выгоден, чем транспортировка танкерами, и политически более обоснован. Кроме того, с нашей точки зрения, для того, чтобы построить такой трубопровод, нет необходимости, чтобы все пять прикаспийских государств согласовали делимитацию Каспия. Этот проект будет взаимовыгодным для всех его участников, включая нефтедобывающие компании".⁸

Вопрос транспортировки каспийской нефти и газа является одним из ключевых в клубке проблем Каспийского региона. В этом вопросе сталкиваются

интересы всех заинтересованных стран. Россия при этом выступает против строительства трубопроводов, ссылаясь на связанные с этим экологические риски.

Главными аргументами противников транскаспийского трубопровода являются сложный рельеф морского дна и высокая сейсмическая нестабильность региона. Согласно заключению российских сейсмологов, прокладка нефтепровода по дну Каспия чревата авариями и обширными разливами нефти в результате подводных землетрясений.⁹ Кроме того, дно Каспия подвержено грязевому вулканизму.

Район прокладки трубопроводов — южная и большая часть среднего Каспия — является территорией повышенной сейсмической опасности. По статистике, в акватории Каспия ежегодно происходит до 1 тыс. землетрясений силой до 3 баллов по шкале Рихтера, а количество слабых толчков вообще исчисляется многими тысячами. Здесь же обнаружен крупный глубинный разлом, разделяющий область северного Каспия на две части.

Дно Каспия представляет собой нестабильную среду, склонную к оползневым подвижкам, способным смести трубопроводные магистрали. Вызвать оползни могут подводные землетрясения, извержения грязевых вулканов, выбросы газа.

Максимальный перепад глубин на отрезке между восточным и западным берегами моря составляет 790 м. А это означает угрозу возникновения оползневых явлений. Можно предположить, что разработчики транскаспийских проектов вряд ли проложат трассы через глубоководные участки. В частности, нефтяная труба вероятно пойдет из Актау в Баку не напрямую, через Дербентскую впадину или прилегающие к ней глубоководные зоны (500-790 м), а в обход — сначала с севера на юг вдоль берегов Казахстана и Туркменистана, где глубина не превышает 100 м, а затем с востока на запад, в сторону Баку. Но даже в этом случае перепад высот на маршрутах составит до 250-300 м.¹⁰

Определить, насколько динамично меняется рельеф каспийского дна, и выявить наиболее опасные его участки можно было бы путем сравнения карт. Их во времена существования СССР составляли на основании геологических и географических данных, полученных специальными структурами ВМС. Однако с 1991 г. подобного рода исследования на Каспии не проводились. Как следствие — у проектировщиков транскаспийских трубопроводов нет четкого представления о рельефе дна. Поэтому у них неизбежно возникнут проблемы с выбором наиболее безопасных маршрутов.

В силу существующих природных условий неизбежно возникнут и технические проблемы, связанные с мониторингом состояния трубы под толщей воды. Строительство надежного трубопровода практически исключено, к тому же надежная труба будет иметь колоссальную стоимость, что сделает невыгодной транспортировку любой даже самой дешевой нефти.

Для Каспия как замкнутой экосистемы достаточно небольшой аварии с разливом нефти, чтобы вызвать начало смерти моря. В силу замкнутого характера водоема и направления течений в случае аварии, независимо от трассы трубопровода, ущерб будет нанесен всем без исключения прибрежным государствам и водоему в целом, пострадает его экосистема и, соответственно, биоресурсы. Экологические последствия при авариях на морских нефтепроводах в десятки раз выше, чем на нефтепроводах, проходящих по суше, и прогнозировать их последствия очень трудно.¹¹

Подводные трубопроводы большой мощности могут представить угрозу биоресурсам, в частности, осетровым рыбам и по той причине, что станут источником сильного виброакустического поля, которое может затруднить миграцию осетра. Данная порода рыб отличается гиперчувствительностью к акустическому воздействию. В результате осенью осетр не сумеет уйти из вод северного Каспия,

где температура к зиме в состоянии опуститься до +4°C, и неизбежно погибнет. Аналогично тот же барьер встанет весной на пути миграции рыбы в дельту Волги на свои нерестилища. Однако эта пока лишь гипотеза, требующая проверки.¹²

Но то, что известно наверняка, это то, что Каспий обладает уникальным природным миром. Сотни видов флоры и фауны — к примеру, каспийский тюлень, — нигде больше не встречаются, и составляют бесценный генофонд биологического разнообразия планеты. Богатые природные ресурсы Каспийского моря включают свыше 500 видов растений, 854 вида рыб (90% мировых запасов осетровых). А некоторые районы — морские заливы и водно-болотные угодья у туркменского побережья Каспия (откуда намечена прокладка транскаспийского газопровода) называют "Птичьим Эльдorado". Они служат местом обитания, гнездования и зимовки миллионов птиц — фламинго, лебедей, гусей, уток, цапель, пеликанов и включены в особый список Рамсарской конвенции со статусом угодий международного значения.

Гипотетически можно представить и такую опасность как возможность возникновения экологической катастрофы в результате "технологического терроризма", направленного на повреждение или уничтожение платформ или трубопроводов с целью нанесения ущерба окружающей среде.

Международные террористические организации, например "Аль-Каида", регулярно грозят нанести удар по экономическим интересам США и их европейских союзников. И транскаспийские трубопроводы — это как раз цели, способные привлечь их внимание, как по политическим соображениям, так и по техническим способам решения. Разрушить транскаспийские трубопроводы в техническом отношении сделать несложно — эффективная атака на них не потребует ни особых затрат, ни жизни террористов-смертников. Для нанесения результативных ударов достаточно привлечь специалиста по морскому подрывному делу, который на глубине 30-40 м заложит под трубу бомбу с часовым механизмом, либо использовать в этих целях донные бомбы, сброшенные над трассой трубопровода с рыбацкой лодки и способные вызвать на дне моря оползни, которые и разрушат подводные магистрали.¹³ Россия неоднократно выражала свою недвусмысленную позицию по вопросу строительства транскаспийских трубопроводных магистралей, в том числе и на самом высоком государственном уровне. Как отметил В.В. Путин на саммите глав прикаспийских государств, состоявшемся в 2007 г., "экологическая безопасность должна стать мерилom безопасности всех проектов на Каспии, особенно в сфере освоения и транспортировки энергоресурсов".¹⁴ Он обратил внимание на "резкое сокращение популяции осетровых, в том числе во впадающих в Каспий реках", что является самым очевидным показателем экологического неблагополучия в регионе. В связи с этим он призвал своих коллег соблюдать необходимый разумный баланс между развитием производства нефти и газа и укреплением экосистемы Каспия.

Эта позиция Россия находит активную поддержку у Ирана. По мнению заместителя министра иностранных дел Ирана Мехди Сафари, поскольку имеются подходящие условия для транзита энергии через Иран и Россию, нет надобности в строительстве трубопровода по дну Каспийского моря, представляющего угрозу для него.¹⁵

Именно исходя из наличия высоких экологических рисков, Россия настаивает на том, чтобы проекты трубопроводов, независимо от того, где именно они пройдут по дну моря, должны быть согласованы всеми пятью прикаспийскими странами на основе принятия "консенсусных решений". Как заявил В.В. Путин в преддверии вышеупомянутого саммита глав прикаспийских государств, "проекты, которые могут нанести серьезный ущерб окружающей среде в регионе, не могут осуществляться

без предварительного обсуждения всеми пятью прикаспийскими государствами".¹⁶ В порядке компромисса можно было бы допустить их сооружение при условии, что экологическая экспертиза таких проектов будет одобрена всеми прикаспийскими государствами, а в случае аварии проложившая их сторона будет нести материальную ответственность за ущерб, нанесенный другим сторонам и природной среде.

Иран разделяет этот подход России, и по словам представителя президента Ирана по вопросам Каспия, "лишь консенсус между всеми пятью прикаспийскими правительствами, имеет законную силу. Двух- или трехсторонние договоренности ни в коем случае не могут служить критерием для определения правового статуса Каспия, не имеют легитимности с точки зрения международного права".¹⁷

Этот подход России, однако, встречает возражения со стороны Азербайджана и Казахстана, которые подвергают сомнению справедливость экологических утверждений России, приводя в пример построенный ею же через Черное море газопровод "Голубой поток". Казахстан выдвигает встречное предложение, согласно которому "маршруты будущих трубопроводов по дну Каспия достаточно согласовывать лишь с теми прикаспийскими странами, по территориальным участкам которых они будут проложены."¹⁸ Кроме того, Казахстан предлагает закрепить в будущей конвенции о правовом статусе Каспия положение о свободе транзита всеми транспортными средствами. И как отметил Н. Назарбаев, "в данном случае речь идет не только о судах, но и о других видах транспорта, в том числе и о трубопроводах".

Рамочная конвенция о защите морской среды Каспийского моря, которую прибрежные государства подписали в 2003 г., позволяет России тормозить реализацию "обходных" трубопроводных проектов, но в то же время преградой для их сооружения не является. Статья 2 конвенции призывает к защите экологии Каспийского моря от всех источников загрязнения, включая "обеспечение защиты, предупреждение, восстановление устойчивого и рационального использования биологических ресурсов Каспийского моря".¹⁹ Таким образом, стороны, подписавшие конвенцию, призываются к предотвращению и сокращению деятельности, осуществляемой на морском дне, и к захоронению отходов. Однако существующие договоренности между Россией и Казахстаном, Россией и Азербайджаном касаются работ, связанных с геологоразведкой и добычей углеводородов, но не с прокладкой трубопроводов.

Кроме противодействия со стороны России строительству трубопровода может помешать отсутствие соглашения между прикаспийскими странами о разделе Каспийского моря. То, что транскаспийский трубопровод должен пройти по дну Каспийского моря, рождает множество проблем, связанных с правовым статусом этого водоема. Однако в действующих договорах, регулирующих взаимоотношения между государствами Прикаспийского региона, ничего не сказано о возможности или невозможности строительства транскаспийских трубопроводов. А то, что не запрещено, то позволено.

Мнение России по этому поводу озвучил министр промышленности В. Христенко, который отметил, что принимать решения о строительстве каких-либо трубопроводов по дну Каспийского моря можно будет только после окончательного урегулирования правового статуса Каспия.²⁰

Эксперт по каспийскому региону А. Грозина считает, что "ситуация, складывающаяся сейчас вокруг правового статуса Каспийского моря, Москву по большому счету устраивает. Эта неопределенность не позволяет с уверенностью говорить о возможности реализации альтернативных трубопроводов для поставок энергоресурсов (в первую очередь транскаспийского) по дну моря". Опираясь на

нормы международного права, России можно в условиях неопределенности со статусом Каспия тормозить реализацию энергетических проектов.²¹

В выступлениях России против прокладки транскаспийского трубопровода многие усматривают не только экологические мотивы. Например, обращается внимание на то, что российское правительство, которое только после личного вмешательства в дело президента В. В. Путина отреагировало на выступления экологов, протестовавших против строительства нефтепровода Восточная Сибирь - Тихий океан как угрожающего судьбе Байкала, в то же время, когда речь заходит о Каспии, обосновывает свое неприятие транскаспийского маршрута заботой об экологии.²²

Россию обвиняют в том, что она использует экологию в качестве средства давления на своих прикаспийских соседей в тот момент, когда почувствовала, что Казахстан, Туркменистан и Азербайджан могут осуществить строительство трубопроводов по дну Каспийского моря и тогда она лишится контроля над потоком энергоресурсов. Ряд специалистов полагают, что основная причина неприятия Россией проекта транскаспийского трубопровода заключается в том, что он позволит Казахстану быть менее зависимым от российской трубы в вопросах экспорта нефти.²³

С другой стороны, вряд ли Россию можно упрекнуть в том, что она пытается в конкурентной борьбе защитить свои национальные интересы и то, что она использует в этих целях экологические лозунги при существовании не надуманной, а реальной экологической угрозы, является вполне оправданным. Дополнительные рычаги влияния, тем более, если они связаны с главным экспортным продуктом, чрезвычайно важны для России. Как заметил первый вице-спикер Госдумы Олег Морозов, Россия должна продвигать свои энергоресурсы, в том числе и на Запад, так, чтобы это было максимально выгодно нам с экономической точки зрения. Поэтому любые попытки предлагать другие схемы, не выгодные России, будут встречать наше сопротивление.²⁴

В то же время европейские страны и США, лоббирующие эти проекты, для которых экология уже давно стала неотъемлемым компонентом их экономической деятельности, в данном конкретном случае об экологии умалчивают и ставят свои экономические и геополитические интересы выше интересов сохранения Каспия.

Примечания

¹ Ю.И. Эйдино. Однозначно ли будущее Каспия. — "Зеленый мир", № 5-6, 2001.

² <http://www.caspianstudies.com/article/Rachel%20Nevil.htm>

³ Экологические проблемы добычи и транспортировки углеводородов Каспия и Каспийского региона. - М: ИМЭМО РАН, 2004. – с. 16.

⁴ <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=1732&ct=articles>

⁵ Проблемы и перспективы строительства транскаспийской газовой магистрали. [http://www.postsoviet.ru/page.php?pid=831\(14.02.2008\)](http://www.postsoviet.ru/page.php?pid=831(14.02.2008))

⁶ Россия и Казахстан взяли Каспий в свои руки. <http://www.rbcdaily.ru> (17.10.2007)

⁷ <http://www.gazpromexport.ru/default.asp?pkey1=0000200017&id=109013>

⁸ <http://www.zakon.kz/our/news/news.asp?id=30385418> (25.02.2009)

⁹ И.С. Зонн, С.С. Жильцов. Новый Каспий. География, экономика, политика. - М., 2008. - с. 502.

¹⁰ <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-16883.html>

¹¹ <http://www.eurasia.org.ru/archive/archives/june/Oil267.htm>

¹² <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-16883.html>

¹³ <http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-16883.html>

¹⁴ См. материалы журнала "Kazakhstan" № 4. 2007

¹⁵ Iran Objects to Caspian Seabed Pipelines—"The Alexander's Oil & Gas Connections". Vol. 13.

№ 18. 09.10.2008.

¹⁶ <http://www.regnum.ru> (16 .10. 2007).

¹⁷ <http://www.fondsk.ru/print.php?id=1023> (18.10.2007)

¹⁸ Kazakhstan. № 4. 2007

¹⁹ Iran Objects to Caspian Seabed Pipelines—"The Alexander's Oil & Gas Connections".

²⁰ <http://www.day.az/news/economy/49289.html> (22 .05 2006)

²¹ Независимая газета. М. 16 .10 2007;

http://www.morskayakollegiya.ru/news/obshchie_novosti/2007/10/22/137

²² <http://www.oilru.com/articles/read/134/>

²³ Казахстан зальет Россию нефтью. http://www.energystrategy.ru/news/source/may5_2004_3.htm

²⁴ <http://www.regions.ru/news/2075278>

Освоение нефтяных ресурсов и охрана морской среды Северного Каспия: международно-правовые аспекты

Каспий – крупнейший в мире, полностью замкнутый естественный водоем, обладающий уникальным сочетанием признаков моря и озера. Большая часть загрязняющих веществ поступает в него со сточными водами с суши, а по мере все большего хозяйственного использования самого Каспия – и из морских источников. Из-за отсутствия связи с Мировым океаном замкнутая экологическая система водоема оказывается особенно уязвима в условиях нарастающего воздействия на нее человеческой деятельности. Велика климатообразующая роль Каспийского моря. По запасам и разнообразию биоресурсов Каспий относится к природным объектам мирового значения.

Особую роль в этом отношении играет мелководный Северный Каспий, занимающий почти треть площади моря, но содержащий менее 1% общего объема его воды. Это своеобразный “инкубатор” для практически всех видов морских рыб, обитающих в мире. В 1974 году акватория восточной части Северного Каспия была объявлена СМ КазССР заповедной зоной с особым режимом охраны, а в 1975 году весь Северный Каспий получил статус заповедной зоны. Еще сравнительно недавно Каспий был способен давать ежегодно 500-550 тыс. тонн рыбы в год. При этом, что основную часть улова могли составлять ценные породы (осетровые, белорыбицы и др.). В 1970-80-е годы СССР производил на Каспии 2,5 тыс. черной икры в год, что составляло около 90% ее мирового производства.¹ По оценкам известного во всем мире «КаспНИИРХ», сделанным несколько лет назад, биопотенциал Северного Каспия составлял около 37 млрд. долларов.² Сумма, сопоставимая со стоимостью огромных запасов углеводородов, недавно открытых в этой части моря. И если каспийская нефть и газ когда-то будут полностью исчерпаны, то биоресурсы при рациональном их использовании являются возобновляемыми и потому практически вечными.

Не будучи в географическом отношении морем, Каспий не может им считаться и в правовом смысле. Реки и искусственные каналы (в частности, Волга или Волго-Донской канал), не являющиеся объектами международного морского права, не превращают внутриконтинентальные водоемы в моря. Соответственно на Каспий не распространяется международное морское право, прежде всего Конвенции ООН по континентальному шельфу и морскому праву 1958 и 1982 годов.

Нынешний закрытый в правовом отношении статус Каспия сформировался благодаря действиям двух государств - России (СССР) и Ирана, расположенных на его берегах, и в соответствии со спецификой этого географически замкнутого внутриконтинентального водоема. Согласно договорам между СССР и Ираном от 1921 и 1940 годов Каспий является закрытым в правовом смысле водоемом, а его акватория представляет пространство общего пользования, то есть не разделена никакими границами (кроме особых рыболовных зон в прибрежных водах). Единство и однородность статуса всего морского пространства Каспия отвечала единству экосистемы, сформировавшейся в этом географически замкнутом пространстве.

После распада СССР статус Каспия как закрытого (в правовом смысле) внутриконтинентального моря, установленный его прибрежными государствами и признанный международным сообществом, не изменился и не мог измениться. Международные обязательства по договорам СССР и Ирана, установившим статус Каспия, сохраняют силу и для России, и для новообразованных прикаспийских государств как правопреемников СССР. Поскольку эти государства в качестве

правопреемников СССР ссылаются на преемственность территориальных прав, то они должны признать и юридическую действительность актов, которыми создан статус Каспия и основанные на нем права и обязанности.

Появление на берегах Каспия новых прибрежных государств – Республики Казахстан, Республики Азербайджан, Республики Туркменистан - совпало по времени с открытием в недрах Каспия огромных запасов углеводородных ресурсов, которые оказались крайне востребованы как новыми государствами, так и ведущими странами Запада. Все это потребовало определенных изменений в существующем статусе Каспия и дополнении традиционных режимов его использования (обеспечение военно-политической безопасности водоемопользования, судоходство, рыболовство) новыми режимами с учетом современных реалий (разработки минерально-сырьевых богатств Каспия, защиты морской среды и т.д.).

Вместе с тем с международно-правовой точки зрения исторически сложившийся статус Каспия не мог быть изменен односторонними действиями отдельных прикаспийских государств. Для его изменения необходимо согласие всех прибрежных государств Каспия, и пока оно не достигнуто, нынешний статус полностью сохраняет свою силу.

Однако в реальной жизни кардинальное изменение геополитической ситуации вокруг Каспия сопровождалось все возрастающим валом нарушений существующего статуса этого уникального водоема в ходе использования его ресурсов. Вместе с тем объектом начавшихся переговоров между заинтересованными сторонами этот процесс стал лишь где-то с середины 1990-х гг. и до сих пор он далек от завершения. К настоящему времени стороны пришли к согласию только о том, что Каспий – это ни море и ни озеро, а “особый” случай и требует разработки специальных норм его статуса. Прибрежные государства договорились также, что сохранение ныне действующего статуса Каспия как пространства общего пользования остается только в отношении толщи вод и поверхности водоема, а его дно и недра делятся между прибрежными государствами. Это нашло отражение в формулировке “дно делим, вода - общая”.

Вместе с тем получить согласие всех прибрежных государств по поводу принципов деления дна Каспия пока не удалось. Договоренности по этому вопросу достигнуты только между тремя участниками переговоров по разделу каспийского дна – Казахстаном, Россией и Азербайджаном. Эти страны, как известно, уже подписали соответствующие межгосударственные соглашения. Однако Иран и Туркменистан не согласны с реализованными на практике принципами раздела дна Каспия. В итоге в соответствии с действующим статусом Каспия отсутствие одобрения принятого решения всеми заинтересованными сторонами может квалифицировать произведенный раздел дна Каспия как нелегитимный, односторонний захват территорий. Понятно, что пока камнем преткновения был и остается дележ нефтегазовых месторождений, хотя в будущем объектами споров могут стать и другие обнаруженные в недрах Каспия минеральные ресурсы, непосредственно участки дна водоема, которые могут потребоваться для прокладки систем транспортировки добытых ресурсов, коммуникаций, а также квоты на уловы стремительно убывающих ресурсов рыбы. Соответственно сроки достижения договоренностей между прибрежными государствами по поводу принятия нового статуса Каспия кажутся весьма неопределенными и могут крайне затянуться из-за перечисленных созревших и потенциально возможных в будущем новых разногласий.

Между тем экологическая ситуация в Каспийском море, в том числе в северной его части, становится все более угрожающей. Загрязнение моря растет.

Подорваны запасы как массовых (кильки, сельди), так и наиболее ценных видов биоресурсов (в том числе осетровых). К традиционным источникам загрязнения Каспия в виде стоков с прибрежных территорий добавились загрязнения начавшейся крупномасштабной добычи и транспортировки нефти в акватории Каспия, особенно в его северной мелководной части, которая является эпицентром исключительного биоразнообразия этого водоема. Уже идет добыча нефти с восьми скважин казахстанского морского месторождения Кашаган, расположенного в 80 км от Актау, и готовится эксплуатация еще девяти скважин. Российская компания «Лукойл», имеющая лицензию на добычу нефти в российском секторе Каспия, объявила о намерении добывать ежегодно в этом секторе моря, начиная с 2009 г., около 10 млн. тонн нефти. В итоге все чаще появляются сообщения о нефтяных пятнах, наблюдаемых в разных частях Каспийского моря, включая северную, до недавнего времени считавшуюся наиболее чистой в результате длительного сохранения здесь режима заповедной территории.

Выход из создавшейся ситуации прибрежные государства пытались найти, договорившись интенсивно развивать региональное экологическое законодательство, вне зависимости от договоренности относительно принятия нового статуса Каспийского моря. Были сделаны первые шаги в этом направлении. В 2003 г. было принято Тегеранское рамочное соглашение по защите морской среды Каспийского моря, установившее общие принципы, подходы, направления экологического регулирования этого уникального водоема. Предполагалось, что соглашение незамедлительно следует наполнить конкретным содержанием в рамках целой серии протоколов по отдельным областям и инструментам средоохранной политики (биоразнообразию, оценке экологического воздействия хозяйственных проектов, борьбе с аварийными разливами нефти и т.п.), без которых оно осталось бы лишь документом о намерениях его участников. Однако процесс принятия перечисленных и разработка дополнительных протоколов и соглашений по-прежнему буксовал, а с ним - и развитие всего средоохранного сотрудничества прикаспийских стран. И причина этого заключается, видимо, в отсутствии общей договоренности сторон относительно фундаментальных положений статуса Каспийского моря и, несмотря на внешнюю риторику, незаинтересованности ни западных инвесторов, ни политических элит самих прибрежных стран в экологизации процесса освоения нефтегазовых ресурсов Каспия.

Неудачи в развитии регионального международного регулирования состояния окружающей среды Каспия прибрежные государства начали пытаться компенсировать расширением своего участия в международных соглашениях, в том числе экологических, глобального уровня. Однако присоединение к некоторым международным конвенциям такого рода не означает еще приобретения возможности использования международного права в качестве инструмента спасения Каспия. Так, Казахстан, сугубо континентальное государство, за последние годы стал участником важнейших международных конвенций по морскому праву. Тем самым он косвенно заявил о своем признании Каспия морем, то есть частью Мирового океана, и требовании распространить на этот водоем действие международных норм морского права со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями, направленными на разделение его на территории, подчиняющиеся национальной юрисдикции прибрежных стран. Однако стремление отказаться от сохранения Каспия как пространства общего пользования противоречит требованию управления замкнутой экосистемой этого уникального водоема как единым целым. Участие в морских конвенциях Казахстана – это также стремление продемонстрировать себя в качестве полноправного члена международного сообщества, решающего наряду с другими странами проблемы использования и

охраны Мирового океана, и тем самым повысить свой рейтинг в качестве делового партнера ведущих нефтяных ТНК, пришедших осваивать углеводородные богатства Каспия.

Если использование Международной конвенции по морскому праву для решения тех или иных проблем Каспия противоречит нормам международного права и потому не может способствовать улучшению экологической ситуации в его акватории, то применение другой глобальной конвенции - Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Эспоо) – могло бы оказаться весьма полезным для достижения устойчивого природопользования и защиты уникальной экосистемы Каспийского моря. Казахстан подписал и ратифицировал эту конвенцию. Россия – только подписала, но не смогла ее ратифицировать, потому что нарушила установленные конвенцией требования к ее потенциальным участникам. Так, в противовес требованиям Конвенции Эспоо о расширении роли государственной экологической экспертизы в национальной политике государств, в 2006 г. Россия внесла в Градостроительный кодекс и некоторые федеральные законы страны поправки, которые фактически отменили требование проведения подобной экспертизы за исключением планов реализации проектов на особо охраняемых территориях и на континентальном шельфе. Вместо всесторонней экологической экспертизы с 2007 г. проекты стали проходить лишь процедуру проверки соответствия определенных параметров проекта техническим регламентам, в том числе устанавливающим экологические нормативы.

Конвенция Эспоо, подписанная в 1991 г., как известно, требует, чтобы ее участники проводили оценку воздействия планируемой деятельности на окружающую среду сопредельных государств, если эта деятельность может оказать значительное трансграничное воздействие. Положительным моментом является и то, что эксперты государств Каспийского региона разработали и в 2003 г. утвердили для Каспийского региона согласованное практическое руководство по процедуре оценки воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, основанное на Конвенции Эспоо. В соответствии с этим руководством, для эффективного применения процедуры оценки воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте в регионе Каспийского моря необходимо установить согласованную процедуру взаимодействия стран региона на правительственном уровне. Конвенция Эспоо предоставляет основу такой процедуры, однако практические детали по ее применению остаются за участниками Конвенции. Эксперты прикаспийской “пятерки” обсудили конкретные процедуры проведения оценки воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте с учетом особенностей Каспийского региона и требований национальных законодательств своих государств в этой области. В итоге были установлены весьма подробные, можно сказать пошаговые, правила и процедуры проведения оценки воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте для прикаспийских стран. В самом обобщенном виде эти правила следующие.

1. “Страна происхождения” трансграничной экологической угрозы обязуется направить “Уведомление” о возможном трансграничном воздействии на этапе проведения оценки воздействия на окружающую среду и обеспечить передачу соответствующих документов “Затрагиваемой стране”.

2. “Стране происхождения” следует запросить у “Затрагиваемой страны” предоставление наиболее доступной информации по экологическим и связанным с ними аспектам, которые могли бы быть полезными при подготовке материалов по оценке воздействия на окружающую среду и в процессе консультаций.

3. Проект материалов по оценке воздействия на окружающую среду должен быть направлен всем “Затрагиваемым странам”, изъявившим на стадии

уведомления желание участвовать в процессе оценки воздействия на окружающую среду.

4. Информация об окончательном решении по поводу реализации рассматриваемого проекта должна включать описание любого приемлемого для “Затрагиваемой страны” и ее общественности механизма апелляции к административным или судебным органам.

5. “Затрагиваемая страна” может решить принять или не принять участие в процессе оценки воздействия на окружающую среду.

6. После завершения оценки воздействия на окружающую среду компетентный орган “Страны происхождения” информирует “Затрагиваемые страны” об окончательном одобрении проекта и о том, какие их комментарии были учтены.

7. “Затрагиваемые страны” могут изъявить желание получать информацию по реализации проекта и проведению мониторинга.

Трансграничные последствия бурной деятельности по добыче и транспортировке нефти в Северном Каспии, начавшейся в последние годы, очевидны и требуют незамедлительного применения Конвенции Эспоо для оценки экологических последствий всех крупных хозяйственных проектов для соседних стран на всей акватории Каспийского моря, но прежде всего в его самой мелководной и уязвимой северной части.

Оценке Конвенции Эспоо следует подвергнуть крупнейший на Каспии нефтегазовый проект Кашаган, реализация которого уже началась в казахстанском секторе Каспия вне зависимости от выводов не проводившейся пока международной и неоконченной национальной экологической экспертизы. Собственно Кашаган является одним из самых крупных, но одновременно и самых сложных для разработки месторождений в мире. Сочетание сразу двух факторов – высокого давления в 800 бар и высокого (до 15 %, а по другим источникам и до 30%) содержания сероводорода – существенно затрудняет его разработку. Для примера, в Северном море нефть добывается под высоким давлением, но нет сероводорода, а в США, напротив, много нефти с сероводородом, но практически нет добычи под давлением. Соответственно можно себе представить масштаб экологических рисков для чрезвычайно уязвимой экосистемы Каспия, особенно его северной части.

В настоящее время в Казахстане идет бурное обсуждение с участием общественности этого гигантского нефтегазового проекта. России, интересы которой, несомненно, могут быть затронуты экологическими последствиями реализации столь грандиозного проекта, следует стать полноправным участником его обсуждения, отстаивать свои права и способствовать принятию экологически грамотных и отвечающих своим и всего каспийского сообщества интересам, решений.

Одновременно Конвенция Эспоо должна применяться и к проектам добычи нефти в российском секторе Каспия. В частности, необходима оценка трансграничных последствий применения при разработке нефтяных месторождений технологии “нулевых сбросов”, используемой “Лукойлом” на Северном Каспии. В России пока нет утвержденного стандарта такого рода технологии. Деятельность компании носит закрытый характер, в том числе в отношении экологических последствий реализации ее нефтегазовых проектов. Компания сама ведет экологический мониторинг, предоставляя полученные ею данные в соответствующие государственные органы.

Оценка трансграничных экологических последствий крайне важна и при выборе маршрутов транспортировки нефтяных ресурсов из Каспийского региона. В начале 2007 г. первоначальные планы Казахстана экспортировать возрастающие объемы нефти с месторождений Кашаган и Тенгиз через российскую территорию в

Новороссийск по второй ветке Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) изменились и было объявлено о планах создания «Казахстанской каспийской системы транспортировки» (ККСТ) для поставки до 38 млн. тонн нефти в год из Казахстана через Каспийское море на международные рынки по маршруту Баку-Тбилиси-Джейхан.³ Инициаторами этого решения стали западные акционеры консорциума КТК, в состав которого входят американские «Шеврон», «ЭкксонМобил» и «КонокоФилиппс», итальянская «Эни», англо-голландская «Шелл», а также японская «Интекс». Именно от них зависит начало промышленной добычи нефти на месторождении Кашаган, которое вместе с месторождением Тенгиз составляет основу нефтяного экспорта Казахстана. И именно они отказываются от требований России, которой принадлежит 24% акций в КТК, относительно повышения тарифов на прокачку нефти по КТК. На протяжении уже ряда лет иностранные нефтяные компании извлекают основные доходы за счет минимальных отчислений в пользу России за прокачку нефти. В этих условиях российская сторона готова была даже объявить КТК банкротом, а российская Федеральная налоговая служба признала финансовую схему, по которой работает КТК, незаконной. К стремлению уйти от неустраивающих западных инвесторов системы уплаты налогов добавляется также неприкрытое давление правительства США, которое не скрывает своей заинтересованности в том, чтобы нефть с месторождения в Кашагане пошла именно в нефтепровод Баку-Джейхан, ибо без нее этот нефтепровод попросту нерентабелен.

Оценивая ситуацию с выбором маршрутов транспортировки нефти из Каспийского региона, следует признать, что при принятии решений такого рода в регионе Каспийского моря критерий экологичности полностью игнорируется. Тем не менее, последний должен стать, наряду с геополитическим и экономическим факторами, неотъемлемой частью системы принятия соответствующих решений. В связи с этим можно констатировать, что реализация транскаспийского проекта транспортировки нефти посредством перевозки ее через Каспий танкерами заведомо является экологически менее выгодной, чем транспортировка по сухопутному трубопроводу, каким является КТК. Морская транспортировка нефти посредством трубопроводов или танкеров несравненно более экологически опасна по сравнению с более технически простой трубопроводной транспортировкой по суше. Нефть придется сначала заливать в танкеры на казахстанском берегу, а потом переваливать ее из танкеров в нефтепровод уже на территории Азербайджана. Гораздо сложнее фиксировать и оперативно устранять разливы нефти в акватории Каспийского моря, чем на суше. Частые штормы, ледовая обстановка в северных частях Каспия в зимний период в сочетании с неурегулированностью правового статуса этого водоема и наличием пока еще богатых и по многим параметрам уникальных биоресурсов - все это аргументы для выбора сухопутных маршрутов масштабной транспортировки каспийской нефти на мировые рынки.

Отсутствие необходимого международно-правового регулирования воздействия хозяйственной деятельности прикаспийских стран на состояние окружающей среды Каспия эти страны пытаются компенсировать активизацией процесса национального законодательства. Однако бессистемное использование устаревших или принятие разрозненных, зачастую пролоббированных нефтегазовыми инвесторами национальных экологических законов, подзаконных актов, норм зачастую создает правовой хаос и лишь видимость деятельности по спасению гибнущего уникального водоема. Например, какой эффективности можно ожидать от применения нормы российского экологического законодательства о запрещении морского бурения на месторождениях, содержащих сероводород, если в соседнем национальном секторе такие нормы отсутствуют и бурными темпами

разрабатывается гигантское месторождение нефти с высоким содержанием сероводорода? Вместе с тем развитие национально-правового регулирования новых прибрежных стран продолжает страдать от недостатков и ошибок, которые достались им в наследство с советских времен и которые эти страны не смогли по разным причинам преодолеть. Например, до сих пор в Казахстане и в России сохраняются крайне неэффективные и сверхзатратные механизмы экологического регулирования в виде платежей за разрешенные загрязнения и т.п.

Особая экологическая уязвимость Каспия predetermined полнотой замкнутостью его экосистемы, требующей соответствующего управления ею как единым целым. Невозможно эксплуатировать один сектор Каспия, не нанося ущерб другому. Поэтому международно-правовое регулирование экологического воздействия хозяйственной деятельности на Каспии имеет приоритетное значение перед национальным регулированием и требует незамедлительной разработки и реализации. Однако в условиях резкого нарастания масштабов природопользования правового и международно-правового регулирования его экологических последствий оказывается недостаточно и возникает необходимость расширения применения подобных методов регулирования и на сферу экономики. Применительно к целям предотвращения достижения порога необратимой деградации экосистемы Каспия это может означать согласование масштабов допустимого воздействия экономик прибрежных стран на его экосистему в виде межгосударственных соглашений о применении квот на разрешенные объемы добычи нефтегазовых ресурсов со дна Каспия, уловы рыбных ресурсов и т.п. В отношении квот на уловы осетровых в Каспии это, как известно, уже происходит.

В идеале экологическое регулирование должно осуществляться преимущественно правовыми, в том числе международно-правовыми методами. Тем не менее, в большинстве стран мира роль этих методов существенно уступает методам административно-распорядительного и экономического характера. Это особенно ярко проявляется в условиях быстрого и резкого обострения эколого-экономических противоречий, наблюдаемых в последние годы, среди прочих, и в регионе Каспийского моря, где правовое регулирование просто не поспевает за развитием событий. Каким образом и можно ли в принципе изменить эту ситуацию и вернуть правовую науку на службу спасения гибнущих в результате неконтролируемого антропогенного воздействия экосистем, включая каспийскую, – вопросы, требующие специальных дополнительных исследований.

Примечания

¹ Аладин Н.В., Плотников И.С. Угроза крупномасштабной экологической катастрофы на Каспийском море. - М.: Зоологический институт РАН., 2001. - с.1.

² <http://fishres.ru/news/news.php?id=8338>

³ Независимая газета. М. 11.03. 2009.

СПИСОК АВТОРОВ

Амиров В.Б.

старший научный сотрудник ИМЭМО РАН

Быстрова А.К.

к.э.н., старший научный сотрудник ИМЭМО РАН

Гельбрас В.Г.

д.и.н., главный научный сотрудник ИМЭМО РАН,
профессор Института стран Азии и Африки МГУ

Крылов А.Б.

д.и.н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН

Куртов А.А.

старший научный сотрудник
Российского института стратегических исследований (РИСИ)

Мальшева Д.Б.

д.п.н., главный научный сотрудник ИМЭМО РАН

Михеев В.В.

чл.-корр. РАН, д.э.н., зам. директора ИМЭМО РАН

Рогожина Н.Г.

к.и.н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН

Симония Н.А.

академик РАН, д.и.н.
директор Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН

Чуфрин Г.И.

чл.-корр. РАН, д.э.н., советник РАН, ИМЭМО РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Чуфрин Введение.....	3
I. Региональная безопасность: вызовы и ответы	
Г. Чуфрин Россия и постсоветские страны Центральной Азии и Закавказья: сотрудничество и конфликты.....	9
Д. Малышева Безопасность Центральной Азии в условиях глобального кризиса.....	22
А. Крылов Южный Кавказ: до и после Пятидневной войны.....	37
II. Экономическое сотрудничество: производство, транспорт, экология	
Н. Симония Политика постсоветских стран Прикаспия по вопросам экспорта энергоресурсов	51
В. Михеев Перспективы отношений в треугольнике Россия – Китай – Казахстан в условиях глобального кризиса.....	56
А. Куртов Каспийские транспортные коридоры: соседство экономической целесообразности и политической конъюнктуры.....	67
В. Гельбрас Влияние китайской антикризисной программы на страны Центральной Азии.....	105
В. Амиров Перспективы сотрудничества России и стран Центральной Азии после глобального кризиса.....	111
Н. Рогожина Нефтяной транзит и проблемы экологии.....	124
А. Быстрова Освоение нефтяных ресурсов и охрана морской среды Северного Каспия: международно-правовые аспекты.....	131
Список авторов	138